

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КОМПЛЕКСНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«АНТРОПОЛОГИЯ ДЕТСТВА»

**ДЕТИ ГОРОДА: РОССИЯ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Хрестоматия

Ставрополь
2008

УДК 947
ББК 63.3(2)5
Д 38

Печатается по решению
комплексной научно-практической
лаборатории «Антропология детства»
Ставропольского государственного
педагогического института

Научный редактор

д-р пед. наук, профессор, Заслуженный учитель РФ *Л.Л. Редько*

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор (Москва) *Г.Б. Корнетов*,
доктор исторических наук, профессор (Ставрополь) *Т.А. Невская*

Авторы-составители:

*Е.Г. Пономарев, Т.С. Овчаренко, Е.Н. Атарщицова,
Н.Г. Глушкова, Е.В. Карагодин, С.А. Книевский,
Э.Г. Колесникова, П.Г. Немашкалов, К.В. Чевпилова*

**Дети города: Россия (вторая половина XIX – начало
Д 38 XX века): Хрестоматия / Ответственный редактор Е.Г. По-
номарев. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2008. – 228 с.**

ISBN 978-5-91090-047-3

В хрестоматию включены материалы, отражающие многоаспектный, захватывающий, а нередко драматический, период жизни, имя которому детство. Авторы-составители сосредоточили свое внимание на воссоздании истории городских детей России второй половины XIX – начала XX вв. Наряду с опубликованными законодательными актами, художественными произведениями и другими источниками, в ней представлены архивные документы, периодическая печать Ставрополя и Кубани.

Хрестоматия имеет учебно-познавательный характер. Она предназначена для преподавателей вузов, учителей общеобразовательных школ.

Работа над хрестоматией выполнена сотрудниками ВНИК «Антропологические аспекты исторического исследования: история образования, семьи и детства» лаборатории «Антропология детства» в рамках научной программы «Антропологические основы современной теории и практики образования», финансируемой Правительством Ставропольского края.

УДК 947
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-91090-047-3

- © Коллектив авторов, 2008
- © Ставропольский государственный педагогический институт, 2008

Содержание

Предисловие	4
Вступительная статья С.Н. Дурьлина	7
<i>Раздел I.</i> Пора детства. Воспитание в семье	21
<i>Раздел II.</i> Обучение и воспитание	88
<i>Раздел III.</i> Детский труд, образы страдания и страхи	170
<i>Раздел IV.</i> Бедность и сиротство	177
<i>Раздел V.</i> Рождаемость и здоровье	216
<i>Раздел VI.</i> Детский вопрос в программах политических организаций и партий России	224

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая хрестоматия является первой попыткой представить в одном издании антропологический аспект истории городских детей России второй половины XIX – начала XX вв. Данный период отечественной истории вызывает интерес у общественности и привлекает внимание исследователей, поскольку характеризуется модернизационными процессами в России, имевшими свои специфические особенности. Происходили изменения в экономической и духовной сферах общества в целом и каждого его представителя в отдельности. Своеобразно формировались социальные страты, диаметрально противоположно отличающиеся не только своим положением на общественной лестнице, материальным достатком, участием в экономической жизни, но и национально-культурными и религиозными традициями. Принципиальным отличием патриархальной, аграрной, азиатской России от индустриальной европейской ее составляющей, стремящейся к западной цивилизации, являлось разделение между городом и деревней. Город и городской образ жизни, с его экономическим потенциалом и формирующимся укладом, в середине XIX – начале XX веков олицетворяли Европейскую Россию, ведущую вечный спор с ее азиатскими просторами. Именно этими предпосылками определялся интерес составителей хрестоматии к условиям, интересам, комплексам факторов зарождения новой формации россиян в важнейший период становления личности человека и гражданина, который называется детство. Отсюда происходит название хрестоматии «Дети города» как один из важнейших и определяющих импульсов цивилизационного развития российского общества на изломе социально-экономической формации. В данный период чередовались реформы и контрреформы, относительная либерализация сменялась антилиберальной контрмодернизацией (в современной исторической науке существует мнение о волнообразном развитии России). Наряду с изменениями социальной структуры, отвечающей капиталистическому способу производства, новыми буржуазными принципами реформирования органов местного самоуправления, созданием современной судебной системы, реформой народного образования и другими преобразованиями, сохранялись старые административно-полицейские методы, сословность во всех сферах жизни страны. Такая противоречивость была свойственна развитию российской государственности, состоянию экономики, общества в целом и менталитета его граждан.

Тема детства традиционно занимала особое место в классической литературе, изобразительном искусстве, научных исследованиях, ме-

муарах и творчестве представителей российской культуры. Во все времена писатели, художники посвящали свои произведения крестьянским детям. В условиях традиционного общества, где преобладающим являлось крестьянство, а соответственно и крестьянские дети, это было закономерно. С переходом России к капитализму и формированием современного общества передовую интеллигенцию начала привлекать тема детства в городской среде. В первую очередь, это не столько проблемы детей, растущих в так называемых «приличных» семьях, сколько внимание к катастрофическому положению детей-сирот, беспризорных, бедняков, подмастерьев и маленьких тружеников городов новой исторической эпохи капитализма. В своих произведениях авторы подробнейшим образом анализировали психологию детей разных возрастов, факторы, влиявшие на формирование личности в семье, в школе, на улице. Именно русская интеллигенция создавала общественное мнение, побуждала государство и власть обращать внимание на сложное, а нередко и бедственное положение городских детей. В законодательстве Российской Империи второй половины XIX века нашли отражение проблемы детей города, нуждавшихся в социальной, материальной и правовой поддержке. Детский вопрос как один из острейших привлек внимание и стал составной частью программ политических организаций и партий России второй половины XIX – начала XX века.

Включенные в хрестоматию материалы должны способствовать воспроизведению, хотя бы в определенной степени, картины детства, представителей различных сословий и социальных групп города. Авторами-составителями использованы различные виды источников: законодательные акты Российской Империи, составлявшие правовую основу государства; нормативно-директивные, делопроизводственные и другие регламентирующие инструкции (государственных учреждений и общественных организаций); материалы фискального, административного и хозяйственного учета, статистика; периодическая печать; источники личного происхождения; программные документы политических партий и организаций. Кроме того, в хрестоматию вошли произведения или их фрагменты из русской классической литературы, фотодокументы Государственного архива Ставропольского края и Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, иллюстрации (репродукции картин известных русских художников и рисунки к конкретным художественным текстам). Новизной данной хрестоматии является то, что наряду с документами, художественными произведениями и другими материалами, изданными в разное время, в нее включены архивные материалы, периодическая печать Ставрополья и Кубани, часть из которых впервые вводится в научный обо-

рот. Посредством комплексного использования источников воссозданы разные аспекты истории городских детей России в хронологических рамках второй половины XIX – начала XX вв.

Непроизвольно внимание авторов-составителей сосредоточилось на детях низших социальных слоев города, на тех, кого В.Г. Короленко назвал «дети подземелья». Как оказалось, именно они, «униженные и оскорбленные», привлекали особое внимание совестливой российской интеллигенции. Авторам пособия представляется в перспективе, опираясь на документальные, литературные и исторические источники, сосредоточиться на воссоздании и других, не менее интересных образов российского детства: крестьянских детей, и так называемых, «барчуков», которые жили, в совершенно разных мирах на одном историческом, географическом, литературном, социально-экономическом пространстве государства российского.

Хрестоматия построена на основе проблемно-хронологического принципа. Большинство документов и материалов приведены в извлечениях и отрывках, с указанием названий, авторства, краткими справками и пояснениями. Содержание заявленной темы представляют шесть разделов: Раздел I. Пора детства. Воспитание в семье; Раздел II. Обучение и воспитание; Раздел III. Детский труд, образы страдания и страхи; Раздел IV. Бедность и сиротство; Раздел V. Рождаемость и здоровье; Раздел VI. Детский вопрос в программах политических организаций и партий России.

Хрестоматия не претендует на полное освещение данной проблемы, имеет учебно-познавательный характер, фрагментарно освещает сложный и противоречивый период несовершеннолетних, маленьких граждан великой Российской Империи. Она предназначена для преподавателей вузов, учителей общеобразовательных учебных заведений, студентов педагогических вузов, работников внешкольных учреждений и детских библиотек, учащихся школ и всех, кто проявляет интерес к антропологии детства.

Текст хрестоматии составлен авторским коллективом: Е.Г. Пономарев, Т.С. Овчаренко (предисловие); Е.Н. Атарщикова, Н.Г. Глушкова (раздел I); Е.В. Карагодин (разделы II, IV); С.А. Книевский (разделы I, II, IV); Э.Г. Колесникова (разделы II, V); П.Г. Немашкалов (разделы I, II, IV, V); Т.С. Овчаренко (разделы I, II, III, IV, V, VI); К.В. Чевпилова (разделы II, IV).

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В качестве вступительной статьи, определяющей основные тенденции, волновавшие российскую общественность на рубеже XIX – XX веков, связанные с идеей гуманизации школьного образования, свободного воспитания, мы предлагаем материал С.Н. Дурылина, опубликованный ровно сто лет назад.

Для настоящего издания особенно важна идея, пронизывающая все грани статьи выдающегося русского педагога: счастливая неповторимая «страна детей», в которой царят гармония и совершенство, не может и не должна подвергаться насилию со стороны взрослых. Опираясь на это хрупкое противостояние двух миров, неизбежно находящихся в единстве, пожалуй, остается уповать на древнюю заповедь медицины: «Не навреди».

Редакторы хрестоматии благодарят профессора Г.Б. Корнетова за конструктивные замечания и ценные рекомендации в процессе подготовки хрестоматии и предоставленную возможность публикации материала С.Н. Дурылина.

Сергей Николаевич Дурылин (предположительно 1886 (1877) – 1954)

Известный российский театровед, литературовед, искусствовед, публицист, философ-богослов, священник в начале XX в. возглавил общественно-педагогическое движение свободного воспитания; ответственный секретарь одноименного журнала, автор книги «В школьной тюрьме (исповедь ученика)» (1906 г.), многочисленных статей по проблемам педагогики и школьного образования, неизменно вызывавших широкий резонанс в российском обществе.

Вечные дети¹

I.

Старинные писатели любили обсуждать вопрос: какое лучшее время человеческой жизни? Нам подобные вопросы кажутся праздными, но это не потому, что мы правы. Не правы ни они, ни мы. В предложенном вопросе нет вопроса.

¹ Статья, опубликованная в научно-публицистическом журнале «Свободное воспитание». 1909 / 1910. – № 5. – С. 1 – 22.

Есть только одно время, одна пора в жизни человека, о которой он, как бы светло или темно ни пережил ее, жалеет всегда, неустанно, как о бесконечной потере, как о бесценном, навсегда утраченном сокровище. Эта пора – детство.

«Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?» Эти знаменитые строки из «Детства» Л.Н. Толстого повторит всякий, и глубоко, непоправимо несчастен тот, кто не повторит этого.

Для христианина дети и детство должны быть самым святым и прекрасным, что есть в людях и среди людей, потому, по учению Христа, единственный путь к совершенству лежит через детство и детей: «Кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. XVIII, 4). Любимый пророк и учитель евреев, царь Давид, восклицает: «Господи, Боже наш!.. Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя» (Пс. VIII, 3).

Тут, в отношении к детям и детству, в оценке значения детства для человечества и будущего, вслед за Христом идут и духовные вожди современности. Вспомним некоторые из их слов о детях: слова Ницше о «стране детей», куда должно стремиться; слова Джона Рескина о том, что «детство часто держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость позднейших лет»; слова Л.Н. Толстого: «Если бы мне дали выбирать: населить землю такими святыми, каких я только могу вообразить себе, но только чтобы не было детей, или такими людьми, как теперь, но с постоянно пребывающими свежими от Бога детьми, я бы выбрал последнее»; слова Э. Кэй о том, что «XX век будет веком ребенка и взрослые будут, как дети»; наконец, совсем недавние слова одного из виднейших современных поэтов:

Живы дети, только дети.

Мы мертвы, давно мертвы.

Ф. Сологуб

Если воспоминание о юности, зрелости, мужестве, первой старости может быть горем и скорбью, то воспоминание о детстве всегда счастье. Этим счастьем вдохновлены лучшие произведения писателей, поэтов, художников; этому счастью мы обязаны произведениям Л. Толстого, С. Аксакова, Достоевского, Чехова, Короленко и многих других. Если бы в нашей власти было воротить прошлое, мы воротили бы себе не юность, не мужество, не силу, но детство, – единственное, что мы знаем совершенного на свете. Но помним, любим, ценим мы детство задней памятью, поздней любовью, уже ненужной ценой.

Мы жалеем о *своем* ушедшем в прошлое детстве, но детства детей наших, детства наших учеников и воспитанников, чужого нам, но живого, настоящего детства мы не жалеем. Мы безрассудно его расточаем. Величайший грех мира, тот грех, о котором сказано, что лучше бы творящим его потонуть с повешенным жерновом на шею в пучине морской, – есть забвение и постоянное уничтожение в детях детства, постоянное убийство в детях детей. Что такое все наше так называемое воспитание, школа, как не непрерывное, иногда необыкновенно грубое, иногда более мягкое, но не менее упорное воздействие взрослых на детей, имеющее целью как можно скорее и успешнее сделать детей такими же, как мы сами, заставить их жить, верить, любить, знать, действовать, как мы сами живем, верим, любим, знаем, действуем. Мы считаем себя если не совершенными, то, по крайней мере, уже стоящими на пути к совершенству, и потому признаем за собой право влечь и детей своих и чужих по пути к нашему совершенству.

Мы считаем себя выше во всех отношениях детей, признаем, что они несомненно ниже нас, и потому считаем своим долгом поднимать их до себя, насильно или мнимо свободно поднимать. В этом состоит то, что мы называем воспитанием. Воспитание есть приведение менее совершенных более совершенными к тому совершенству, которым обладают эти последние. Так и мы: детей, менее совершенных, стремимся поднять до себя, более совершенных.

Мы ни на минуту не сомневаемся в своем праве поступать так. Но если б мы мыслили добросовестно, мы должны были бы узнать сперва, кто же совершеннее, мы или дети, и уж тому, кто совершеннее, предоставить воспитывать менее совершенных.

Поразмыслим же о том, как мы поступаем.

Христос не сказал детям, приходившим к Нему: «Вот стоят перед вами праведные и знающие мужи (а ведь Он был окружен, действительно, праведными мужами – апостолами и учениками своими), будьте как они, и вы войдете в Царство Небесное». Но Он сказал как раз обратное: не детям велел быть такими, как праведные мужи, но праведным мужам велел быть такими, как дети. Кого же счел Он более совершенными? Кому же кого велел Он воспитывать, ибо ясно, что более совершенный должен воспитывать менее совершенного, а не наоборот?

Когда Ницше мыслил о будущем, о желанном, о наиболее совершенном, – кого считал он более совершенными и прекрасными, если не детей, призывал учиться прекрасному в стране отцов, но говорил: «Любите страну ваших детей! Да будет эта любовь вашей новой родиной!»

Почему Лев Толстой, стремясь к людскому совершенству, желает пламенно, чтоб мир был населен не святыми, но обыкновенными людьми, у которых рождаются дети? Очевидно, потому, что, как сам гово-

рит, «в детях все величайшие возможности», и в том числе величайшая возможность вечного совершенства.

Почему, наконец, одна из самых культурных и умных женщин нашего времени, Э. Кэй называет будущий век веком детей и взрослых, ставших как дети, а не веком детей, взявших от взрослых всю их мудрость и знание?

Так мыслят и думают Христос, мыслители, философы, поэты. Но не так думаем мы все, – мы, воспитывающие, обучающие, наставляющие детей. Мы думаем обратное и поступаем по-иному.

Мы считаем, что мы очень близки к совершенству, едва обладая тем, что дает нам цивилизация, культура, знание; мы, действительно, обладаем бесконечной смесью крошек, упавших к нам со столов немногих истинных ученых; этими крохами астрономическими, географическими, биологическими, математическими, историческими мы гордимся и, так как их много, мы ими сыты по горло. Дети их не имеют, и мы изо всех сил стараемся напихать им рты и желудки этими крохами наших крох. Мы считаем, что имеем истинные понятия о добре, зле, справедливости, общественном устройстве и т.д., приобретенные нами из последних книжек наук о бесчисленных «правах», социологий, политических экономий, теорий различных социализмов и других «измов», и мы всеми силами стараемся привить детям наши идеи, наши мысли, думая, что мы совершеннее детей, раз постигли все это.

Мы двумя путями совершенствуем так детей.

Один путь – старый и многими осуждаемый.

Ему следует современная господствующая школа. Она мнит себя обладающей педагогическим совершенством, и, признавая, что все средства хороши, если только они ведут к цели – приобщить детей к ее совершенству, она насильно заставляет детей делаться, как взрослые, брать у взрослых беспрекословно их веру, знания, их понятия о правде, добре, – все.

Ребенок, ученик третьего класса гимназии, призван быть судьей над тем, прав или не прав был Марк Антоний, когда он бросил государство и флот ради любви своей к Клеопатре. Ребенок 13 лет призывается судить, вызывались ли государственной потребностью и принесли ли социальную пользу экономические и политические реформы Гая и Тиберия Гракхов. Он должен рассудить также, в чем состоят особенности китайского и государственного, и религиозного устройства и раскритиковать его недостатки. Ребенок 15 лет должен усвоить себе тончайшие, сложнейшие богословские понятия и т.п.

Но может ли своим умом, своею мыслью проделать все это ребенок? У него одно средство: он покорно запоминает все, что сказано в учебнике, и словами Иловайского или Виппера осуждает легкомыслен-

ного Антония, одобряет, как мудрый политик, государственные меры Гракхов или советует китайцам заняться реформами и диалектикой учебных теологов защищает отвлеченнейшие теологические положения.

Все учение для ребенка есть повторение слов взрослых, есть детский лепет, в котором слышны недетские слова, в словах – недетские понятия, мысли, интересы. Взрослые – педагоги, родители, Клеопатры, Гракхи, реформаторы Сперанские, богословы, консервативные Иловайские, прогрессивные Випперы, некультурный Китай – обрушиваются шумно на ребенка, захватывают его врасплох, оглушают его потоком своих слов, мнений, поступков, идей, верований, и совершают настоящее преступление: крадут у него детство. В естественный, развивающийся ход его мыслей, в растущую и строго последовательную работу его сознания врываются, чем дальше, тем больше, ломают естественную детскую работу сознания, и ребенку остается одно: как можно скорее забыть о своем детстве, убить в себе ребенка и стать взрослым, взрослым в 12, 13, 15 лет.

Взрослые, похищая вторжением в душу и ум ребенка его детство, строят всю современную школу на полном пренебрежении к умственным запросам детей, к справедливым и драгоценным требованиям их развивающихся душ и умов, и, что всего ужаснее, на упорном невнимании к их нравственным запросам.

Страшно, что не удовлетворяется детская жажда знать, но еще страшнее, что не удовлетворяется детская жажда знать добро, правду, истину, т.е. высочайшие вершины человеческого познания.

Салтыков-Щедрин дал в «Рождественской сказке» потрясающую картину убийства детской правды, детской любви, детской справедливости, совершаемого родителями и учителями почти над каждым ребенком.

Маленький мальчик, Сережа Русланцев, услышал раз на Рождество в церкви слова Христа о любви и самоотвержении. Это потрясло его, и он, полный великого чувства, свойственного детям, обратился к своей матери:

– Я, мамочка, по правде жить хочу!

– Да, голубчик, в жизни главное – правда, – успокаивала его мать, – только твоя жизнь еще впереди. Дети иначе не живут, да и жить не могут, как по правде.

– Нет, я не так хочу жить; батюшка говорил, что тот, кто по правде живет, должен ближнего от обид защищать. Вот как нужно жить, а я разве так живу? Вот, намердись, у Ивана Бедного корову продали, разве я заступился за него? Я только смотрел и плакал.

– Вот в этих слезках – и правда твоя детская. Ты и сделать ничего другого не мог. Продали у Ивана Бедного корову по закону, за долг. Закон такой есть, что всякий долги свои уплачивать обязан.

– Иван, мама, не мог заплатить. Он и хотел бы, да не мог. И няня говорит: беднее его во всем селе мужиков нет. Какая же это правда?

– Повторяю тебе, закон такой есть, и все должны закон исполнять. Ты лучше об учении думай – вот твоя правда. Поступишь в гимназию, будь прилежен, веди себя тихо, и это будет значить, что ты по правде живешь. Не люблю я, когда ты так волнуешься... Батюшка говорил вообще; в церкви и говорить иначе нельзя, а ты уж к себе применяешь. Молись за ближних, больше этого и Бог с тебя не спросит.

Но мальчик не удовлетворился советами и объяснениями матери и обратился со своими святыми детскими вопросами ко всем окружающим: к батюшке, говорившему проповедь, к прислуге. Ответы он получил от них одинаковые с полученным от матери. Щедринский мальчик умер: «правда мелькнула перед ним и напоила его существо блаженством, но неокрепшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось». Мальчик не мог променять свою простую, глубокую детскую правду на слепую правду взрослых, на «пошлый опыт – ум глупцов», он не стал «взрослым». Вспоминается и другая сцена тяжелой встречи двух правд – детской и взрослой, нарисованная другим художником – Чеховым, в рассказе «Дома». Семилетний Сережа, сын вдового прокурора окружного суда, человека мягкого и доброго, был уличен в курении табака. Отец старается объяснить Сереже весь вред курения табака, но сам прокурор много курит и, объясняя сыну вред курения для здоровья, чувствует, что объяснение это мальчику, постоянно видящему пред собою курящего отца, ничего не говорит. Прокурор разбирает поступок сына и с другой стороны, но и это совсем не убеждает мальчика: правде отца он противопоставляет свою собственную правду:

– Да, не хорошо. Я от тебя не ожидал этого. Ты не имеешь право брать табак, который тебе не принадлежит. Каждый человек имеет право пользоваться только своим собственным добром, ежели же он берет чужое, то... он нехороший человек... У тебя есть лошадки и картинки... Ведь я их не беру? Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь он не мой, а твой!

– Возьми, если хочешь! – сказал Сережа, подняв брови. – Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столе, моя, но ведь я ничего... Пусть себе стоит!

Прокурор нашелся возразить на это сыну только одно: «Ты меня не понимаешь!»

Но «не понимал» семилетний чеховский Сережа так же, как щедринский Сережа не удовлетворялся объяснениями матери, батюшки и прислуги. Смертью от неутоленной жажды правды кончил щедринс-

кий мальчик; обыкновенные же русские мальчики, после все более и более слабеющих попыток защитить и охранить свою детскую правду от взрослых, удовлетворяются в конце концов объяснениями окружающими взрослых и становятся сами взрослыми, уже явно исповедующими ту обиходную, слепую, житейскую правду, которую так ярко передал Щедрин. Об этой же правде Толстой сказал верное и жестокое слово: «Вместо духовной, необходимой ему пищи, о которой просит ребенок, ему дается губящий его духовное здоровье яд, от которого он может исцелиться только величайшими усилиями и страданиями». На прямые и честные вопросы, как у жаждущего истины мыслителя, ребенку не отвечают, и раньше, чем научить его читать, его уже научают другому искусству – лицемерию: скрытности, боязни прямых ответов на великие вопросы духа. Современное воспитание приспособляет детей к современной дурной, позорной действительности и отучает детей смотреть на эту действительность как на злой обман, который нужно обнаружить, разоблачить и рассеять для утверждения лучшей действительности. Кто и чего не преподносит детям! – но ни к кому так не подходят слова Христа о камне вместо хлеба и змее вместо рыбы, как к воспитателям и родителям детей.

Даже другой путь, выдвигаемый современной педагогической мыслью как единственно справедливый, путь свободы в воспитании, нередко страдает ложным стремлением делать из детей взрослых и недостаточно ценит и бережет детство.

Люди, идущие вторым путем, любящие детей и в общем дорожающие их свободой, все же часто стремятся сделать из детей, как можно ранее, маленьких взрослых, маленьких граждан, маленьких общественных деятелей, маленьких естествоиспытателей, маленьких эстетиков, маленьких рабочих и не решаются оставить детей детьми, оставить детям детство. Эти люди никак не враги детей, но все же и они, кого зовут друзьями детей, стремятся заразить детей, не прибегая к насилию, своими интересами, своими увлечениями, истинами, не подумав, необходимы ли для детей эти интересы, нужны ли эти увлечения, истинны ли эти истины. Увлекаются теориями о внешнем социальном переустройстве человечества, о братстве и свободе, водворяемых политической экономией и теорией экономического материализма, и хотят, чтобы и дети в школах и колониях, как взрослые в парламентах и собраниях, голосовали, обсуждали, решали по большинству голосов, постановляли для себя правила, образовывали из себя детские республики, коммуны и т.п. Верят в то, что внешним образом, в судах, можно добиваться правды и осуждать или оправдывать людей, и хотят, чтобы и дети в своих школах, как в государствах, судили своим судом провинившихся товарищей, прощали их

или присуждали к наказанию¹. Сами обожествили естествознание, следуя узкому материализму, знание о свойствах материи поставили выше знания о свойствах духа и хотят, чтобы и дети больше всего интересовались обрывками этих знаний о материи, чтобы и дети, прежде всего, познакомились не с тем, о чем спрашивал щедринский мальчик и о чем спрашивает настойчиво каждый неиспорченный взрослыми ребенок, но с тем, что зоолог Геккель выдумал о происхождении мира, что ученые узнали о 14000 видов Muscidae. Думают, что забота о физическом развитии своем есть первая забота человека, хотят, чтобы и дети думали так же и больше всего заботились о своем физическом развитии, организуя, иногда совершенно бессмысленные виды спорта, гимнастики и т.п.

И многое другое передают детям взрослые, желая, чтобы дети делали все, что сами взрослые считают нужным делать, и не подозревают даже, насколько все это на самом деле не нужно и чуждо детям, что нужны детям не детские республики и суды, не учебники о происхождении мира и свойствах атомов и не другое многое, что нужно взрослым, но только одно: возможность быть детьми, развивать без конца свои детские драгоценные свойства: правдивость, чуткость, радость и доброту, постоянно быть детьми, вплоть до того детства старости, в котором апостол Иоанн повторял: «Любите друг друга».

II.

Разрушение детства – вот задача современного семейного и школьного воспитания, которую оно, надо отдать ему справедливость, решает успешно.

Сохранение вечного детства – вот задача истинного воспитания, которую оно разрешит, если не захочет порвать с истиной и справедливостью. Эту единственную задачу воспитания можно выразить и иначе: она в том, чтобы сделать взрослых детьми, а детей навсегда удержать от того, чтобы они стали когда-нибудь взрослыми. Это странно звучит, но это не значит задержать развитие детей, преградить путь развития их сознанию, но, напротив, значит содействовать развитию и сохранению в них тех великих начал духовного совершенства, которые так чисты, ярки и определены в детях и которые так затаены, скрыты и принижены у

¹ В Америке уже существуют особые, преследующие воспитательные цели, «детские республики» с президентом, выборами, избирательной агитацией, судом, приставами, следователями и т.п., роль которых исполняют дети. См. об одной из таких республик книжку: Макс Браун. Детская республика. СПб.: Изд. т-ва М. Вольф. В книге этой есть даже снимки детей-следователей, полицейских, подсудимых и т.д.

взрослых. Если ясно, что любовь, веселье, вечная радость, необычайная чуткость к добру и злу, совершенная правдивость, горячая, свойственная только мудрецам да детям, жажда познания, предпочтительнее и нужнее всего, им противоположного, то мы должны стремиться к тому, чтобы взрослые были как дети, а дети не делались взрослыми.

Воспитание есть укрепление личности и образование характера, материал для которых доставляют природные силы, скрытые в ребенке, но цемент, то, что связывает отдельные части в одно стройное целое, есть именно та чистая духовная сила, которая бесконечно сильнее в ребенке, чем во взрослом человеке. Взрослый может дать ребенку знания, поделиться с ним опытом, но никак не может дать ему того, чего сам не имеет, – ту первоначальную могучую стихию пылливости духа, добра, правдивости и веселья, которая преисполняет всякого ребенка. Отлично характеризует это великое преимущество детей перед взрослыми Л. Толстой: «Отчего дети нравственно выше большинства людей? Оттого, что разум их не извращен ни обманами, ни соблазнами, ни грехами. На пути к совершенству у них ничего не стоит. Тогда как у взрослых стоят грех, соблазн и обман. Первым надо только идти, вторым – бороться. Ребенок знает свою душу, она дорога ему, он бережет ее, как веко бережет глаз, а без ключа любви никого не пускает в душу свою. Дети знают истину так же, как часто люди знают иностранный язык, хотя и не умеют говорить на нем. Они не сумеют сказать вам, в чем добро, но безошибочно отвернутся от всего недоброго. Притворство в чем бы то ни было может обмануть самого умного, проницательного человека, но самый ограниченный ребенок, как бы оно ни было искусно скрываемо, узнает его и отверщается. Какое время может быть лучше детства, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – являются единственными побуждениями к жизни».

Тот же Толстой в одном месте утверждает, что наряду с не имеющими разума животными и просветленными высшим разумом святыми, радость жизни дано чувствовать еще одним – детям. Но радость жизни дается существам разумным лишь тогда, когда мир и человек не отъединяются один от другого, не противопоставляются взаимно, но сливаются в светлом единстве, когда человек любит все и хочет от всего и себе любви, когда все силы души не враждуют между собой, но составляют одно целое, устремляющееся с весельем навстречу другому великому целому – миру.

Постоянная радость есть единственный критерий истинности жизни, поведения и душевного совершенства человека. А мы все знаем, и все всегда знали, что радость – вечный спутник детей, их вечное достояние, их нераздельная принадлежность, но редкий гость в душах взрослых.

Христос не напрасно говорил: «Будьте как дети», – потому что тяжкий прах мира сего и живущих в нем не коснулся еще их, и у них новые сердца и умы, и только они в состоянии понять и исполнить великое: «Не вливайте вино новое в мехи старые». Мы же только то и делаем в воспитании и в жизни, что в новые сосуды, готовые воспринять новый, прекрасный напиток, вливаем свое старое, заплесневелое и скисшее вино, в детей вкладываем себя, к чистой радости, к новому совершенству прибавляем темное, отчаянное, старое несовершенство и тем самым делаем новые сосуды похожими на старые.

Мы не хотим учиться новой радости у детей, мы учим их старой тяжести и мутной, не Божьей, но так называемой житейской правде. В этом – все воспитание, которое мы даем детям. Мы его считаем разумным. Между тем разумность и справедливость той или иной системы воспитания обнаруживается не в том, что и как она считает нужным или ненужным преподавать детям, но только в том, оставляет ли она детей детьми, не препятствует ли она быть им детьми, не похищает ли у них детство. Наша современная система воспитания нелепа потому, что она, одурманявая детей душливой атмосферой взрослых, втискивая их преждевременно в тесный круг интересов взрослых, лишает их детства, отнимает у них прекрасное право быть детьми. Разумной же системой воспитания будет единственно та, которая возвратит детям детство, при которой дети будут детьми, которая запомнит и исполнит прекрасный завет Л. Толстого: «Уважай всякого человека, но во сто раз больше уважай ребенка и берегись того, чтобы не нарушить девственной чистоты его». Забота воспитателя при такой системе будет не в том, чтобы наложить на ребенка, свободным или несвободным способом, печать взрослого, отпечатать в его душе невозвратно свой скудный и несовершенный образ, но в том, чтобы, помогая работе детского сознания, открывая детскому разуму свободные пути развития, оставлять чистой и свободной великую работу детской души, давать простор тем великим началам правдивости, веселья, чуткости и светлости душевной, которые живут во всяком ребенке.

Воспитателю трудно этого достичь, но ему поможет в этом сам ребенок, ибо, когда мы не тесним детей, даем свободу их великим духовным силам, –

Не мы детей: они нас учат
И довоспитывают нас.

Но этого прекрасного детского «довоспитания», нам столь необходимого, мы не хотим. И не хотим, прежде всего, потому, что к живому детству, не к детству в воспоминании только, мы относимся свы-

сока, считаем его чем-то низшим в сравнении с нами, с нашей глубокомысленностью, интеллигентностью, ученостью. Мы забываем, что дети уже одним фактом своего существования, незаметно для нас, делают нас совершеннее и чище.

Есть хороший рассказ Л. Андреева «В подвале». Его сюжет крайне прост: в подвал, где живут проститутка, вор и озлобившийся с голода и отчаяния бедняк, приходит с улицы несчастная хорошая девушка, забеременевшая от кого-то и очутившаяся на улице. Она рождает в подвале ребенка, и вот это крохотное, кричащее, жалкое существо одним фактом своего появления на свет Божий вносит в холодный подвал такой неожиданно яркий луч радости и света, что он проникает в самые темные уголки несчастных людских существований проститутки, вора и погибшего бедняка. Таково и вообще значение детей в человечестве.

«Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба, – говорит Амиель. – Эти восемьдесят тысяч ежедневных рождений, о которых говорит статистика, составляют как бы излияния невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн великого Провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических страстей, как огнем, высушит человеческое общество.

Если предположить, что человечество состояло бы из миллиарда бессмертных существ, число которых не могло бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, где бы мы были и что бы мы были, великий Боже! Мы стали бы, без сомнения, в тысячу раз учение, но и в тысячу раз хуже. Знание накопилось бы, но все добродетели, которые зарождаются от страданий и преданности, т.е. семья и общество, были бы мертвы. Не было бы возмещения. Благословенно детство за то благо, которое оно дает само, и за то добро, которое оно производит, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему мы видим на земле частичку рая. Без родительских чувств, я думаю, что самой любви недостаточно было бы, чтобы препятствовать бессмертным людям пожирать друг друга; разумеется, таким людям, какими сделали их наши страсти. Ангелы не нуждаются ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить, потому что их жизнь небесна».

Мы всюду и везде видим воспитателей-взрослых и думаем, что в этом-то и состоит воспитание. Мы не замечаем воспитателя-ребенка, а между тем он-то воистину и воспитывает человечество. И право на это воспитание признано за ним Христом. Все наше несчастье в том, что мы не только не хотим сознательно воспитываться у него, но, мало того, еще сами хотим его воспитывать и, воспитывая, учим его наше-

му же несовершенству и нашей духовной немощи, от которых мы сами так страдаем и не знаем, как избавиться¹.

Старики любят детей и близки к детям именно потому, что как те, так и другие, ближе нас к совершенству. Мы же так далеки от детей только оттого, что считаем себя выше их, а на самом деле гораздо их ниже. Если бы взрослые не мешали детям расти в себе свободно те семена и всходы добра, правды и радости, которые щедрой рукой посеяны в детских душах, люди давно были бы счастливы, и мир был бы прекрасен. Мы же безжалостно топчем в детских душах только что пробившиеся всходы и сеем в них злые семена своей мнимой мудрости и не мнимого отчаяния и незнания.

Нет достаточной степени бережливости, с которой мы должны беречь детские души и сердца. Сберегая их, мы сберегаем самих себя и тот дар радости, который дети несут миру. Никогда еще ребенок не совершал дурного без участия взрослого, но взрослый почти всегда совершает доброе не без участия ребенка. Если б только одно это понять и запечатлеть в себе навсегда, дело воспитания было бы просто и нетрудно. Мы поняли бы, что ребенок лучше нас, и не ему от нас, но нам от него надо перенимать его чистоту, веселье и ясность, а ему лишь давать то, отсеянное от всяких плевел, зерно знания и опыта, которым мы в малой степени обладаем и которое взойдет в его сознании новым и прекрасным восходом на новой и плодоносной почве.

Ребенок не только такой же, но еще лучший воспитатель, чем мы сами, и мы не столько должны воспитывать его, сколько воспитываться *от него*.

Подойти к ребенку может прочно и близко лишь тот, у кого в душе еще не утрачено окончательно детство, в ком еще живо прекрасное *вечно детское* начало. Детство живет бессознательно и глубоко скрыто, как бы нечто навсегда забытое, в каждом человеке, и оно может проснуться, и, во всяком случае, нам надо его вновь пробудить в себе, когда мы подходим к детям.

Один известный поэт, уже в поздней старости, дал нам незабываемую картину этого позабытого, глубоко спрятанного в человеческой душе, но внезапно пробуждающегося детства:

Детство нежное, пугливое,
Безмятежно-шаловливое,

¹ В современной педагогической литературе, кроме некоторых мыслей Л.Н. Толстого, я знаю только одну работу, в которой признается и утверждается за ребенком право воспитателя и где ребенку-воспитателю отведено несколько ярких и убежденных страниц: это прекрасная работа К.Н. Вентцеля «Принцип авторитета и его значение в жизни и в воспитании» (Вестник воспитания, 1909. – № 3).

В самый холод вешних дней
Лаской матери пригретое
И навеки мной отпетое
В дни безумства и страстей,
Ныне всеми позабытое,
Под морщинами сокрытое
В недрах старости моей –
Для чего ты вновь встревожило
Зимний сон мой, словно ожило
И повеяло весной?

И проснувшееся детство дает ответ старику, что «отпетое» оно не умирало, а вновь живет в его душе.

– Старче! разве ты – не я?!
Я с тобой навеки связано,
Мной вся жизнь твоя подсказана,
В ней сквозить мечта моя –
Не напрасно вновь являюсь я.

Я. Полонский

С этим пробужденным детством в душе, с этим нами «отпетым», но никогда не умиравшим в самых глубоких и чистых тайниках нашей души детством, мы и должны подходить к детям. Только тогда мы не отнимем от них *их* детства, когда в нас еще живо *наше* детство, только тогда мы будем близкими, и они будут близки нам, чуя в нас то же светлое вечно детское начало, которое живет и светит в них.

Тот, кто навсегда утратил в себе детство, в ком оно не только «отпетое», но и умерло, и погребено, тот не может быть воспитателем. Все великие воспитатели и великий воспитатель человечества Христос, и воспитатели недавней эпохи: Песталоцци, Фребель, Толстой носили в себе вечное детство, воистину были как дети, когда подходили к детям и были с детьми, и потому детские сердца раскрывались пред ними, и они создавали школы и воспитание, единственные по успешности и по своему влиянию на людей. Мы же, придумывая всевозможные реформы воспитания, забываем об одном, единственно важном: если мы не пробудим в себе вечного детства, если мы не будем стремиться быть как дети, мы не подойдем никогда близко к детям, мы не можем быть воспитателями, а если и будем ими, ничего не достигнем в воспитании.

Быть вечными детьми – вот главный завет воспитания, одинаковый для воспитываемых и для воспитывающих.

Но быть вечными детьми невозможно, скажут нам. Да, навсегда остаться детьми не во власти человека, но сохранять в себе непри-

косновенным чистое, великое вечно детское начало возможно. Его сохраняли в себе все, кто был истинно свободен и прекрасен. Величайший христианин и счастливейший из людей Франциск Ассизский был вечно дитя. Пусть идет неустанно вперед работа нашего сознания, в детстве детям не доступная, пусть сознание крепнет и достигает истинного могущества, но пусть сознание не умаляет в нас того вечно детского начала, которое есть начало истины и совершенства, пусть это вечно детское начало светит в нас своим божественным светом: весельем, радостью и правдивостью истинно детской.

Говорят как о признаке человеческой слабости, неразумности и упадка: «Он впал в детство». Следовало бы говорить, наоборот, о возврате к первоначальной чистой, хотя и бессознательной мудрости и веселью, когда говоришь про кого-нибудь: «Он впал в детство». Забывают, называя себя христианами, что, если не впадешь в детство, «не войдешь в царство Божие». Любимый ученик Христа Иоанн, столетний старец, впавший в детство, повторял беспрерывно простые слова, выражавшие все учение Христа: любите друг друга. Но не был ли этот впавший в детство старик мудрее мудрых и в детство не впавших?

В детстве и глубокой старости мы, как дети. Но тогда-то мы счастливее всего. Не следует ли нам, ради нашего же счастья, и всю остальную часть жизни оставаться детьми, не следует ли нам быть вечными детьми? Вся задача воспитания в том только и состоит, чтобы детей сохранить детьми, а вся задача жизни только в том, чтобы в юности и в зрелости, и в преклонных годах оставаться детьми, а в старости впасть в детство.

Или вечно детство, или вечная старость, другого исхода нам нет.

Но если мы сами так мучительно далеки от светлого детства человеческого духа, то не отнимем его хоть у детей.

Пусть воспитатели и учителя запомнят слова Христа к ученикам, запрещающим детям подходить к Нему: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне». Разве не ясно, что они относятся к современным воспитателям и учителям, разве не слышно в них: «Не препятствуйте детям приходить к совершенству».

«Оставьте детей детьми, – вот что хочется сказать современным воспитателям. И тогда все остальное, наверное, приложится вам и им».

Вечные дети. Свободное воспитание. 1909 / 1910. – № 5. – С. 1 – 22.

РАЗДЕЛ I

ПОРА ДЕТСТВА. ВОСПИТАНИЕ В СЕМЬЕ

В разделе представлены законодательные акты Российской империи, отражающие правовые аспекты взаимоотношений родителей и детей: «О злоупотреблении родительской власти и о преступлениях детей против родителей. О преступлениях детей против родителей». Основным источником приведенных документов является Свод Законов Российской Империи (Том XV, Издание 1885 г.).

Мемуары Николая Александровича Варенцова (потомственного почетного гражданина, купца и промышленника) раскрывают эпизоды его раннего детства: семейный и бытовой уклад, праздники в купеческих семьях. (Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 604).

Вопросы семейного воспитания, волновавшие общественность и родителей, нашли отражение в периодической печати. В разделе представлены фрагменты публикаций российской политической и литературной газеты «Неделя» 1873, 1874 гг.

Особый интерес представляют произведения и отдельные их фрагменты русской классической литературы, посвященные детям. В данный раздел вошли повести Л.Н. Толстого «Детство», Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы», Л.Н. Андреева «Петька на даче», А.Н. Толстого «Детство Никиты». Эти произведения, автобиографичные по своему характеру, описывают детские впечатления и переживания, повествуют о становлении личности и сложности нравственного развития ребенка.

Рассказы А.П. Чехова «Устрицы», «Детвора», «Гриша», «Житейская мелочь», «Событие», «Беглец» воссоздают мотивы поведения, ход мыслей детей и их своеобразный язык. Главное в данных произведениях – признание самоценности детской личности.

Книга К.Г. Паустовского «Золотая роза», фрагменты из которой приводятся в разделе, воспроизводит некоторые эпизоды детства автора.

«Городские дети» – так называется стихотворение известного русского поэта Сергея Городецкого, включенное в хрестоматию.

**Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.
Издание 1885.**

Раздел IX.

О преступлениях и проступках против законов о состояниях.

Глава 2.

**О злоупотреблении родительской власти и о преступлениях
детей против родителей.**

Отделение 1

О злоупотреблении власти родительской.

1586. Родители, избалованные в принуждении детей своих к браку, подвергаются за это:

заключению в тюрьме на время от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев и, если они христиане, передаются церковному покаянию по распоряжению их духовного начальства.

Указанному наказанию подвергаются родители, избалованные в принуждении детей своих к пострижению в монашество или к произнесению монашеских обетов.

1587. Родители, злоупотребившие своей властью, или посредством преступных внушений, вовлекшие несовершеннолетних своих детей в какое-либо преступление, подвергаются за это, хотя бы они сами в этом преступлении непосредственного участия не принимали:

высшей мере наказаний или взысканий, определенных в законах за аналогичные преступления.

1589. Если вместе с злоупотреблением родительской властью учинено еще и другое преступление, подлежащее более строгому, чем в этом отделении наказанию, то виновные подвергаются ответственности на основании правил о совокупности преступных деяний.

1590. За присвоение и растрату родителями принадлежащего детям их имущества виновные подвергаются:

высшей мере наказаний за присвоение и растрату чужого имущества.

Отделение 2

О преступлениях детей против родителей.

1591. Сын или дочь, дерзнувшие одному из родителей своих или обоим нанести раны, или увечье, или причинить иное телесное повреждение, подвергаются за сие:

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и заключению в тюрьму на время от пяти до шести или от четырех до пяти лет.

Дозволившие же себе какое-либо насильственное, хотя и несоединенное с побоями, против родителей действие, подвергаются, по жалобе оскорбленного родителя:

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения на временное заключение.

Но родителями предоставляется право, по их желанию, ходатайствовать об уменьшении меры их наказания.

1592. За упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки, дети по требованию родителей, без особого судебного рассмотрения, подвергаются:

заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев.

Родителям в этом случае предоставляется право уменьшить, по своему усмотрению, время заключения, или и совершенно простить виновных.

Свод Законов Российской Империи. Том XV.

Николай Александрович Варенцов (1862 – 1947)

Потомственный почетный гражданин, купец и промышленник. Видный московский предприниматель и общественный деятель. Воспоминания входят в число большого массива мемуаров и представляют несомненный историко-общественный интерес. Бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы, широко охватывающие события периода с середины XIX в. по 1905 год, включают фрагменты воспоминаний из детства.

Несколько эпизодов из раннего детства Н.А. Варенцова

...Однажды мне пришлось остаться одному в квартире с поручением присматривать за мной кухарке – женщине по виду вполне здоровой и нестарой. Пользуясь свободой действий, я, прежде всего, отправился в кухню, куда мне вход был воспрещен, и, понятно, начал шалить и надоедать своей болтовней кухарке; она взяла меня за руку и повела обратно в детскую. В то время, когда мы вошли в детскую, села ворона на забор, стоящий в двух саженях от окон детской, и закаркала. Кухарка сказала: «Ишь ты, ворона, наверное, накаркивает мне смерть!» Усадив меня за игрушки, ушла обратно в кухню.

Вскоре матушка вернулась и увидела расprostертую кухарку на полу, как оказалось, уже мертвую. Приглашенный доктор констатировал смерть от разрыва сердца. По словам других прислуг, кухарка никогда не жаловалась на плохое здоровье.

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 604.

Праздники в купеческих семьях

Рождество Христово

...Еще накануне Рождества Христова убранный и обряженный дом, с теплившимися лампадками перед блестящими ризами икон, с приятным запахом цветов в жардиньерках, давал ясное понятие о наступлении торжественного дня и святости его для всех обитателей в нем.

Праздничный день начинался церковными службами, ходили к заутрене и ранней обедне. По возвращении из церкви дети награждались подарками, а также вся прислуга...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 611 – 612.

Народные гуляния во время Масленицы на Адмиралтейской площади в Петербурге (Фрагмент) 1869 г. К.Е. Маковский

...Следующий праздник после Рождества Христова была масленица, так называемая неделя обжорства. На масленице пеклись блины, и в мое детство они пеклись с понедельника ежедневно сплошь всю неделю, их выпекать начинали с 9 часов утра.

Блины подавались с русским растопленным маслом, со сметаной, икрой, семгой и селедкой...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 613.

...Последнее воскресенье перед Великим постом считалось «прощеным». Весь дом живущих вместе приходил просить прощение у хозяев дома: дети, прислуга, приказчики, жившие при доме, даже женатые сыновья и замужние дочери, живущие отдельно, приходили и приезжали к родителям просить в этот день прощение, кланялись в ноги; то же самое и родители просили у детей и у служащих прощение, но не кланялись в ноги...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 613 – 614.

Посты

...Во время моего детства посты (в данном случае идет речь о Великом посте) соблюдались строго, если можно считать за строгость отсутствие мяса, рыбы, молочных продуктов и животного масла, заменяемых вкусными кушаньями, где вместо мяса и рыбы были грибы; молоко заменялось миндальным, подаваемым к чаю, к кашам и другим сладким блюдам. Я до сего времени с особым удовольствием вспоминаю о холодном супе-пюре, изготовляемом из кислой капусты, тертого гороха, картофеля, редьки, лука, поливаемых постным маслом и заливаемых домашним квасом, в эту тюрю клались маринованные грибы, грузди и рыжики, и иногда прибавлялся тертый черный хлеб. Подавались великолепные винегреты, с маринованными ягодами и грибами; вместо икры рыбной подавали грибную икру, очень пикантную и вкусную; пироги пеклись на постном и горчичном масле с начинкой рисом, грибами, капустой; левашники с вареньем, раздутые от жаренья их в постном масле: один левашник занимал целую тарелку. Взвары из сушеных фруктов были обязательно за каждой едой как дополнительное сладкое кушанье. Кушанья были

очень разнообразны и сытны. Такое пошение было очень приятно, и легко проходили семь недель поста...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 614 – 615.

Вербное воскресенье

...Вербное воскресенье тоже очень чтили; накануне этого дня, в субботу, все спешили в церковь ко всеобщей, особенно любимой всеми, держа в руке пук вербы и с зажженной свечкой; по окончании всеобщей по улицам тянулись толпы богомольцев со свечами, старавшихся донести их до дому непотухшими.

Вернувшиеся от всеобщей старшие, шутя, пугали вербой маленьких детей, делая вид, что хотят их побить, говоря: «Верба хлест, бьет до слез!» Этот праздник считался детским; им старались доставить какое-нибудь удовольствие. Еще с пятницы начинался вербный базар на Красной площади, уставленной длинными рядами палаток со всевозможными, неприхотливыми и дешевыми товарами. Преимущественно преобладали букинисты со старыми книгами, охотно раскупаемыми; искусственные цветы, раскупаемые на украшение куличей, пасок и икон, и много еще разных товаров специально для детей. Кроме того, шныряла масса торговцев, имея на руках товары, как воздушные шары разных величин и цветов, живописно поднимающихся над толпами гуляющих. Этими шарами зачастую пользовались ловкие мазурики, они скупали всю партию шаров у какого-нибудь продавца, обрезали веревку, и шары плавно поднимались к небу; все гуляющие невольно устремляли свои взоры на эту картину, и в это время мошенники ловко очищали карманы любопытных. К этому дню всегда были какие-нибудь новости в игрушках, приуроченные к наименованию какого-нибудь лица, в то время обратившего внимание общества своим поступком или чудачеством; масса была мелких игрушек, с очень маленькой стоимостью, охотно раскупаемых детьми. Детей на этом торжище была всегда масса, приятно было смотреть на эти веселые, милые личики, с возбужденными глазами от покупок разных игрушек, пищущих свистков, цветов, приколотых к их платью на груди, бабочек и еще тому подобных безделушек. В Вербное воскресенье часов с трех было катанье в экипажах разряженных детей со своими мамашами. На рынке было шумно, весело. Раздавались остроты и хохот.

На страстной неделе соблюдался строгий пост, даже детям не делали никаких поблажек, а старики зачастую ели без масла, питаясь, преимущественно, чаем и хлебом...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 615 – 616.

Пасха

...В 11 часов вечера принаряженные, всем домом, беря даже детей с шестилетнего возраста, отправлялись на торжественное богослужение в иллюминированные церкви...

...Во времена моего детства первый удар колокола в 12 часов пасхальной ночи производился с колокольни Ивана Великого в Кремле, и только после этой благовести со всех многочисленных московских церквей. Начинался крестный ход. Плавно, в строгом порядке, под наблюдением самих молящихся, выносили из церквей высокие хоругви, несомые тремя людьми, за ними несли образа, запрестольный крест, шло духовенство, облаченное в дорогие золотые и серебряные ризы, во главе с певчими, поющими: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют в небесах...»

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 617, 618.

Семейный и бытовой уклад купечества

...В течение пятидесятилетнего периода после освобождения крестьян купечеством были отданы на добрые дела громадные средства. В это же время купечество жило в большинстве сравнительно очень скромно, расходуя на свои личные прихоти очень мало.

...Купечество жило в своих собственных особняках с антресолями и мезонинами, с большими садами, окруженными высокими заборами с торчащими наверху гвоздями, с крепкими воротами и калитками...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 584.

...Летом купечество того времени не выезжало на дачу, так как в то время еще дачных мест не было; жило все время в Москве,

пользуясь своими садами при доме; в садах семья проводила почти весь день, где обедала, ужинала, пила чай на террасе беседки, расположенной в глубине сада. Сады довольно благоустроенные, с цветниками, с аллеями из акаций и тополей или лип, с большими площадями, обсаженными яблонями и разными ягодными кустами. В праздничные дни обыкновенно выезжали всей семьей в красивые подмосковные местечки...

Считалось необходимым ежегодно сходить пешком в Троице-Сергиевскую лавру, находящуюся в 60 верстах от Москвы...

К нам во двор рано утром, часа в 4 или 5, въезжал крестьянин на телеге, наполненной сеном, задняя часть телеги была окружена обручами, обитыми лыком и рогожами, образовывалась кибитка – на случай дождя. Я, как самый младший из детей, водворялся с прислугой на телегу, куда укладывали весь багаж и провизию в дорогу. Взрослые выезжали на лошадях и извозчиках к сборному пункту к Крестовской заставе...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 585 – 586.

...Первое мое путешествие к Троице было, когда мне исполнилось шесть лет, потом они были почти ежегодно до четырнадцатилетнего моего возраста.

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 589.

...Варка варенья была страдным временем хозяек; как только ягоды появились в Москве, то хозяйки спокойствия не имели: вставали в два часа утра, отправлялись на ягодный рынок... Заботливые хозяйки, вернувшись с рынка, немного отдохнув, приступали к варке его. На помощь к ним призывались все из старших в доме, даже дети. Варили варенье в медных тазах с деревянными ручками на особых круглых жаровнях, растапливаемых на древесном угле...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С.591.

Купечество в большинстве отличалось хлебосольством: если они устраивали обед или бал с ужином, то не стеснялись расходами, де-

лали все хорошо, чтобы все были сыты и довольны, говоря: «Хлеб, соль врага побеждают!»...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С.592.

Материалы периодической печати

Публичные елки

«Вот уже несколько лет, как в Петербурге установился обычай устраивать каждое Рождество публичные елки для детей. Простой, семейный праздник, с которым у каждого из нас связано столько веселых детских воспоминаний, превращается в чисто большое торжество с неизбежной при этом выставкой тщеславия и с нездоровым обилием внешних, редких впечатлений, не соразмеренных с силами детского организма...»

Но благотворительным учредителям елки не мешало бы хоть на будущий год подумать о том, нельзя ли достигнуть той же цели, помощи бедным, другими более достойными средствами... Как не сознаться, что нашей хваленной русской доброте приходится учиться у западного человека, который, при всех своих недостатках, подчас превосходит нас не только практичностью, но и пониманием истинной гуманности?»

Неделя. 1873. – №1.

Исповедь матери

«Перед вами – исповедь, не больше и не меньше, т.е. правдивый, безыскусственный рассказ, в котором добытые положительные результаты не раз будут перемешиваться с перечнем неразрешенных сомнений и сознанных ошибок. Этим характером исповеди определяется моя задача...»

«Все, что было писано о воспитании, может быть разделено на две крупных категории: с одной стороны, воспитательная утопия, с другой – собственно педагогическая литература с ее разветвлениями...»

Материнство

О приятной поре..., о мечтах (мальчик / девочка), приготовлениях, избежание ошибок, здоровье и его поддержании. «...Разве вам не дана в руки возможность, из которой должен выйти человек, не в антро-

пологичном только, но и в социальном значении этого слова, если только сами вы сумеете подняться на высоту этой идеи...»

Рождение ребенка. «Он заплакал. Это не тот первый крик, который вы ждали и с таким нетерпением, как блаженной вести о том, что ожидания и муки были ненапрасны, что ожидания сбылись... Нет, это тот плач, которым беспомощный маленький человек долго еще будет выражать и потребности свои, и страдания, и первые движения пробуждающейся психической жизни.» (о физиологическом значении плача). Уход за ребенком, санитарно-гигиенические требования. Идея – «счастье быть матерью!»

Неделя. 1874. – №1.

Несносные дети

«...если бы мне предложили охарактеризовать одним словом то свойство детей, которым они всего обязательнее дают себе знать окружающим я, не задумываясь, избрала бы прилагательное: «несносная».

О несостоятельности педагогических теорий на практике «...определяющая величина воспитания – единица – т. е. индивидуальность». (Примеры приводятся – опираясь на них, советы по воспитанию детей)

Неделя. 1874. – №5.

Исповедь матери

«Несносные дети»

Внутренние стимулы, дисциплинирующие детей:

- деятельность развивающегося ума;
- чувство привязанности детей к матери;

«Наша задача, не в том, чтобы сделать себя необходимым нашим детям, а, напротив, в том, чтобы помочь им научиться по возможности скорее, обходиться без нас».

Неделя. 1874. – №7.

Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910)

Л.Н. Толстой – великий русский писатель, общественный деятель, педагог. В 1849 г. Толстой создал в Ясной Поляне школу для крестьянских детей и предложил обучение по собственной программе. Он издавал детские и педагогические журналы, написал знаменитую «Азбуку» и «Книги для чтения», которые не потеряли значение до наших дней.

Автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852 – 1857) – это начало творческого пути Толстого и напряженные раздумья молодого писателя о смысле человеческой жизни.

Толстой определяет свою трилогию как «четыре эпохи»: детство, отрочество, юность, молодость, – и полагает, что между ними существует преемственность, для детства же характерна «теплота и верность чувства». Писателя, прежде всего, интересует духовное, нравственное становление личности и, следовательно, ее внутренний мир.

Ключевой для первой повести трилогии является фраза (XV глава), в которой Толстой определяет характер первых впечатлений, полученных от жизни его героем, и в ней же звучит грусть, дающая лирическую окраску повествованию: «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства!»

ДЕТСТВО

Глава I. УЧИТЕЛЬ КАРЛ ИВАНЫЧ

12 августа 18.., ровно в третий день после дня моего рождения, в который мне минуло десять лет, и в который я получил такие чудесные подарки, в семь часов утра Карл Иваныч разбудил меня, ударив над самой моей головой хлопущкой – из сахарной бумаги на палке – по мухе. Он сделал это так неловко, что задел образок моего ангела, висевший на дубовой спинке кровати, и что убитая муха упала мне прямо на голову. Я высунул нос из-под одеяла, остановил рукою образок, который продолжал качаться, скинул убитую муху на пол и хотя заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Иваныча...

«Положим, – думал я, – я маленький, но зачем он тревожит меня? Отчего он не бьет мух около Володиной постели? Вон их сколько! Нет, Володя старше меня; а я меньше всех: оттого он меня и мучит. Только о том и думает всю жизнь, – прошептал я, – как бы мне делать неприятности. Он очень хорошо видит, что разбудил и испугал меня, но выказывает, как будто не замечает... противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные!»

В то время как я таким образом мысленно выражал свою досаду на Карла Иваныча, он подошел к своей кровати, взглянул на часы, которые висели над нею в шитом бисерном башмачке, повесил хлопущку на гвоздик и, как заметно было, в самом приятном расположении духа повернулся к нам. <...>

В классной Карл Иваныч был совсем другой человек: он был наставник. Я живо оделся, умылся и, еще с щеткой в руке, приглаживая мокрые волосы, явился на его зов.

Карл Иванович, с очками на носу и книгой в руке, сидел на своем обычном месте, между дверью и окошком. Налево от двери были две полочки: одна – наша, детская, другая – Карла Ивановича, собственная. <...>

Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. <...>

Бывало, как досыта набегаешься внизу по зале, на цыпочках прокрадешься наверх, в классную, смотришь – Карл Иванович сидит себе один на своем кресле и с спокойно-величавым выражением читает какую-нибудь из своих любимых книг. Иногда я заставал его и в такие минуты, когда он не читал: очки спускались ниже на большом орлином носу, голубые полужакрытые глаза смотрели с каким-то особенным выражением, а губы грустно улыбались. В комнате тихо; только слышно его равномерное дыхание и бой часов с егерем <...>

Глава XV. ДЕТСТВО

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Маман говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая – лицо ее не больше пуговки; но оно мне все также ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился – и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

– Ты опять заснешь, Николенька, – говорит мне маман, – ты бы лучше шел наверх.

– Я не хочу спать, мамаша, – ответишь ей, и неясные, но сладкие грезы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, вприсонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостинной; татап сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

– Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крепче целую ее руку.

– Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берет меня за шею, и пальчики ее быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу ее запах и голос. Все это заставляет меня вскочить, обвить руками ее шею, прижать голову к ее груди и, задыхаясь, сказать:

– Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берет обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

– Так ты меня очень любишь? – Она молчит с минуту, потом говорит: – Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамашы, ты не забудешь ее? не забудешь, Николенька?

Она еще нежнее целует меня.

– Полно! И не говори этого, голубчик мой, душечка моя! – вскрикиваю я, целуя ее колени, и слезы ручьями льются из моих глаз – слезы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придешь наверх и станешь перед иконами, в своем ваточном халатике, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отратно; одни мечты гонят другие, – но о чем они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи – единственном человеке, которого я знал несчастливым, – и так жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: «Дай бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку – зайчика или собачку – уткнешь в угол пуховой подушки и лобуешься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолишься о том, чтобы дал бог счастья всем, чтобы все были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? Где лучший дар – те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

Мика Морозов. 1901 г. В.А. Серов

Глава XVII. КНЯГИНЯ КОРНАКОВА

<...> – Этот у меня будет светский молодой человек, – сказал папа, указывая на Володю, – а этот поэт, – прибавил он, в то время как я, целуя маленькую сухую ручку княгини, с чрезвычайной ясностью вообразил в этой руке розгу, под розгой – скамейку, и т.д., и т.д.

– Который? – спросила княгиня, удерживая меня за руку.

– А этот, маленький, с вихрами, – отвечал папа, весело улыбаясь.

«Что ему сделали мои вихры... разве нет другого разговора?» – подумал я и отошел в угол.

Я имел самые странные понятия о красоте – даже Карла Ивановича считал первым красавцем в мире; но очень хорошо знал, что я нехошо собою, и в этомнисколько не ошибался; поэтому каждый намек на мою наружность больно оскорблял меня.

Я очень хорошо помню, как раз за обедом – мне было тогда шесть лет – говорили о моей наружности, как татапа старалась найти что-нибудь хорошее в моем лице: говорила, что у меня умные глаза, приятная улыбка, и, наконец, уступая доводам отца и очевидности, принуждена была сознаться, что я дурен; и потом, когда я благодарил ее за обед, потрепала меня по щеке и сказала:

– Ты это знай, Николенька, что за твое лицо тебя никто не будет любить; поэтому ты должен стараться быть умным и добрым мальчиком.

Эти слова не только убедили меня в том, что я не красавец, но еще и в том, что я непременно буду добрым и умным мальчиком.

Несмотря на это, на меня часто находили минуты отчаяния: я воображал, что нет счастья на земле для человека с таким широким носом, толстыми губами и маленькими серыми глазами, как я; я просил бога сделать чудо – превратить меня в красавца, и все, что имел в настоящем, все, что мог иметь в будущем, я все отдал бы за красивое лицо <...>

Глава XIX. ИВИНЫ

<...> Второй Ивин – Сережа – был смуглый, курчавый мальчик, со вздернутым твердым носиком, очень свежими красными губами, которые редко совершенно закрывали немного выдававшийся верхний ряд белых зубов, темно-голубыми прекрасными глазами и необыкновенно бойким выражением лица. Он никогда не улыбался, но или смотрел совершенно серьезно, или от души смеялся своим звонким, отчетливым и чрезвычайно увлекательным смехом. Его оригинальная красота поразила меня с первого взгляда. Я почувствовал к нему непреодолимое влечение. Видеть его было достаточно для моего счастья; и одно время все силы души моей были сосредоточены в этом желании; когда мне случалось провести дня три или четыре, не видав его, я начинал скучать, и мне становилось грустно до слез. Все мечты мои, во сне и наяву, были о нем: ложась спать, я желал, чтобы он мне приснился; закрывая глаза, я видел его перед собою и лелеял этот призрак, как лучшее наслаждение. Никому в мире я не решился бы поверить этого чувства, так много я дорожил им. Может быть, потому, что ему надоедало чувствовать, беспрепятственно устремленными на него, мои беспокойные глаза, или просто, не чувствуя ко мне никакой симпатии, он заметно больше любил играть и говорить с Володей, чем со мною; но я все-таки был доволен, ничего не желал, ничего не требовал и всем готов был для него пожертвовать. Кроме страстного влечения, которое он вну-

шал мне, присутствие его возбуждало во мне в не менее сильной степени другое чувство – страх огорчить его, оскорбить чем-нибудь, не поправиться ему: может быть потому, что лицо его имело надменное выражение, или потому, что, презирая свою наружность, я слишком много ценил в других преимуществе красоты, или, что вернее всего, потому, что это есть непрменный признак любви, чувствовал к нему столько же страху, сколько и любви. В первый раз, как Сережа заговорил со мной, я до того растерялся от такого неожиданного счастья, что побледнел, покраснел и ничего не мог отвечать ему. У него была дурная привычка, когда он задумывался, останавливать глаза на одной точке и беспрестанно мигать, подергивать при этом носом и бровями. Все находили, что эта привычка очень портит его, но я находил ее до того милою, что невольно привык делать то же самое, и через несколько дней после моего с ним знакомства бабушка спросила: не болят ли у меня глаза, что я хлопаю, как филин. Между нами никогда не было сказано ни слова о любви; но он чувствовал свою власть надо мною и бессознательно, но тиранически употреблял ее в наших детских отношениях, я же, как ни желал высказать ему все, что было у меня на душе, слишком боялся его, чтобы решиться на откровенность; старался казаться равнодушным и безропотно подчинялся ему. Иногда влияние его казалось мне тяжелым, несносным; но выйти из-под него было не в моей власти.

Мне грустно вспомнить об этом свежем, прекрасном чувстве бескорыстной и беспредельной любви, которое так и умерло, не излившись и не найдя сочувствия.

Странно, отчего, когда я был ребенком, я старался быть похожим на большого, а с тех пор, как перестал быть им, часто желал быть похожим на него. Сколько раз это желание – не быть похожим на маленького, в моих отношениях с Сережей, останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемерить. Я не только не смел поцеловать его, чего мне иногда очень хотелось, взять его за руку, сказать, как я рад его видеть, но не смел даже называть его Сережа, а непременно Сергей: так уж было заведено у нас. Каждое выражение чувствительности доказывало ребячество и то, что тот, кто позволял себе его, был еще *мальчишка*. Не пройдя еще через те горькие испытания, которые доводят взрослых до осторожности и холодности в отношениях, мы лишили себя чистых наслаждений нежной детской привязанности по одному только странному желанию подражать *большим*. <...>

В палисаднике было очень весело. Игра в разбойники шла как нельзя лучше; но одно обстоятельство чуть-чуть не расстроило всего. Сережа был разбойник: погнавшись за проезжающими, он споткнулся и на всем бегу ударился коленом о дерево, так сильно, что я думал, он расшибется вдребезги. Несмотря на то, что я был жандарм и моя обязанность состояла в том, чтобы ловить его, я подошел и с участием

стал спрашивать, больно ли ему. Сережа рассердился на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:

– Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что ж ты меня не ловишь? Что ж ты меня не ловишь? – повторял он несколько раз, искоса поглядывая на Володю и старшего Ивина, которые, представляя проезжающих, припрыгивая бежали по дорожке, и вдруг взвизгнул и с громким смехом бросился ловить их.

Не могу передать, как поразил и пленил меня этот геройский поступок: несмотря на страшную боль, он не только не заплакал, но не показал и виду, что ему больно, и ни на минуту не забыл игры.

Вскоре после этого, когда к нашей компании присоединился еще Илинька Грап и мы до обеда отправились на верх, Сережа имел случай еще больше пленить и поразить меня своим удивительным мужеством и твердостью характера. <...>

Глава XXIII. ПОСЛЕ МАЗУРКИ

<...> Дружба наша с молодым человеком тотчас же и кончилась: он ушел к большим, а я, не смея следовать за ним, подошел, с любопытством, прислушиваясь к тому, что говорила Валахина с дочерью. <...>

– А, позволила! Останемся? – заговорила Сонечка, прыгая от радости.

– Что с тобой делать? Иди же, танцуй... вот тебе и кавалер, – сказала она, указывая на меня.

Сонечка подала мне руку, и мы побежали в залу. <...>

Я выделявал ногами самые забавные штуки: то, подражая лошади, бежал маленькой рысцой, гордо поднимая ноги, то топтал ими на месте, как баран, который сердится на собаку, при этом хохотал от души и нисколько не заботился о том, какое впечатление произвожу на зрителей. Сонечка тоже не переставала смеяться: она смеялась тому, что мы кружились, взявшись рука за руку, хохотала, глядя на какого-то старого барина, который, медленно поднимая ноги, перешагнул через платок, показывая вид, что ему было очень трудно это сделать, и помирала со смеху, когда я вспрыгивал чуть не до потолка, чтобы показать свою ловкость.

Проходя через бабушкин кабинет, я взглянул на себя в зеркало: лицо было в поту, волосы растрепаны, вихры торчали больше чем когда-нибудь; но общее выражение лица было такое веселое, доброе и здоровое, что я сам себе понравился.

«Если бы я был всегда такой, как теперь, – подумал я, – я бы еще мог понравиться».

Но когда я опять взглянул на прекрасное личико моей дамы, в нем было, кроме того выражения веселости, здоровья и беззаботности, которое понравилось мне в моем, столько изящной и нежной красоты, что мне сделалось досадно на самого себя, я понял, как глупо *мне* надеяться обратить на себя внимание такого чудесного создания.

Я не мог надеяться на взаимность, да и не думал о ней: душа моя и без того была преисполнена счастьем. Я не понимал, что за любви, наполнявшее мою душу отрадой, можно было бы требовать еще большего счастья и желать чего-нибудь, кроме того, чтобы чувство это никогда не прекращалось. Мне и так было хорошо. Сердце билось, как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему, и хотелось плакать.

Когда мы проходили по коридору, мимо темного чулана под лестницей, я взглянул на него и подумал: «Что бы это было за счастье, если бы можно было весь век прожить с ней в этом темном чулане! и чтобы никто не знал, что мы там живем».

– Не правда ли, что нынче очень весело? – сказал я тихим, дрожащим голосом и прибавил шагу, испугавшись не столько того, что сказал, сколько того, что намерен был сказать.

– Да... очень! – отвечала она, обратив ко мне головку, с таким откровенно-добрым выражением, что я перестал бояться.

– Особенно после ужина... Но если бы вы знали, как мне жалко (я хотел сказать грустно, но не посмел), что вы скоро уедете и мы больше не увидимся.

– Отчего ж не увидимся? – сказала она, пристально всматриваясь в кончики своих башмачков и проводя пальчиком по решетчатым ширмам, мимо которых мы проходили, – каждый вторник и пятницу мы с мамашей ездим на Тверской. Вы разве не ходите гулять?

– Непременно будем проситься во вторник, и если меня не пустят, я один убегу – без шапки. Я дорогу знаю.

– Знаете что? – сказала вдруг Сонечка, – я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю *ты*; давайте и с вами говорить *ты*. Хочешь? – прибавила она, встряхнув головкой и взглянув мне прямо в глаза.

В это время мы входили в залу, и начиналась другая, живая часть гротфатера.

– Давай ...те, – сказал я в то время, когда музыка и шум могли заглушить мои слова.

– Давай *ты*, а не давайте, – поправила Сонечка и засмеялась. Гротфатер кончился, а я не успел сказать ни одной фразы с *ты*, хотя не переставал придумывать такие, в которых местоимение это повторялось бы несколько раз. У меня недоставало на это смелости. «Хочешь?», «давай ты» звучало в моих ушах и производило какое-то опьянение: я ничего и никого не видал; кроме Сонечки. Видал я, как подобрали ее локоны, заложили их за уши и открыли части лба и висков, которых я не видал еще; видел я, как укутали ее в зеленую шаль, так плотно, что виднелся только кончик ее носика; заметил, что если бы она не сделала своими розовенькими пальчиками маленького отверстия около рта, то непременно бы задохнулась, и видел, как она, спускаясь по лестнице за своею матерью, быстро повернулась к нам, кивнула головкой и исчезла за дверью.

Володя, Ивины, молодой князь, я, мы все были влюблены в Сонечку и, стоя на лестнице, провожали ее глазами.

Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. – М., 1955. – С. 5 – 10; 28 – 30; 46 – 48; 56.

Портрет мальчика. 1874 г. К.Е. Маковский

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский **(1852 – 1906)**

Н.Г. Гарин-Михайловский – русский писатель-путешественник, инженер-путеец, создатель автобиографической тетралогии «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры» (1892 – 1906), которая является вместе с тем и биографией его поколения.

Размышления писателя о времени, судьбе и духовных запросах молодых героев начинаются с описания детских впечатлений главного персонажа. «Детство Темы» повествует о становлении личности и сложности нравственного развития восьмилетнего мальчика.

ДЕТСТВО ТЕМЫ

(Из семейной хроники)

I. НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Маленький восьмилетний Тема стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения.

Всего несколько минут тому назад, как он, проснувшись, помолился богу, напился чаю, причем съел с аппетитом два куска хлеба с маслом, одним словом – добросовестным образом исполнивши все лежавшие на нем обязанности, вышел через террасу в сад в самом веселом, беззаботном расположении духа. В саду так хорошо было.

Он шел по аккуратно расчищенным дорожкам сада, вдыхая в себя свежесть начинающегося летнего утра, и с наслаждением осматривался.

Вдруг... Его сердце от радости и наслаждения сильно забилося... Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец, расцвел! Еще вчера папа внимательно его осматривал и сказал, что раньше недели не будет цвести. И что это за роскошный, что это за прелестный цветок! Никогда никто, конечно, подобного не видал. Папа говорит, что когда гер Готтлиб (главный садовник ботанического сада) увидит, то у него слюнки потекут. Но самое большое счастье во всем этом, конечно, то, что никто другой, а именно он, Тема, первый увидел, что цветок расцвел. Он вбежит в столовую и крикнет во все горло: – Махровый расцвел!

Папа бросит чай и с чубуком в руках, в своем военном вицмундире, сейчас же пройдет в сад. Он, Тема, будет бежать впереди и беспрестанно оглядываться: радуется ли папа?

Папа, наверное, сейчас же поедет к геру Готтлибу, может, прикажет запрячь Гнедко... <...> А вдруг папа и Тему возьмет с собой?! Какое

счастье! Восторг переполняет маленькое сердце Темы. От мысли, что все это счастье произошло от этого чудного, так неожиданно распустившегося цветка, в Теме просыпается нежное чувство к цветку.

– Ми-и-ленький! – говорит он, приседая на корточки, и тянется к нему губами.

Его поза самая неудобная и неустойчивая. Он теряет равновесие, протягивает руки и...

Все погибло! Боже мой, но как же это случилось?! Может быть, можно поправить? Ведь это случилось оттого, что он не удержался, упал. Если б он немножко, вот сюда, уперся рукой, цветок остался бы целым. Ведь это одно мгновение, одна секунда... Постойте!.. Но время не стоит. Тема чувствует, что его точно кружит что-то, что-то точно вырывает у него то, что хотел бы он удержать, и уносит на своих крыльях – уносит совершившийся факт, оставляя Тему одного с ужасным сознанием непоправимости этого совершившегося факта. Какой резкой, острой чертой, какой страшной, неумолимой, беспощадной силой оторвало его вдруг сразу от всего! <...> Что из того, что когда-нибудь будет опять сверкать такое же веселое утро, которое он не испортит, как сегодня? Тогда будет другой мальчик, счастливый, умный, довольный. Чтоб добраться до этого другого, надо пройти бездну, разделяющую его от этого другого, надо пережить что-то страшное, ужасное. О, что бы он дал, чтобы все вдруг остановилось, чтобы всегда было это свежее, яркое утро, чтобы папа и мама всегда спали... Боже мой, отчего он такой несчастный? Отчего над ним тяготеет какой-то вечный неумолимый рок? Отчего он всегда хочет так хорошо, а выходит все так скверно и гадко?.. О, как сильно, как глубоко старается он заглянуть в себя, постигнуть причину этого. Он хочет ее понять, он будет строг и беспристрастен к себе... Он действительно дурной мальчик. Он виноват, и он должен искупить свою вину. Он заслужил наказание, и пусть его накажут. Что же делать? И он знает причину, он нашел ее! Всею виною его гадкие, скверные руки! Ведь он не хотел, руки сделали, и всегда руки. И он придет к отцу и прямо скажет ему:

– Папа, зачем тебе сердиться даром, я знаю теперь хорошо, кто виноват, – мои руки. Отруби мне их, и я всегда буду добрый, хороший мальчик. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всех люблю, а руки мои делают так, что я как будто никого не люблю. Мне ни капли их не жалко.

Мальчику кажется, что его доводы так убедительны, так чистосердечны и ясны, что они должны подействовать.

Но цветок по-прежнему лежит на земле... Время идет... Вот отец, встающий раньше матери, покажется, увидит, все сразу поймет, загадочно посмотрит на сына и, ни слова не говоря, возьмет его за руку и поведет... Поведет, чтоб не разбудить мать, не через террасу, а через

парадный ход, прямо в свой кабинет. Затворится большая дверь, и он останется с глазу на глаз с ним.

Ах, какой он страшный, какое нехорошее у него лицо... И зачем он молчит, не говорит ничего?! Зачем он расстегивает свой мундир?! Какой противный этот желтый узенький ремешок, который виднеется в складке синих штанов его. Тема стоит и, точно очарованный, впился в этот ремешок. Зачем же он стоит?

Он свободен, его никто не держит, он может убежать... Никуда он не убежит. Он будет мучительно тоскливо ждать. Отец, не спеша, снимет этот гадкий ремешок, сложит вдвое, посмотрит на сына; лицо отца нальется кровью, и почувствует, бесконечно сильно почувствует мальчик, что самый близкий ему человек может быть страшным и чужим, что к человеку, которого он должен и хотел бы только любить до обожания, он может питать и ненависть, и страх, и животный ужас, когда прикоснутся к его щекам мягкие, теплые ляжки отца, в которых зажметя голова мальчика.

Маленький Тема, бледный, с широко раскрытыми глазами, стоял перед сломанным цветком, и все муки, весь ужас предстоящего возмездия ярко рисовались в его голове. Все его способности сосредоточились теперь на том, чтобы найти выход, выход, во что бы то ни стало. Какой-то шорох послышался ему по направлению от террасы. Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватается за цветок и втискивает его в землю рядом с корнем. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснется мать, объяснить ей, как все это случилось, и тем отвлечь предстоящую грозу? Ничего ясного не соображает Тема; он опрометью, точно его преследуют все те ведьмы и волшебники, о которых рассказывает ему по вечерам няня, убегает от злополучного места, минуя страшную теперь для него террасу, – террасу, где вдруг он может увидеть грозную фигуру отца, который, конечно, по одному его виду сейчас же поймет, в чем дело.

Он бежит, и ноги бессознательно направляют его подальше от опасности... и, наконец, благополучно достигает кухни.

Здесь он только свободно вздыхает. <...>

Гнедко торжественно выводится с черного на чистый двор и подтягивается к близстоящей водовозной бочке. В последний момент к Иоське возвращается благоразумие.

– Упадете, панычику! – нерешительно говорит он.

– Ничего, – отвечает Тема с пересохшим от волнения горлом. – Ты только, как я сяду, крепко ударь ее, чтоб она сразу в галоп пошла. Тогда легко сидеть!

Тема, стоя на бочке, подбирает поводья, опирается руками на холку Гнедка и легко вспрыгивает ему на спину.

- Дети, смотрите! – кричит он, захлебываясь от удовольствия.
- Аи, аи, смотрите! – в ужасе взвизгивают сестры, бросаясь к ограде.
- Бей! – командует, не помня себя от восторга, Тема.

Иоська из всей силы вытягивает кнутом жеребца. Лошадь; как ужаленная, мгновенно подбегает и делает первый непроизвольный скачок к улице, куда мордой она была поставлена, но затем, сообразив, она взвизгивает на дыбы, круто на задних ногах делает поворот и полным карьером несется назад в конюшню.

Теме, каким-то чудом удержавшемуся при этом маневре, некогда рассуждать. Пред ним ворота черного двора; он вовремя успевает наклонить голову, чтобы не разбить ее о перекладину, и вихрем влетает на черный двор.

Здесь ужас его положения обрисовывается ему с неумолимой ясностью.

Он видит в десяти сажнях перед собой высокую каменную стену конюшни и маленькую темную отворенную дверь и сознает, что разобьется о стену, если лошадь влетит в конюшню. Инстинкт самосохранения удесятеряет его силы, он натягивает, как может, левый повод, лошадь сворачивает с прямого пути, налетает на торчащее дышло, спотыкается, падает с маху на землю, а Тема летит дальше и расплывается у самой стены, на мягкой, теплой куче навоза. Лошадь вскакивает и влетает в конюшню. Тема тоже вскакивает, запирает за нею дверь и оглядывается.

Теперь, когда все благополучно миновало, ему хочется плакать, но он видит в воротах бонну, сестер и соображает по их вытянувшимся лицам, что они все видели. Он бодрится, но руки его дрожат; на нем лица нет, улыбка выходит какой-то жалкой, болезненной гримасой.

Град упреков сыплется на его голову, но в этих упреках он чувствует некоторое уважение к себе, удивление к его молодечеству и мирится с упреками. Непривычная мягкость, с какой Тема принимает выговоры, успокаивает всех. <...>

II. НАКАЗАНИЕ

Коротенькое следствие обнаруживает, по мнению отца, полную несостоятельность системы воспитания сына. Может быть, для девочек она и годится, но натуры мальчика и девочки – вещи разные. Он по опыту знает, что такое мальчик и чего ему надо. Система?! Дрянь, тряпка, негодяй выйдет по этой системе. Факты налицо, грустные факты – воровать начал. Чего еще дожидаться?! Публичного позора?! Так прежде он сам его своими руками задушит. Под тяжестью этих доводов мать уступает, и власть на время переходит к отцу.

Двери кабинета плотно затворяются.

Мальчик тоскливо, безнадежно оглядывается. Ноги его совершенно отказываются служить, он топчется, чтобы не упасть. Мысли вихрем, с ужасающей быстротой несутся в его голове. Он напрягается изо всех сил, чтобы вспомнить то, что он хотел сказать отцу, когда стоял перед цветком. Надо торопиться. Он глотает слюну, чтобы смочить пересохшее горло, и хочет говорить прочувствованным, убедительным тоном:

– Милый папа, я придумал... я знаю, что я виноват... Я придумал: отруби мои руки!..

Увы! то, что казалось так хорошо и убедительно там, когда он стоял перед сломанным цветком, здесь выходит очень неубедительно. Тема чувствует это и прибавляет для усиления впечатления новую, только что пришедшую ему в голову комбинацию:

– Или отдай меня разбойникам!

– Ладно, – говорит сурово отец, окончив необходимые приготовления и направляясь к сыну. – Расстегни штаны...

Это что-то новое?! Ужас охватывает душу мальчика; руки его, дрожа, разыскивают торопливо пуговицы штанишек; он испытывает какое-то болезненное заморозивание, мучительно роется в себе, что еще сказать, и, наконец, голосом, полным испуга и мольбы, быстро, несвязно и горячо говорит:

– Милый мой, дорогой, голубчик... Папа! Папа! Голубчик... Папа, милый папа, стой! Аи, аи, аи! Аяяя!.. Удары сыплются. Тема извивается, визжит, ловит сухую, жилистую руку, страстно целует ее, молит. Но что-то другое рядом с мольбой растет в его душе. Не целовать, а бить, кусать хочется ему ту противную, гадкую руку. Ненависть, какая-то дикая, жгучая озноба охватывает его. Он бешено рвется, но железные тиски еще крепче сжимают его.

– Противный, гадкий, я тебя не люблю! – кричит он с бессильной злобой.

– Полнобишь!

Тема яростно впивается зубами в руку отца.

– Ах ты змееныш?!

И ловким поворотом Тема на диване, голова его в подушке. Одна рука придерживает, а другая продолжает хлестать извивающегося, рычащего Тему.

Удары глухо сыплются один за другим, отмечая рубец за рубцом на маленьком посинелом теле...

С помертвелым лицом ждет мать исхода, сидя одна в гостиной, каждый вопль рвет ее за самое сердце, каждый удар терзает до самого дна ее душу...

Ужас наполняет душу матери.

– Довольно, довольно! – кричит она, врываясь в кабинет. – Довольно!..
– Полнобуйся, каков твой звереныш! – сует ей отец прокушенный палец.

Но она не видит этого пальца. Она с ужасом смотрит на диван, откуда слезает в это время растрепанный, жалкий, огаженный звереныш и дико, с инстинктом зверя, о котором на минуту забыли, пробирается к выходу. Мучительная боль пронизывает мать. Горьким чувством звучат ее слова, когда она говорит мужу:

– И это воспитание?! Это знание природы мальчика?! Превратить в жалкого идиота ребенка, вырвать его человеческое достоинство – это воспитание?! <...>

III. ПРОЩЕНИЕ

В то же время мать проходит в детскую, окидывает ее быстрым взглядом, убеждается, что Темы здесь нет, идет дальше, пылливо всматривается на ходу в отвернутую дверь маленькой комнаты, замечает в ней маленькую фигурку Темы, лежащего на диване с уткнувшимся лицом, проходит в столовую, отворяет дверь в спальную и сейчас же плотно затворяет ее за собой.

Оставшись одна, она тоже подходит к окну, смотрит и не видит темнеющую улицу. Мысли роем носятся в ее голове.

Пусть Тема так и лежит, пусть придет в себя, надо его теперь совершенно предоставить себе... Белье бы переменить... Ах, боже мой, боже мой, какая страшная ошибка, как могла она допустить это! Какая гнусная гадость! Точно ребенок сознательный негодяй! Как не понять, что если он делает глупости, шалости, то делает только потому, что не видит дурной стороны этой шалости. Указать ему эту дурную сторону, не со своей, конечно, точки зрения взрослого человека, с его, детской, не себя убедить, а его убедить, задеть самолюбие, опять-таки его детское самолюбие, его слабую сторону, суметь добиться этого – вот задача правильного воспитания.

Сколько времени надо, пока все это опять войдет в колею, пока ей удастся опять подобрать все эти тонкие, неуловимые нити, которые связывают ее с мальчиком, нити, которыми она втягивает, так сказать, этот живой огонь в рамки повседневной жизни, втягивает, щадя и рамки, щадя и силу огня – огня, который со временем ярко согреет жизнь соприкоснувшихся с ним людей, за который тепло поблагодарят ее когда-нибудь люди. Он, муж, конечно, смотрит с точки зрения своей солдатской дисциплины, его самого так воспитывали, ну и сам он готов сплеча обрубить все сучки и задоринки молодого деревца, обрубить, даже не сознавая, что рубит с ними будущие ветки... <...>

Он рад полумраку. Он облегченно вздыхает, когда затворяет за собой дверь ванной. Он быстро раздевается и лезет в ванну. Обмывшись, он вылезает, берет свое грязное белье и начинает полоскать его в ванне. Ему кажется, он умер бы со стыда, если бы кто-нибудь узнал, в чем дело; пусть лучше будет мокрое. Кончив свою стирку, Тема скомкивает в узел белье и ищет глазами, куда бы его сунуть; он засовывает, наконец, свой узел за старый, запыленный комод. Успокоенный, он идет одеваться, и глаза его наталкиваются на кусок, очевидно, забытого кем-то хлеба. Мальчик с жадностью кидается на него, так как целый день ничего не ел. Годы берут свое: он сидит на скамейке, болтает ножонками и с наслаждением ест. Всю эту сцену видит мать и взволнованно отходит от окна. Она гонит от себя впечатление этой сцены, потому что чувствует, что готова расплакаться. Она освежает лицо, поворачиваясь навстречу мягкому южному ветру, стараясь ни о чем не думать <...>

Он в спальне у матери.

Только лампадка льет из киота свой неровный, трепетный свет, слабо освещая предметы.

Он стоит на ковре. Перед ним в кресле сидит мать и что-то говорит ему. Тема точно во сне слушает ее слова, они безучастно летают где-то возле его уха. Зато на маленькую Зину, подслушивающую у двери, речь матери бесконечно сильно действует своею убедительностью. Она не выдерживает больше и, когда до нее долетают вдруг слова матери: «А если тебе не жаль, значит, ты не любишь маму и папу», врывается в спальню и начинает горячо:

– Я говорила ему...

– Как ты смела, скверная девчонка, подслушивать?!

И «скверная девчонка», подхваченная за руку, исчезает мгновенно за дверью. Это изгнание его маленького врага пробуждает Тему. Он опять живет всеми нервами своего организма. Все горе дня встает перед ним. Он весь проникается сознанием зла, нанесенного ему сестрой. Обидное чувство, что его никто не хочет выслушать, что к нему несправедливы, охватывает его.

– Все только слушают Зину... Все целый день на меня нападают, меня никто не-е любит и никто не хо-о-чет вы-ы-слу-у...

И Тема горько плачет, закрывая руками лицо.

Долго плачет Тема, но горечь уже вылита.

Он передал матери всю повесть грустного дня, как она слагалась роковым образом. Его глаза распухли от слез; он нервно вздрагивает и нет-нет всхлипывает тройным вздохом. Мать, сидя с ним на диване, ласково гладит его густые волосы и говорит ему:

– Ну, будет, будет... мама не сердится больше... мама любит своего мальчика... мама знает, что он будет у нее хороший, любящий, когда

поймет только одну маленькую, очень простую вещь. И Тема может ее уже понять. Ты видишь, сколько горя с тобой случилось, а как ты думаешь, отчего? А я тебе скажу: оттого, что ты еще маленький трус...

Тема, ждавший всяких обвинений, но только не этого, страшно поражен и задет этим неожиданным выводом <...>

– Сам же говоришь, что боялся, значит – трус. А трусить, бояться правды – стыдно. Бояться правды скверные, дурные люди, а хорошие люди правды не боятся и согласны не только чтобы их наказывали за то, что они говорят правду, но рады и жизнь отдать за правду. <...> Тема молча обнял мать и спрятал голову на ее груди.

Гарин-Михайловский Н.Г. Собр. соч.: В 5 т. – М., 1957. – Т. 1. – С. 55 – 96.

Антон Павлович Чехов **(1860 – 1904)**

А.П. Чехов написал более двадцати рассказов о детях, основные из них созданы в середине – конце восьмидесятых годов. В поле его внимания оказываются дети самого разного возраста: от двух с небольшим лет до семнадцати. «Дошкольному» же возрасту посвящен ряд его произведений: «Гриша», «Событие», «Кухарка женится», «Детвора», «Беглец», «Отец семейства», «Житейская мелочь», «Ванька», «Степь».

В основе сюжета чеховских рассказов обычно лежит «конфликтная ситуация, которую он видит в бытовой сценке». На первом плане в рассказах детские характеры. Чехов показывает событие через восприятие ребенка, живущего в своем особом, отдельном мире. Угол зрения необычен, поэтому банальные сценки приобретают почти фантастические черты («Гриша»).

Случается, что гармония детского мира бывает грубо нарушена: происходят события, потрясающие детское сознание. Но эти же события оставляют совершенно равнодушными взрослых. Они живут своей жизнью. Мир взрослых существует параллельно, они, как правило, не понимают детей, считая их примитивными, всецело зависимыми созданиями. Поступки взрослых противоречат устремлениям детей, а иногда и вовсе враждебны («Устрицы», «Событие», «Житейская мелочь»). Так сталкивается детская изначальная доброта и вера в справедливость с миром, где возможны ложь и предательство.

Чехов воссоздает логику, ход мыслей детей и их своеобразный, не совсем правильный язык. Дети у писателя не идеальны, но трогательны, наивны и искренни, и в интонации автора, несмотря на сдержанность его манеры повествования, слышатся нота любви, ласковый юмор и всегда – признание самоценности детской личности.

Дети. 1899 г. В.А. Серов

УСТРИЦЫ

Мне не нужно слишком напрягать память, чтобы во всех подробностях вспомнить дождливые осенние сумерки, когда я стою с отцом на одной из многолюдных московских улиц и чувствую, как мною постепенно овладевает странная болезнь. Боли нет никакой, но ноги мои подгибаются, слова останавливаются поперек горла, голова бесильно склоняется набок... По-видимому, я сейчас должен упасть и потерять сознание.

Попади я в эти минуты в больницу, доктора должны были бы написать на моей доске: Fames¹ – болезнь, которой нет в медицинских учебниках. <...>

Против нас большой трехэтажный дом с синей вывеской: «Трактир». Голова моя слабо откинута назад и набок, и я поневоле гляжу вверх, на освещенные окна трактира. В окнах мелькают человеческие фигуры. Виден правый бок оркестриона, две олеографии, вися-

¹ Голод (лат.).

чие лампы... Вглядываясь в одно из окон, я усматриваю белеющее пятно. Пятно это неподвижно и своими прямолинейными контурами резко выделяется из общего, темно-коричневого фона. Я напрягаю зрение и в пятне узнаю белую стенную вывеску. На ней что-то написано, но что именно – не видно...

Полчаса я не отрываю глаз от вывески. Своею белизною она притягивает мои глаза и словно гипнотизирует мой мозг. Я стараюсь прочесть, но старания мои тщетны. Наконец странная болезнь вступает в свои права. Шум экипажей начинает казаться мне громом, в уличной вони различаю я тысячи запахов, глаза мои в трактирных лампах и уличных фонарях видят ослепительные молнии. Мои пять чувств напряжены и хватают через норму. Я начинаю видеть то, чего не видел ранее.

– Устрицы... – разбираю я на вывеске.

Странное слово! Прожил я на земле ровно восемь лет и три месяца, но ни разу не слышал этого слова. Что оно значит? Не есть ли это фамилия хозяина трактира? Но ведь вывески с фамилиями вешаются на дверях, а не на стенах!

– Папа, что значит устрицы? – спрашиваю я хриплым голосом, силась повернуть лицо в сторону отца. <...>

– Папа, что значит устрицы? – повторяю я.

– Это такое животное... Живет в море...

Я мигом представляю себе это неведомое морское животное. Оно должно быть чем-то средним между рыбой и раком. Так как оно морское, то из него готовят, конечно, очень вкусную, горячую уху с душистым перцем и лавровым листом, кисловатую селянку с хрящиками, раковый соус, холодное с хреном... Я живо воображаю себе, как приносят с рынка это животное, быстро чистят его, быстро суют в горшок... быстро, быстро, потому что всем есть хочется... ужасно хочется! Из кухни несетя запах рыбного жаркого и ракового супа. Я чувствую, как этот запах щекочет мое небо, ноздри, как он постепенно овладевает всем моим телом... Трактир, отец, белая вывеска, мои рукава – все пахнет этим запахом, пахнет до того сильно, что я начинаю жевать. Я жую и делаю глотки, словно и в самом деле в моем рту лежит кусок морского животного...

Ноги мои гнутся от наслаждения, которое я чувствую, и я, чтобы не упасть, хватаю отца за рукав и припадаю к его мокрому летнему пальто. Отец дрожит и жмется. Ему холодно...

– Папа, устрицы постные или скоромные? – спрашиваю я.

– Их едят живыми... – говорит отец. – Они в раковинах, как черепахи, но... из двух половинок.

Вкусный запах мгновенно перестает щекотать мое тело, и иллюзия пропадает... Теперь я все понимаю!

– Какая гадость, – шепчу я, – какая гадость! Так вот что значит устрицы! Я воображаю себе животное, похожее на лягушку. Лягушка сидит в раковине, глядит оттуда большими, блестящими глазами и играет своими отвратительными челюстями. Я представляю себе, как приносят с рынка это животное в раковине, с клешнями, блестящими глазами и со склизкой кожей... Дети все прячутся, а кухарка, брезгливо морщась, берет животное за клешню, кладет его на тарелку и несет в столовую. Взрослые берут его и едят... едят живьем, с глазами, с зубами, с лапками! А оно пищит и старается укусить за губу...

Я морщусь, но... но зачем же зубы мои начинают жевать? Животное мерзко, отвратительно, страшно, но я ем его, ем с жадностью, боясь разгадать его вкус и запах. Одно животное съедено, а я уже вижу блестящие глаза другого, третьего... Я ем и этих... Наконец ем салфетку, тарелку, калоши отца, белую вывеску... Ем все, что только попадется мне на глаза, потому что я чувствую, что только от еды пройдет моя болезнь. Устрицы страшно глядят глазами и отвратительны, я дрожу от мысли о них, но я хочу есть! Есть! <...>

– Дайте устриц! – кричу я, теребя отца за фалды.

– А ты разве ешь устриц? Такой маленький! – слышу я возле себя смех.

Перед нами стоят два господина в цилиндрах и со смехом глядят мне в лицо.

– Ты, мальчуган, ешь устриц? В самом деле? Это интересно! Как же ты их ешь?

Помню, чья-то сильная рука тащит меня к освещенному трактиру. Через минуту собирается вокруг толпа и глядит на меня с любопытством и смехом. Я сижу за столом и ем что-то склизкое, соленое, отдающее сыростью и плесенью. Я ем с жадностью, не жуя, не глядя и не осведомляясь, что я ем. Мне кажется, что если я открою глаза, то непременно увижу блестящие глаза, клешни и острые зубы...

Я вдруг начинаю жевать что-то твердое. Слышится хрустенье.

– Ха-ха! Он раковины ест! – смеется толпа. – Дурачок, разве это можно есть?

Засим я помню страшную жажду. Я лежу на своей постели и не могу уснуть от изжоги и странного вкуса, который я чувствую в своем горячем рту. Отец мой ходит из угла в угол и жестикулирует руками. <...>

К утру я засыпаю, и мне снится лягушка с клешнями, сидящая в раковине и играющая глазами. В полдень просыпаюсь от жажды и ищу глазами отца: он все еще ходит и жестикулирует...

Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. - М, 1960. - Т. 2. - С. 324 – 328.

ДЕТВОРА

Папы, мамы и тети Нади нет дома. Они уехали на крестины к старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошади. В ожидании их возвращения Гриша, Аня, Алеша, Соня и кухаркин сын Андрей сидят в столовой за обеденным столом и играют в лото. Говоря по совести, им пора уже спать; но разве можно, не узнав от мамы, какой на крестинах был ребеночек и что подавали за ужином? Стол, освещаемый висячей лампой, пестрит цифрами, ореховой скорлупой, бумажками и стеклышками. Перед каждым из играющих лежат по две карты и по кучке стеклышек для покрывающей цифр. Посреди стола белеет блюдечко с пятикопеечными монетами. Возле блюдечка недоеденное яблоко, ножницы и тарелка, в которую приказано класть ореховую скорлупу. Играют дети на деньги. Ставка – копейка. Условие: если кто мошенничает, того немедленно вон. В столовой, кроме играющих, нет никого. Няня Агафья Ивановна сидит внизу в кухне и учит там кухарку кроить, а старший брат Вася, ученик пятого класса, лежит в гостиной на диване и скучает.

Играют с азартом. Самый большой азарт написан на лице у Гриши. Это маленький, девятилетний мальчик с догола остриженной головой, пухлыми щеками и с жирными, как у негра, губами. Он уже учится в приготовительном классе, а потому считается большим и самым умным. Играет он исключительно из-за денег. Не будь на блюдечке копейка, он давно бы уже спал. Его карие глазки беспокойно и ревниво бегают по картам партнеров. Страх, что он может не выиграть, зависть и финансовые соображения, наполняющие его стриженую голову, не дают ему сидеть спокойно, сосредоточиться. Вертится он, как на иголках. Выиграв, он с жадностью хватает деньги и тотчас же прячет их в карман. Сестра его Аня, девочка лет восьми, с острым подбородком и умными, блестящими глазами, тоже боится, чтобы кто-нибудь не выиграл. Она краснеет, бледнеет и зорко следит за игроками. Копейки ее не интересуют. Счастье в игре для нее вопрос самолюбия. Другая сестра, Соня, девочка шести лет, с кудрявой головкой и с цветом лица, какой бывает только у очень здоровых детей, у дорогих кукол и на бонбоньерках, играет в лото ради процесса игры. По лицу ее разлито умиление. Кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши. Алеша, пухлый, шаровидный карапузик, пыхтит, сопит и пучит глаза на карты. У него ни корыстолюбия, ни самолюбия. Не гонят из-за стола, не укладывают спать – и на том спасибо. По виду он флегма, но в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает кого. Ему давно уже нужно кое-куда сбегать, но он не выходит из-за стола ни на минуту, боясь, чтоб

без него не похитили его стеклышек и копеек. Так как он знает одни только единицы и те числа, которые оканчиваются нулями, то за него покрывает цифры Аня. Пятый партнер, кухаркин сын Андрей, черно-мазый, болезненный мальчик, в ситцевой рубашке и с медным крестиком на груди, стоит неподвижно и мечтательно глядит на цифры. К выигрышу и к чужим успехам он относится безучастно, потому что весь погружен в арифметику игры, в ее несложную философию! Сколько на этом свете разных цифр и как это они не перепутаются! Выкрикивают числа все по очереди, кроме Сони и Алеши. Ввиду однообразия чисел практика выработала много терминов и смехотворных прозвищ. Так, семь у игроков называется кочергой, одиннадцать – палочками, семьдесят семь – Семен Семенычем, девяносто – дедушкой и т.д. Игра идет бойко.

– Тридцать два! – кричит Гриша, вытаскивая из отцовской шапки желтые цилиндрики. – Семнадцать! Кочерга! Двадцать восемь – сено косим!

Аня видит, что Андрей прозевал 28. В другое время она указала бы ему на это, теперь же, когда на блюдечке вместе с копеечкой лежит ее самолюбие, она торжествует.

– Двадцать три! – продолжает Гриша. – Семен Семеныч! Девять!

– Прусак, прусак! – вскрикивает Соня, указывая на прусака, бегущего через стол. – Аи!

– Не бей его, – говорит басом Алеша. – У него, может быть, есть дети...

Соня провожает глазами прусака и думает о его детях: какие это, должно быть, маленькие прусачата!

– Сорок три! Один! – продолжает Гриша, страдая от мысли, что у Ани уже две катерны. – Шесть!

– Партия! У меня партия! – кричит Соня, кокетливо закатывая глаза и хохоча.

У партнеров вытягиваются физиономии.

– Проверить! – говорит Гриша, с ненавистью глядя на Соню.

На правах большого и самого умного Гриша забрал себе решающий голос. Что он хочет, то и делают. Долго и тщательно проверяют Соню, и к величайшему сожалению ее партнеров оказывается, что она не смошенничала. Начинается следующая партия.

– А что я вчера видела! – говорит Аня как бы про себя. Филипп Филиппыч заворотил как-то веки, и у него сделались глаза красные, страшные, как у нечистого духа.

– Я тоже видел, – говорит Гриша. – Восемь! А у нас ученик умеет ушами двигать. Двадцать семь!

Андрей поднимает глаза на Гришу, думает и говорит:

– И я умею ушами шевелить...

– А ну-ка, пошевели!

Андрей шевелит глазами, губами и пальцами, и ему кажется, что его уши приходят в движение. Всеобщий смех.

– Нехороший человек этот Филипп Филиппыч, – вздыхает Соня. – Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне стало так неприлично!

– Партия! – вскрикивает вдруг Гриша, хватая с блюдечка деньги. – У меня партия! Проверьте, если хотите!

Кухаркин сын поднимает глаза и бледнеет.

– Мне, значит, уж больше нельзя играть, – шепчет он. – Почему?

– Потому что... потому что у меня больше денег нет.

– Без денег нельзя! – говорит Гриша.

Андрей на всякий случай еще раз роется в карманах. Не найдя в них ничего, кроме крошек и искусанного карандашика, он кривит рот и начинает страдальчески мигать глазами. Сейчас он заплачет...

– Я за тебя поставлю! – говорит Соня, не вынося его мученического взгляда. – Только смотри, отдашь после.

Деньги взносятся, и игра продолжается.

– Кажется, где-то звонят, – говорит Аня, делая большие глаза. Все перестают играть и, раскрыв рты, глядят на темное окно. За темной мелькает отражение лампы.

– Это послышалось.

– Ночью только на кладбище звонят... – говорит Андрей.

– А зачем там звонят?

– Чтоб разбойники в церковь не забрались. Звона они боятся.

– А для чего разбойникам в церковь забираться? – спрашивает Соня.

– Известно для чего: сторожей поубивать!

Проходит минута в молчании. Все переглядываются, вздрагивают и продолжают игру. На этот раз выигрывает Андрей.

– Он смошенничал, – басит ни с того ни с сего Алеша.

– Врешь, я не смошенничал!

Андрей бледнеет, кривит рот и хлоп Алешу по голове! Алеша злобно таращит глаза, вскакивает, становится одним коленом на стол и, в свою очередь, – хлоп Андрея по щеке! Оба дают друг другу еще по одной пощечине и ревут. Соня, не выносящая таких ужасов, тоже начинает плакать, и столовая оглашается разноголосым ревом. Но не думайте, что игра от этого кончилась. Не проходит и пяти минут, как дети опять хохочут и мирно беседуют. Лица заплаканы, но это не мешает им улыбаться. Алеша даже счастлив: недоразумение было!

В столовую входит Вася, ученик пятого класса. Вид у него заспанный, разочарованный.

«Это возмутительно! – думает он, глядя, как Гриша ощупывает карман, в котором звякают копейки. – Разве можно давать детям деньги?»

И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогика, нечего сказать. Возмутительно!»

Но дети играют так вкусно, что у него самого является охота присесть к ним и попытаться счастья.

– Погодите, и я сяду играть, – говорит он.

– Ставь копейку!

– Сейчас, – говорит он, роясь в карманах. – У меня копейки нет, но вот есть рубль. Я ставлю рубль.

– Нет, нет, нет... копейку ставь!

– Дураки вы. Ведь рубль, во всяком случае, дороже копейки, – объясняет гимназист. – Кто выиграет, тот мне сдачи даст.

– Нет, пожалуйста! Уходи!

Ученик пятого класса пожимает плечами и идет в кухню взять у прислуги мелочи. В кухне не оказывается ни копейки.

– В таком случае разменяй мне, – пристает он к Грише, придя из кухни. – Я тебе промен заплачу. Не хочешь? Ну, продай мне за рубль десять копеек.

Гриша подозрительно косится на Васю: не подвох ли это какой-нибудь, не жульничество ли?

– Не хочу, – говорит он, держась за карман.

Вася начинает выходить из себя, бранится, называя игроков болванами и чугунными мозгами.

– Вася, да я за тебя поставлю! – говорит Соня. – Садись! Гимназист садится и кладет перед собой две карты. Аня начинает читать числа.

– Копейку уронил! – заявляет вдруг Гриша взволнованным голосом. – Пойдите!

Снимают лампу и лезут под стол искать копейку. Хватают руками плевки, ореховую скорлупу, стучаются головами, но копейки не находят. Начинают искать снова и ищут до тех пор, пока Вася не вырывает из рук Гриши лампу и не ставит ее на место. Гриша продолжает искать в потемках.

Но вот, наконец, копейка найдена. Игроки садятся за стол и хотят продолжать игру.

– Соня спит! – заявляет Алеша.

Соня, положив кудрявую голову на руки, спит сладко, безмятежно и крепко, словно она уснула час тому назад. Уснула она нечаянно, пока другие искали копейку.

– Поди, на мамину постель ложись! – говорит Аня, уводя ее из столовой. – Иди!

Ее ведут все гурьбой, и через какие-нибудь пять минут мамина постель представляет собой любопытное зрелище. Спит Соня. Возле нее похрапывает Алеша. Положив на их ноги голову, спят Гриша и Аня. Тут же,

кстати, заодно примостился и кухаркин сын Андрей. Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!

Чехов А.П. Избранные произведения: В 3 т. – М., 1950. – Т. 1. – С. 85 – 90.

ГРИША

Гриша, маленький, пухлый мальчик, родившийся два года и семь месяцев тому назад, гуляет с нянькой по бульвару. На нем длинный ватный бурнусик, шарф, большая шапка с мохнатой пуговкой и теплые калоши. Ему душно и жарко, а тут еще разгулявшееся апрельское солнце бьет прямо в глаза и щиплет веки. Вся его неуклюжая, робко, неуверенно шагающая фигура выражает крайнее недоумение.

До сих пор Гриша знал один только четырехугольный мир, где в одном углу стоит его кровать, в другом – нянькин сундук, в третьем – стул, а в четвертом – горит лампадка. Если взглянуть под кровать, то увидишь куклу с отломанной рукой и барабай, за нянькиным сундуком очень много разных вещей: катушки от ниток, бумажки, коробка без крышки и сломанный паяц. В этом мире кроме няни и Гриши часто бывает мама и кошка. Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста. Из мира, который называется детской, дверь ведет в пространство, где обедают и пьют чай. Тут стоит Гришин стул на высоких ножках и висят часы, существующие для того только, чтобы махать маятником и звонить. Из столовой можно пройти в комнату, где стоят красные кресла. Тут на ковре темнеет пятно, за которое Грише до сих пор грозят пальцами. За этой комнатой есть еще другая, куда не пускают и где мелькает папа – личность в высшей степени загадочная! Няня и мама понятны: они одевают Гришу, кормят и укладывают его спать, но для чего существует папа – неизвестно. Еще есть другая загадочная личность – это тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает. Куда она исчезает? Гриша не раз заглядывал под кровать, за сундук и под диван, но там ее не было...

В этом же новом мире, где солнце режет глаза, столько пап, мам и тетей, что не знаешь, к кому и подбежать. Но страннее и нелепее всего – лошади. Гриша глядит на ихдвигающиеся ноги и ничего не может понять. Глядит на няньку, чтобы та разрешила его недоумение, но та молчит.

Вдруг он слышит страшный топот... По бульвару, мерно шагая, двигается прямо на него толпа солдат с красными лицами и с банными венниками под мышкой. Гриша весь холодеет от ужаса и глядит вопросительно на няньку: не опасно ли? Но нянька не бежит и не плачет, значит, не опасно. Гриша провожает глазами солдат и сам начинает шагать им в такт.

Через бульвар перебегают две большие кошки с длинными мордами, с высунутыми языками и с задранными вверх хвостами. Гриша думает, что и ему тоже нужно бежать, и бежит за кошками.

– Стой! – кричит ему нянька, грубо хватая его за плечи. – Куда ты? Нешто тебе велено шалить?

Вот какая-то няня сидит и держит маленькое корыто с апельсинами. Гриша проходит мимо нее и молча берет себе один апельсин.

– Это ты зачем же? – кричит его спутница, хлопая его по руке и вырывая апельсин. – Дурак!

Теперь Гриша с удовольствием бы поднял стеклышко, которое валяется под ногами и сверкает, как лампадка, но он боится, что его опять ударят по руке.

– Мое вам почтение! – слышит вдруг Гриша почти над самым ухом чей-то громкий, густой голос и видит высокого человека со светлыми пуговицами.

К великому его удовольствию этот человек подает няньке руку, останавливается с ней и начинает разговаривать. Блеск солнца, шум экипажей, лошади, светлые пуговицы – все это так поразительно ново и не страшно, что душа Гриши наполняется чувством наслаждения, и он начинает хохотать.

– Пойдем! Пойдем! – кричит он человеку со светлыми пуговицами, дергая его за фалду.

– Куда пойдем? – спрашивает человек.

– Пойдем! – настаивает Гриша.

Ему хочется сказать, что недурно бы также прихватить с собой папу, маму и кошку, но язык говорит совсем не то, что нужно.

Немного погодя нянька сворачивает с бульвара и вводит Гришу в большой двор, где есть еще снег. И человек со светлыми пуговицами тоже идет за ними. Минуют старательно снеговые глыбы и лужи, потом по грязной, темной лестнице входят в комнату. Тут много дыма, пахнет жарким и какая-то женщина стоит около печки и жарит котлеты. Кухарка и нянька целуются и вместе с человеком садятся на скамью и начинают говорить тихо. Грише, окутанному, становится невыносимо жарко и душно.

«Отчего бы это?» – думает он, оглядываясь.

Видит он темный потолок, ухват с двумя рогами, печку, которая глядит большим, черным дуплом...

– Ма-а-ма! – тянет он.

– Ну, ну, ну! – кричит нянька. – Подождешь!

Кухарка ставит на стол бутылку, две рюмки и пирог. Две женщины и человек со светлыми пуговицами чокаются и пьют по нескольку раз, и человек обнимает то няньку, то кухарку. И потом трое начинают тихо петь.

Гриша тянется к пирогу, и ему дают кусочек. Он ест и глядит, как пьет нянька... Ему тоже хочется выпить.

– Дай! Няня, дай! – просит он.

Кухарка дает ему отхлебнуть из своей рюмки. Он таращит глаза, морщится, кашляет и долго потом машет руками, а кухарка глядит на него и смеется.

Вернувшись домой, Гриша начинает рассказывать маме, стенам и кровати, где он был и что видел. Говорит он не столько языком, сколько лицом и руками. Показывает он, как блестит солнце, как бегают лошади, как глядит страшная печь и как пьет кухарка... Вечером он никак не может уснуть. Солдаты с вениками, большие кошки, лошади, стеклышко, корыто с апельсинами, светлые пуговицы – все это собралось в кучу и давит его мозг. Он ворочается с боку на бок, болтает и, в конце концов, не вынося своего возбуждения, начинает плакать.

– А у тебя жар! – говорит мама, касаясь ладонью его лба. – Отчего бы это могло случиться?

– Печка! – плачет Гриша. – Пошла отсюда, печка!

– Вероятно, покушал лишнее... – решает мама.

И Гриша, распираемый впечатлениями новой, только что изведенной жизни, получает от мамы ложку касторки.

Чехов А.П. Избранные произведения: В 3 т. – М., 1950. – Т. 1. – С. 140 – 142.

Дети. 1870-е гг. К.Е. Маковский

ЖИТЕЙСКАЯ МЕЛОЧЬ

Николай Ильич Беляев, петербургский домовладелец, бывающий часто на скачках, человек молодой, лет тридцати двух, упитанный, розовый, как-то под вечер зашел к госпоже Ирриной, Ольге Ивановне, с которой он жил, или, по его выражению, тянул скучный и длинный роман. И в самом деле, первые страницы этого романа, интересные и вдохновенные, давно уже были прочтены; теперь страницы тянулись и все тянулись, не представляя ничего ни нового, ни интересного.

Не застав Ольги Ивановны дома, мой герой прилег в гостиной на кушетку и принялся ждать.

– Добрый вечер, Николай Ильич! – услышал он детский голос. – Мама сейчас придет. Она пошла с Соней к портнице.

В той же гостиной на диване лежал сын Ольги Ивановны Алеша, мальчик лет восьми, стройный, выхоленный, одетый по картинке в бархатную курточку и длинные черные чулки. Он лежал на атласной подушке и, очевидно, подражая акробату, которого недавно видел в цирке, задирает вверх то одну ногу, то другую. Когда утомлялись его изящные ноги, он пускал в ход руки или же порывисто вскакивал и становился на четвереньки, пытаясь стать вверх ногами. Все это проделывал он с самым серьезным лицом, мученически пыхтя, точно и сам не рад был, что бог дал ему такое беспокойное тело.

– А, здравствуй, мой друг! – сказал Беляев. – Это ты? А я тебя и не заметил. Мама здорова?

Алеша, взявшийся правой рукой за носок левой ноги и принявший самую неестественную позу, перевернулся, вскочил и выглянул из-за большого мохнатого абажура на Беляева.

– Как вам сказать? – сказал он и пожал плечами. – Ведь мама, в сущности, никогда не бывает здорова. Она ведь женщина, а у женщины, Николай Ильич, всегда что-нибудь болит.

Беляев от нечего делать стал рассматривать лицо Алеши. Раньше он за все время, пока был знаком с Ольгой Ивановной, ни разу не обратил внимания на мальчика и совершенно не замечал его существования: торчит перед глазами мальчик, а к чему он тут, какую роль играет – и думать об этом как-то не хочется.

В вечерних сумерках лицо Алеши с его бледным лбом и черными, немигающими глазами неожиданно напомнило Беляеву Ольгу Ивановну, какую она была на первых страницах романа. И ему захотелось приласкать мальчика. – Поди-ка сюда, клоп! – сказал он. – Дай-ка я на тебя поближе погляжу.

Мальчик прыгнул с дивана и подбежал к Беляеву.

– Ну? – начал Николай Ильич, кладя руку на его тощее плечо. – Что? Живешь?

– Как вам сказать? Прежде жилось гораздо лучше.

– Почему?

– Очень просто! Прежде мы с Соней занимались только музыкой и чтением, а теперь нам французские стихи задают. А вы недавно стриглись!

– Да, недавно.

– То-то я замечаю. У вас борода стала короче. Позвольте мне за нее потрогать... Не больно?

– Нет, не больно.

– Отчего это, когда за один волосок тянешь, то больно, а когда тянешь за много волос, то ни капельки не больно? Ха, ха! А, знаете, вы напрасно бакенов не носите. Тут вот пробрить, а с боков... вот тут вот оставить волосы... Мальчик прижался к Беляеву и стал играть его цепочкой.

– Когда я поступлю в гимназию, – говорил он, – мама мне купит часы. Я ее попрошу, чтобы она мне такую же цепочку купила... Какой медальон! У папы точно такой же медальон, только у вас тут полосочки, а у него буквы... В середке у него портрет мамы. У папы теперь другая цепочка, не кольцами, а лентой...

– Откуда ты знаешь? Разве ты выдаешь папу?

– Я? Мм... нет! Я...

Алеша покраснел и в сильном смущении, уличенный во лжи, стал усердно царапать ногтем медальон. Беляев пристально поглядел ему в лицо и спросил:

– Выдаешь папу?

– Н...нет!..

– Нет, ты откровенно, по совести... По лицу ведь вижу, что говоришь неправду. Коли проболтался, так нечего уж тут вилить. Говори, выдаешь? Ну, по-дружески!

Алеша задумался.

– А вы не скажете маме? – спросил он.

– Ну вот еще!

– Честное слово?

– Честное слово.

– Побожитесь!

– Ах, несносный какой! За кого ты меня принимаешь! Алеша оглянулся, сделал большие глаза и зашептал:

– Только ради бога не говорите маме... Вообще никому не говорите, потому что тут секрет. Не дай бог, узнает мама, то достанется и мне, и Соне, и Пелагее... Ну, слушайте. С папой я и Соня видимся каждый вторник и пятницу. Когда Пелагея водит нас перед обедом гулять, то мы заходим в кондитерскую Апфеля, а там уж нас ждет папа...

Он всегда в отдельной комнатке сидит, где, знаете, такой мраморный стол и пепельница в виде гуся без спины...

– Что же вы там делаете?

– Ничего! Сначала здороваемся, потом все садимся за столик, и папа начинает угощать нас кофеем и пирожками. Соня, знаете, ест пирожки с мясом, а я терпеть не могу с мясом! Я люблю с капустой и с яйцами. Мы так наедаемся, что потом за обедом, чтобы мама не заметила, мы стараемся есть как можно больше.

– О чем же вы там говорите?

– С папой? Обо всем. Он нас целует, обнимает, рассказывает разные смешные остроты. Знаете, он говорит, что когда мы вырастем, то он возьмет нас к себе жить. Соня не хочет, а я согласен. Конечно, без мамы будет скучно, но я ведь буду ей письма писать! Странное дело, можно будет даже по праздникам к ней с визитом приходиться – не правда ли? Еще папа говорит, что он мне лошадь купит. Добрейший человек! Я не знаю, зачем это мама не позовет его к себе жить и запрещает нам видаться с ним. Ведь он очень любит маму. Всегда он нас спрашивает, как ее здоровье, что она делает. Когда она была больна, то он схватил себя за голову вот так и... и все бегаем, бегаем. Все просит нас, чтоб мы слушались ее и почитали. Послушайте, правда, что мы несчастные?

– Гм... Почему же?

– Это папа говорит. Вы, говорит, несчастные дети. Даже слушать его странно. Вы, говорит, несчастные, я несчастный и мама несчастная. Молитесь, говорит, богу и за себя, и за нее.

Алеша остановил свой взгляд на чучеле птицы и задумался.

– Так-с... – промычал Беляев. – Так вот вы, значит, как. В кондитерских конгрессы сочиняете. И мама не знает?

– Не-ет... Откуда же ей знать? Пелагея ведь ни за что не скажет. А позавчера папа нас грушами угощал. Сладкие, как варенье! Я две съел.

– Гм... Ну, а того... послушай, про меня папа ничего не говорит?

– Про вас? Как вам сказать?

Алеша пытливо поглядел в лицо Беляева и пожал плечами.

– Особенно ничего не говорит.

– Примерно, что говорит?

– А вы не обидитесь?

– Ну, вот еще! Разве он меня бранит?

– Он не бранит, но, знаете ли... сердится на вас. Он говорит, что через вас мама несчастна и что вы... погубили маму. Ведь он какой-то странный! Я ему растолковываю, что вы добрый, никогда не кричите на маму, а он только головой качает.

– Так-таки и говорит, что я ее погубил?

– Да. Вы не обижайтесь, Николай Ильич!

Беляев поднялся, постоял и заходил по гостиной.

– Это и странно, и... смешно! – забормотал он, пожимая плечами и насмешливо улыбаясь. – Сам кругом виноват, и я же погубил, а? Скажите, какой невинный барашек. Так-таки он тебе и говорил, что я погубил твою мать?

– Да, но... ведь вы же сказали, что не будете обижаться!

– Я не обижаюсь, и... и не твое дело! Нет, это... это даже смешно! Я попал, как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым!

Послышался звонок. Мальчик рванулся с места и выбежал вон. Через минуту в гостиную вошла дама с маленькой девочкой – это была Ольга Ивановна, мать Алеша. За нею вприпрыжку, громко напевая и болтая руками, следовал Алеша. Беляев кивнул головой и продолжал ходить.

– Конечно, кого же теперь обвинять, как не меня? – бормотал он, фыркая. – Он прав! Он оскорбленный муж!

– О чем ты это? – спросила Ольга Ивановна.

– О чем?... А вот послушай-ка, какие штуки проповедует твой благодетель! Оказывается, что я подлец и злодей, я погубил и тебя, и детей. Все вы несчастные, и один только я ужасно счастлив! Ужасно, ужасно счастлив!

– Я не понимаю, Николай! Что такое?

– А вот послушай сего юного сеньора! – сказал Беляев и указал на Алешу.

Алеша покраснел, потом вдруг побледнел, и все лицо его перекосило от испуга.

– Николай Ильич! – громко прошептал он. – Тссс!

Ольга Ивановна удивленно поглядела на Алешу, на Беляева, потом опять на Алешу.

– Спроси-ка! – продолжал Беляев. – Твоя Пелагея, этакая дура набитая, водит их по кондитерским и устраивает там свидания с папашенькой. Но не в этом дело, дело в том, что папашенька страдалец, а я злодей, я негодяй, разбивший вам обоим жизнь...

– Николай Ильич! – простонал Алеша. – Ведь вы дали честное слово!

– Э, отстань! – махнул рукой Беляев. – Тут поважнее всяких честных слов. Меня лицемерие возмущает, ложь!

– Не понимаю! – проговорила Ольга Ивановна, и слезы заблестели у нее на глазах. – Послушай, Лелька, – обратилась она к сыну, – ты выдаешься с отцом?

Алеша не слышал ее и с ужасом глядел на Беляева.

– Не может быть! – сказала мать. – Пойду допрошу Пелагею. Ольга Ивановна вышла.

– Послушайте, ведь вы честное слово дали! – проговорил Алеша, дрожа всем телом.

Беляев махнул на него рукой и продолжал ходить. Он был погружен в свою обиду и уже по-прежнему не замечал присутствия мальчика. Ему, большому и серьезному человеку, было совсем не до мальчиков. А Алеша уселся в угол и с ужасом рассказывал Соне, как его обманули. Он дрожал, заикался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью; ранее же он не знал, что на этом свете, кроме сладких груш, пирожков и дорогих часов, существует еще и многое другое, чему нет названия на детском языке.

Чехов А.П. Избранные произведения: В 3 т. – М, 1950. – Т. 1. – С. 177 – 182.

СОБЫТИЕ

Утро. Сквозь ледяные кружева, покрывающие оконные стекла, пробивается в детскую яркий солнечный свет. Ваня, мальчик лет шести, стриженный, с носом, похожим на пуговицу, и его сестра Нина, четырехлетняя девочка, кудрявая, пухленькая, малорослая не по летам, просыпаются и через решетки кроваток глядят сердито друг на друга.

– У-у-у, бесстыдники! – ворчит нянька. – Добрые люди уж чаю напившись, а вы никак глаз не продерете...

Солнечные лучи весело шалют на ковре, на стенах, на подоле няньки и как бы приглашают поиграть с ними, но дети не замечают их. Они проснулись не в духе. Нина надувает губы, делает кислое лицо и начинает тянуть:

– Ча-аю! Нянька, ча-аю!

Ваня морщит лоб и думает: к чему бы придаться, чтоб зареветь? Он уж заморгал глазами и открыл рот, но в это время из гостиной доносится голос мамы:

– Не забудьте дать кошке молока, у нее теперь котят!

Ваня и Нина вытягивают физиономии и с недоумением глядят друг на друга, потом оба разом вскрикивают, прыгают с кроваток и, оглашая воздух пронзительным визгом, бегут босиком, в одних рубашонках в кухню.

– Кошка оценилась! – кричат они. – Кошка оценилась!

В кухне под скамьей стоит небольшой ящик, тот самый, в котором Степан таскает кокс, когда топит камин. Из ящика выглядывает кошка. Ее серая рожица выражает крайнее утомление, зеленые глаза с узкими черными зрачками глядят томно, сентиментально... По роже видно, что для полноты ее счастья не хватает только присутствия в ящике «его», отца ее детей, которому она так беззаветно отдалась! Хочет она промяукать, широко раскрывает рот, но из горла ее выходит одно только сипенье... Слышится писк котят.

Дети садятся на корточки перед ящиком и, не шевелясь, притаив дыхание, глядят на кошку... Они удивлены, поражены и не слышат, как ворчит погнавшаяся за ними нянька. В глазах обоих светится самая искренняя радость.

В воспитании и в жизни детей домашние животные играют едва заметную, но, несомненно, благотворную роль. Кто из нас не помнит сильных, но великодушных псов, дармоедок-болонок, птиц, умиравших в неволе, тупоумных, но надменных индюков, кротких старух-кошек, прощавших нам, когда мы ради забавы наступали им на хвосты и причиняли им мучительную боль? Мне даже иногда кажется, что терпение, верность, всепрощение и искренность, какие присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации сухого и бледного Карла Карловича или же туманные разглагольствования гувернантки, старающейся доказать ребятам, что вода состоит из кислорода и водорода.

– Какие маленькие! – говорит Нина, делая большие глаза и заливаясь веселым смехом. – Похожи на мышов!

– Раз, два, три... – считает Ваня. – Три котенка. Значит, мне одного, тебе одного и еще кому-нибудь одного.

– Муррррм... муррррм... – мурлычет роженица, польщенная вниманием. – Муррррм.

Наглядевшись на котят, дети берут их из-под кошки и начинают мять в руках, потом, не удовлетворившись этим, кладут их в подола рубах и бегут в комнаты.

– Мама, кошка оценилась! – кричат они.

Мать сидит в гостиной с каким-то незнакомым господином. Увидев детей неумытых, неодетых, с задранными вверх подолами, она конфузится и делает строгие глаза.

– Опустите рубахи, бесстыдники! – говорит она. – Подите отсюда, а то я вас накажу.

Но дети не замечают ни угроз матери, ни присутствия чужого человека. Они кладут котят на ковер и поднимают оглушительный визг. Около них ходит роженица и умоляюще мяукает. Когда, немного погодя, детей тащат в детскую, одевают их, ставят на молитву и поят чаем, они полны страстного желания поскорее отделаться от этих прозаических повинностей и опять бежать в кухню.

Обычные занятия и игры уходят на самый задний план.

Котята своим появлением на свет затемняют все и выступают как живая новость и злоба дня. Если бы Ване или Нине за каждого котенка предложили по пуду конфет или по тысяче гривенников, то они отвергли бы такую мену без малейшего колебания. До самого обеда, несмотря на горячие протесты няньки и кухарки, они сидят в кухне около ящика и возятся с котятами. Лица их серьезные, сосредоточен-

ны и выражают заботу. Их тревожит не только настоящее, но и будущее котят. Они порешили, что один котенок останется дома при старой кошке, чтобы утешать свою мать, другой поедет на дачу, третий будет жить в погребе, где очень много крыс.

– Но отчего они не глядят? – недоумевает Нина. – У них глаза слепые, как у нищих.

И Ваню беспокоит этот вопрос. Он берется открыть одному котенку глаза, долго пыхтит и сопит, но операция его остается безуспешной. Немало также беспокоит и то обстоятельство, что котята упорно отказываются от предлагаемых им мяса и молока. Все, что кладется перед их мордочками, съедается серой мамашей.

– Давай построим котяткам домики, – предлагает Ваня. – Они будут жить в разных домах, а кошка будет к ним в гости ходить.

В разных углах кухни ставятся картонки из-под шляп. В них поселяются котята. Но такой семейный раздел оказывается преждевременным: кошка, сохраняя на рожице умоляющее и сентиментальное выражение, обходит все картонки и сносит своих детей на прежнее место.

– Кошка ихняя мать, – замечает Ваня, – а кто отец?

– Да, кто отец? – повторяет Нина.

– Без отца им нельзя.

Ваня и Нина долго решают, кому быть отцом котят, и, в конце концов, выбор их падает на большую темно-красную лошадь с оторванным хвостом, которая валяется в кладовой под лестницей и вместе с другим игрушечным хламом доживает свой век. Ее тащат из кладовой и ставят около ящика.

– Смотри же! – грозят ей. – Стой тут и гляди, чтобы они вели себя прилично.

Все это говорится и проделывается серьезнейшим образом и с выражением заботы на лице. Кроме ящика с котятами, Ваня и Нина не хотят знать никакого другого мира. Радость их не имеет пределов. Но приходится переживать и тяжелые, мучительные минуты.

Перед самым обедом Ваня сидит в кабинете отца и мечтательно глядит на стол. Около лампы на гербовой бумаге ворочается котенок. Ваня следит за его движениями и тычет ему в мордочку то карандашом, то спичкой... Вдруг, точно из земли выросши, около стола появляется отец.

– Это что такое? – слышит Ваня сердитый голос.

– Это... это котенок, папа...

– Вот я тебе покажу котеночка! Погляди, что ты наделал, негодный мальчишка! Ты у меня всю бумагу испачкал!

К великому удивлению Вани, папа не разделяет его симпатий к котяткам, и, вместо того чтоб прийти в восхищение и обрадоваться, он дергает Ваню за ухо и кричит:

– Степан, убери эту гадость!

За обедом тоже скандал... Во время второго блюда обедающие вдруг слышат писк. Начинают доискиваться причины и находят у Нины под фаручком котенка.

– Нинка, вон из-за стола! – сердится отец. – Сию же минуту выбросить котят в помойку! Чтоб этой гадости не было в доме!..

Ваня и Нина в ужасе. Смерть в помойке, помимо своей жестокости, грозит еще отнять у кошки и деревянной лошади их детей, опустошить ящик, разрушить планы будущего, того прекрасного будущего, когда один кот будет утешать свою старуху-мать, другой – жить на даче, третий – ловить крыс в погребе... Дети начинают плакать и умолять пощадить котят. Отец соглашается, но с условием, чтобы дети не смели ходить в кухню и трогать котят.

После обеда Ваня и Нина слоняются по всем комнатам и томятся. Запрещение ходить в кухню повергло их в уныние. Они отказываются от сладостей, капризничают и грубят матери. Когда вечером приходит дядя Петруша, они отводят его в сторону и жалуются ему на отца, который хотел бросить котят в помойку.

– Дядя Петруша, – просят они дядю, – скажи маме, чтобы котят в детскую поставили. Ска-а-жи!

– Ну, ну... хорошо! – отмахивается от них дядя. – Ладно.

Дядя Петруша приходит обыкновенно не один. С ним является и Неро, большой черный пес датской породы, с отвислыми ушами и с хвостом, твердым, как палка. Этот пес молчалив, мрачен и полон чувства собственного достоинства. На детей он не обращает ни малейшего внимания и, шагая мимо них, стучит по ним своим хвостом, как по стульям. Дети ненавидят его всей душой, но на этот раз практические соображения берут у них верх над чувством.

– Знаешь что, Нина? – говорит Ваня, делая большие глаза. – Вместо лошади пусть Неро будет отцом! Лошадь дохлая, а ведь он живой.

Весь вечер они ждут того времени, когда папа усядется играть в винт и можно будет незаметно провести Неро в кухню... Вот, наконец, папа садится за карты, мама хлопочет за самоваром и не видит детей... Наступает счастливый момент.

– Пойдем! – шепчет Ваня сестре.

Но в это время входит Степан и со смехом объявляет:

– Барыня, Нера котят съела!

Нина и Ваня бледнеют и с ужасом глядят на Степана.

– Ей-богу-с... – смеется лакей. – Подошла к ящику и сожрала.

Детям кажется, что все люди, сколько их есть в доме, всполошатся и набросятся на злодея Неро. Но люди сидят покойно на своих местах и только удивляются аппетиту громадной собаки. Папа и мама смеются...

Неро ходит у стола, помахивает хвостом и самодовольно облизывается... Обеспокоена одна только кошка. Вытянув свой хвост, она ходит по комнатам, подозрительно поглядывает на людей и жалобно мяукает.

– Дети, уже десятый час! Пора спать! – кричит мама. Ваня и Нина ложатся спать, плачут и долго думают об обиженной кошке и жестоком, наглom, ненаказанном Неро.

Чехов А. П. Избранные произведения: В 3 т. – М, 1950. – Т. 1. – С. 211 – 215.

БЕГЛЕЦ

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шел с матерью под дождем то по скошенному полю, то по лесным тропинкам, где к его сапогам липли желтые листья, шел до тех пор, пока не рассвело. Потом он часа два стоял в темных сенях и ждал, когда отпрут дверь. В сенях было не так холодно и сыро, как на дворе, но при ветре и сюда залетали дождевые брызги. Когда сени мало-помалу битком набились народом, стиснутый Пашка припал лицом к чьему-то тулупу, от которого сильно пахло соленой рыбой, и вздремнул. Но вот шелкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка с матерью вошел в приемную. Тут опять пришлось долго ждать. Все больные сидели на скамьях, не шевелились и молчали. Пашка оглядывал их и тоже молчал, хотя видел много странного и смешного. Раз только, когда в приемную, подпрыгивая на одной ноге, вошел какой-то парень, Пашке самому захотелось также попрыгать; он ткнул мать под локоть и сказал:

– Мама, гляди: воробей!

– Молчи, детка, молчи! – сказала мать. В маленьком окошечке сказала заспанный фельдшер.

– Подходи записываться! – пробасил он. Все, в том числе и шиной подпрыгивающий парень, потянулись к окошечку. У каждого фельдшер спрашивал имя и отчество, лета, местожительство, давно ли болен и проч. Из ответов своей матери Пашка узнал, что зовут его не Пашкой, а Павлом Галактионовым, что ему семь лет, он неграмотен и болен с самой Пасхи. <...>

Настала очередь Пашки.

– Павел Галактионов! – крикнул доктор. Мать обомлела, точно не ждала этого вызова, и, взяв Пашку за руку, повела его в комнатку. Доктор сидел у стола и машинально стучал по толстой книге молоточком.

– Что болит? – спросил он, не глядя на вошедших.

– У парнишки болячка на локте, батюшка, – ответила мать, и лицо ее приняло такое выражение, как будто она в самом деле ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

– Раздень его!

Пашка, пыхтя, распутал на шее платок, потом вытер рукавом нос и стал не спеша стаскивать тулупчик.

– Баба, не в гости пришла! – сказал сердито доктор. – Что возишься? Ведь ты у меня не одна тут.

Пашка торопливо сбросил тулупчик на землю и с помощью матери снял рубаху... Доктор лениво поглядел на него и похлопал его по голому животу.

– Важное, брат Пашка, ты себе пузо отрастил, – сказал он и вздохнул. – Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на таз с кровяными помоями, поглядел на докторский фартук и заплакал.

– Ме-е! – передразнил доктор. – Женить пора баловника, а он ревет! Бессовестный.

Стараясь не плакать, Пашка поглядел на мать, и в этом его взгляде была написана просьба: «Ты же не рассказывай дома, что в больнице плакал!»

Доктор осмотрел его локоть, подавил, вздохнул, чмокнул губами, потом опять подавил. <...>

– Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

– Мы ему операцию сделаем. А ты, Пашка, оставайся, – сказал доктор, хлопая Пашку по плечу. – Пусть мать едет, а мы с тобой, брат, тут останемся. У меня, брат, хорошо, разлюли малина! Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдем ловить, я тебе лисицу покажу! В гости вместе поедем! А? Хочешь? Мать за тобой завтра придет! А?

Пашка вопросительно поглядел на мать.

– Оставайся, детка! – сказала та.

– Остается, остается! – весело закричал доктор. – И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поедем вместе на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверх!

Доктор, по-видимому, веселый и покладистый малый, рад был компании; Пашка захотел уважить его, тем более что отродясь не бывал на ярмарке и охотно бы поглядел на живую лисицу, но как обойтись без матери? Подумав немного, он решил попросить доктора оставить в больнице и мать, но не успел раскрыть рта, как фельдшерица уже вела его вверх по лестнице. Шел он и, разинув рот, глядел по сторонам. <.,> Но больше всего Пашке понравилась кровать, на которую его посадили, и серое шершавое одеяло. Он потрогал руками подушки и одеяло, оглядел палату и решил, что доктору живется очень недурно.

Палата была невелика и состояла только из трех кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидел какой-то старик с кислыми глазами... <.,>

Фельдшерица, усадив Пашку, вышла и немного погода вернулась, держа в охапке кучу одежды.

– Это тебе, – сказала она. – Одевайся.

Пашка разделся и не без удовольствия стал облачаться в новое платье. Надевши рубаху, штаны и серый халатик, он самодовольно оглядел себя и подумал, что в таком костюме недурно бы пройтись по деревне. Его воображение нарисовало, как мать посылает его на огород к реке нарвать для поросенка капустных листьев; он идет, а мальчишки и девчонки окружили его и с завистью глядят на его халатик.

В палату вошла сиделка, держа в руках две оловянных миски, ложки и два куса хлеба. Одну миску она поставила перед стариком, другую – перед Пашкой.

– Ешь! – сказала она.

Взглянув в миску, Пашка увидел жирные щи, а в щах кусок мяса, и опять подумал, что доктору живется очень недурно и что доктор вовсе не так сердит, каким показался сначала. Долго он ел щи, облизывая после каждого хлебца ложку, потом, когда кроме мяса в миске ничего не осталось, покосился на старика и позавидовал, что тот все еще хлебает. Со вздохом он принялся за мясо, стараясь есть его возможно дольше, но старания его ни к чему не привели: скорин исчезло и мясо. Остался только кусок хлеба. Невкусно есть один хлеб без приправы, но делать было нечего, Пашка подумал и съел хлеб. В это время вошла сиделка с новыми мисками. На этот раз в мисках было жаркое с картофелем.

– А где же хлеб-то? – спросила сиделка. Вместо ответа Пашка надул щеки и выдохнул воздух.

– Ну, зачем сожрал? – сказала укоризненно сиделка. – А с чем же ты жаркое есть будешь?

Она вышла и принесла новый кусок хлеба. Пашка отродясь не ел жареного мяса и, испробовав его теперь, нашел, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро, и после него остался кусок хлеба больше, чем после щей. Старик, пообедав, спрятал свой оставшийся хлеб в столик; Пашка хотел сделать то же самое, но подумал и съел свой кусок. Наевшись, он пошел прогуляться. <...>

Вернувшись к себе в палату, Пашка сел на кровать и стал дожидаться доктора, чтобы идти с ним ловить чижей или ехать на ярмарку. Но доктор не шел. В дверях соседней палаты мелькнул ненадолго фельдшер. Он нагнулся к тому больному, у которого на голове лежал мешок со льдом, и крикнул:

– Михайло!

Спавший Михайло не шевельнулся. Фельдшер махнул рукой и ушел. В ожидании доктора Пашка осматривал своего соседа-старика. Старик, не переставая, кашлял и плевал в кружку; кашель у него был протяжный, скрипучий. Пашке понравилась одна особенность стари-

ка: когда он, кашляя, вдыхал в себя воздух, то в его груди что-то свистело и пело на разные голоса.

– Дед, что это у тебя свистит? – спросил Пашка. Старик ничего не ответил. Пашка подождал немного и спросил:

– Дед, а где лисица?

– Какая лисица?

– Живая.

– Где ж ей быть? В лесу!

Прошло много времени, но доктор все еще не являлся. Сиделка принесла чай и побранила Пашку за то, что он не оставил себе хлеба к чаю; приходил еще раз фельдшер и принимался будить Михайлу; за окнами посинело, в палатах зажглись огни, а доктор не показывался. Было уже поздно ехать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и стал думать. Вспомнил он леденцы, обещанные доктором, лицо и голос матери, потемки в своей печке, ворчливую бабушку Егоровну... и ему стало вдруг скучно и грустно. Вспомнил он, что завтра мать придет за ним, улыбнулся и закрыл глаза.

Его разбудил шорох. В соседней палате кто-то шагал и говорил шепотом. При тусклом свете ночников и лампад возле кровати Михайлы двигались три фигуры.

– Понесем с кроватью аль так? – спросила одна из них.

– Так. Не пройдешь с кроватью. Эка, помер не вовремя, царство небесное!

Один взял Михайлу за плечи, другой – за ноги и приподнял: Михайлы и полы его халата слабо повисли в воздухе. Третий – был мужик, похожий на бабу, – закрестился, и все трое, беспорядочно стуча ногами и ступая на полы Михаила, пошли из палаты.

В груди спавшего старика раздавались свист и разноголосое пение. Пашка прислушался, взглянул на темные окна и в ужасе вскочил с кровати.

– Ма-а-ма! – простонал он басом.

И, не дожидаясь ответа, он бросился в соседнюю палату. Тут свет лампадки и ночника еле-еле прояснял потемки; больные, потревоженные смертью Михайлы, сидели на своих кроватях; мешаясь с тенями, включенные, они представлялись шире, выше ростом и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати в углу, где было темнее, сидел мужик и кивал головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату оспенных, откуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробежав через женское отделение, он опять очутился в коридоре, увидел перила знакомой лестницы и побежал вниз. Тут он узнал приемную, в которой сидел утром, и стал искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнул холодный ветер, и Пашка, спотыкаясь, выбежал на двор. У него была одна мысль – бежать и бежать! Дороги он не знал, но был уверен, что если побежит, то непременно очутится дома у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками светила луна. Пашка побежал от крыльца прямо вперед, обогнул сарай и наткнулся на пустые кусты; постояв немного и подумав, он бросился назад к больнице, обежал ее и опять остановился в нерешимости: за больничным корпусом белели могильные кресты.

– Ма-амка! – закричал он и бросился назад.

Пробегая мимо темных, суровых строений, он увидел одно освещенное окно.

Яркое красное пятно в потемках казалось страшным, но Пашка, обезумевший от страха, не знавший, куда бежать, повернул к нему. Рядом с окном было крыльцо со ступенями и парадная дверь с белой дощечкой; Пашка взбежал на ступени, взглянул в окно, и острая, захватывающая радость вдруг овладела им. В окно он увидел веселого, покладистого доктора, который сидел за столом и читал книгу. Смеясь от счастья, Пашка протянул к знакомому лицу руки, хотел крикнуть, но неведомая сила сжала его дыхание, ударила по ногам; он покачнулся и без чувств повалился на ступени.

Когда он пришел в себя, было уже светло, и очень знакомый голос, обещавший вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорил возле него: – Ну и дурак, Пашка! Разве не дурак? Бить бы тебя, да некому.

Чехов А.П. Избранные произведения: В 3 т. – М., 1950. – Т. 1. – С. 308 – 314.

Леонид Николаевич Андреев (1871 – 1919)

Л.Н. Андреев – русский писатель, публицист, драматург. Автор повестей и рассказов. Философское осмысление человеческого бытия в его творчестве окрашено пессимизмом. Андреев изображает человека и мир в их трагическом разобщении, причем трагизм заключается в обыденном течении жизни.

Несчастный, одинокий, страдающий, обреченный человек – главный герой его реалистических произведений «Город», «Жили-были», «Рассказ о семи повешенных». Драматизмом и психологической глубиной отмечены его рассказы о детях («Петька на даче», «Ангелочек», «Кусака», «Валя», «Цветы под ногою»). Дети, по мнению писателя, сохраняют здоровое природное начало, которое обречено на уничтожение и пошлыми условиями жизни, и миром взрослых.

ПЕТЬКА НА ДАЧЕ

Осип Абрамович, парикмахер, поправил на груди посетителя грязную простыньку, заткнул ее пальцами за ворот и крикнул отрывисто и резко:

– Мальчик, воды! <...>

Мальчик, на которого чаще всего кричали, назывался Петькой и был самым маленьким из всех служащих в заведении. Другой мальчик, Николка, насчитывал от роду тремя годами больше и скоро должен был перейти в подмастерья. <...>

Петьке было десять лет; он не курил, не пил водки и не ругался, хотя знал очень много скверных слов, и во всех этих отношениях завидовал товарищу. Когда не было посетителей, Петька и Николка беседовали. Последний всегда становился добрее, оставаясь вдвоем, и объяснял «мальчику», что значит стричь под польку, бобриком или с пробором.

Иногда они садились на окно, рядом с восковым бюстом женщины, у которой были розовые щеки, стеклянные удивленные глаза и редкие прямые ресницы, – и смотрели на бульвар, где жизнь начиналась с раннего утра. <...>

Николка знал по именам многих женщин и мужчин, рассказывал о них Петьке грязные истории и смеялся, скаля острые зубы. А Петька изумлялся тому, какой он умный и бесстрашный, и думал, что когда-нибудь и он будет такой же. Но пока ему хотелось бы куда-нибудь в другое место... Очень хотелось бы.

Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже один на другой, как два родные брата. <...> И утром, и вечером, и весь божий день над Петькой висел один и тот же отрывистый крик: «Мальчик, воды!», и он все подавал ее, все подавал. Праздников не было. По воскресеньям, когда улицу переставали освещать окна магазинов и лавок, парикмахерская до поздней ночи бросала на мостовую яркий сноп света, и прохожий видел маленькую, худую фигурку, сгорбившуюся в углу на своем стуле и погруженную не то в думы, не то в тяжелую дремоту. Петька спал много, но ему почему-то все хотелось спать, и часто казалось, что все вокруг него не правда, а длинный неприятный сон. Он часто разливал воду или не слышал резкого крика: «Мальчик, воды!», и все худел, а на стриженной голове у него пошли нехорошие струпья. Даже нетребовательные посетители с безразличностью смотрели на этого худенького, веснушчатого мальчика, у которого глаза всегда сонные, рот полуоткрытый и грязные-прегрязные руки и шея. Около глаз и под носом у него прорезались тоненькие морщинки, точно проведенные острой иглой, и делали его похожим на состарившегося карлика.

Петька не знал, скучно ему или весело, но ему хотелось в другое место, о котором он ничего не мог сказать, где оно и какое оно. Когда его навещала мать, кухарка Надежда, он лениво ел принесенные сласти, не жаловался и, только просил взять его отсюда. Но затем он забывал о своей просьбе, равнодушно прощался с матерью и не спрашивал, когда она придет опять. А Надежда с горем думала, что у нее один сын – и тот дурачок.

Много ли, мало ли жил Петька таким образом, он не знал. Но вот однажды в обед приехала мать, поговорила с Осипом Абрамовичем и сказала, что его, Петьку, отпускают на дачу, в Царицыно, где живут ее господа. Сперва Петька не понял, потом лицо его покрылось тонкими морщинками от тихого смеха, и он начал торопить Надежду.

Той нужно было, ради пристойности, поговорить с Осипом Абрамовичем о здоровье его жены, а Петька тихонько толкал ее к двери и дергал за руку. Он не знал, что такое дача, но полагал, что она есть то самое место, куда он так стремился. И он эгоистично позабыл о Николке, который, заложив руки в карманы, стоял тут же и старался с обычной дерзостью смотреть на Надежду. Но в глазах его вместо дерзости светилась глубокая тоска: у него совсем не было матери, и он в этот момент был бы не прочь даже и такой, как эта толстая Надежда. Дело в том, что и он никогда не был на даче.

Вокзал с его разноголосую сутолокою, грохотом приходящих поездов, свистками паровозов, то густыми и сердитыми, как голос Осипа Абрамовича, то визгливыми и тоненькими, как голос его больной жены, торопливыми пассажирами, которые все идут и идут, точно им и конца нету, – впервые предстал перед оторопелыми глазами Петьки и наполнил его чувством возбужденности и нетерпения. Вместе с матерью он боялся опоздать, хотя до отхода дачного поезда оставалось добрых полчаса; а когда они сели в вагон и поехали, Петька прилип к окну, и только стриженная голова его вертелась на тонкой шее, как на металлическом стержне.

Он родился и вырос в городе, в поле был первый раз в своей жизни, и все здесь для него было поразительно ново и странно: и то, что можно видеть так далеко, что лес кажется травкой, и небо, бывшее в этом новом мире удивительно ясным и широким, точно с крыши смотришь. Петька видел его со своей стороны, а когда оборачивался к матери, это же небо голубело в противоположном окне, и по нем плыли, как ангелочки, беленькие радостные облачка. Петька то вертелся у своего окна, то перебежал на другую сторону вагона, с доверчивостью кладя плохо отмытую ручонку на плечи и колени незнакомых пассажиров, отвечавших ему улыбками. Но какой-то господин, читавший газету и все время зевавший то ли от чрезмерной

усталости, то ли от скуки, раза два неприязненно покосился на мальчика. Надежда поспешила извиниться:

– Впервой по чугунке едет – интересуется... <...>! Когда поезд со звонким металлическим лязгом, внезапно усилившимся, взлетел на мост и точно повис в воздухе над зеркально гладью реки, Петька даже вздрогнул от испуга и неожиданности и отшатнулся от окна, но сейчас же вернулся к нему, боясь потерять малейшую подробность пути. Глаза Петькины давно уже перестали казаться сонными, и морщинки пропали. Как будто по этому лицу кто-нибудь провел горячим утюгом, разгладил морщинки и сделал его белым и блестящим.

В первые два дня Петькина пребывания на даче богатство и сила новых впечатлений, лившихся на него и сверху и снизу, смяли его маленькую и робкую душонку. В противоположность дикарям минувших веков, терявшимся при переходе из пустыни в город, этот современный дикарь, выхваченный из каменных объятий городских громад, чувствовал себя слабым и беспомощным перед лицом природы. Все здесь было для него живым, чувствующим и имеющим волю. Он боялся леса, который покойно шумел над его головой и был темный, задумчивый и такой страшный в своей бесконечности; полянки, светлые, зеленые, веселые, точно поющие всеми своими яркими цветами, он любил и хотел бы приласкать их, как сестер, а темно-синее небо звало его к себе и смеялось, как мать. Петька волновался, вздрагивал и бледнел, улыбался чему-то и степенно, как старик, гулял по опушке и лесистому берегу пруда. Тут он, утомленный, задыхающийся, разваливался на густой сыроватой траве и утопал в ней; только его маленький веснушчатый носик поднимался над зеленой поверхностью. В первые дни он часто возвращался к матери, терся возле нее, и когда барин спрашивал его, хорошо ли на даче, – конфузливо улыбался и отвечал:

– Хорошо!..

И потом снова шел к грозному лесу и тихой воде и будто допрашивал их о чем-то.

Но прошло еще два дня, и Петька вступил в полное соглашение с природой. Это произошло при содействии гимназиста Мити из «Старого Царицына». У гимназиста Мити лицо было смутло-желтым, как вагон второго класса, волосы на макушке стояли торчком и были совсем белые – так выжгло их солнце. Он ловил в пруде рыбу, когда Петька увидал его, бесцеремонно вступил с ним в беседу и удивительно скоро сошелся. Он дал Петьке подержать одну удочку и потом повел его куда-то далеко купаться. Петька очень боялся идти в воду, но когда вошел, то не хотел вылезать из нее и делал вид, что плавает: поднимал нос и брови кверху, захлебывался и бил по воде руками, поднимая брызги. В эти минуты он был очень похож на щенка, впер-

вые попавшего в воду. Когда Петька оделся, то был синий от холода, как мертвец, и, разговаривая, ляскал зубами. По предложению того же Мити, неистощимого на выдумки, они исследовали развалины дворца; лазали на заросшую деревьями крышу и бродили среди разрушенных стен громадного здания. Там было очень хорошо: всюду навалены груды камней, на которые с трудом можно взобраться, и промеж них растет молодая рябина и березки, тишина стоит мертвая, и чудится, что вот-вот выскочит кто-нибудь из-за угла или в растрескавшейся амбразуре окна покажется страшная-престрашная рожа. Постепенно Петька почувствовал себя на даче как дома и совсем забыл, что на свете существует Осип Абрамович и парикмахерская.

– Смотри-ка, растолстел как! Чистый купец! – радовалась Надежда, сама толстая и красная от кухонного жара, как медный самовар. Она приписывала это тому, что много его кормит. Но Петька ел совсем мало, не потому, чтобы ему не хотелось есть, а некогда было возиться: если бы можно было не жевать, глотать сразу, а то нужно жевать, а в промежутки болтать ногами, так как Надежда ест дьявольски медленно, обглаживает кости, утирается передником и разговаривает о пустяках. А у него дела было по горло: нужно пять раз выкупаться, вырезать в орешнике удочку, накопать червей, – на все это требуется время: Теперь Петька бегал босой, и это в тысячу раз приятнее, чем в сапогах с толстыми подошвами: шершавая земля так ласково то жжет, то холодит ногу. Свою подержанную гимназическую куртку, в которой он казался солидным мастером парикмахерского цеха, он также снял и изумительно помолодел. Надевал он ее только вечерами, когда ходил на плотину смотреть, как катаются на лодках господ: нарядные, веселые, они со смехом садятся в качающуюся лодку, и та медленно рассекает зеркальную воду, а отраженные деревья колеблются, точно по ним пробежал ветерок.

В исходе недели барин привез из города письмо, адресованное «кухарке Надежде», и когда прочел его адресату, адресат заплакал и размазал по всему лицу сажу, которая была на переднике. По отрывочным словам, сопровождавшим эту операцию, можно было понять, что речь идет о Петьке. Это было уже ввечеру. Петька на заднем дворе играл сам с собою в «классики» и надувал щеки, потому что так прыгать было значительно легче. Гимназист Митя научил этому глупому, но интересному занятию, и теперь Петька, как истый спортсмен, совершенствовался в одиночку. Вышел барин и, положив руку на плечо мальчика, сказал:

– Что, брат, ехать надо!

Петька конфузливо улыбался и молчал.

«Вот чудак-то!» – подумал барин.

– Ехать, братец, надо.

Петька улыбался. Подошла Надежда и со слезами подтвердила:

– Надобно ехать, сынок!

– Куда? – удивился Петька.

Про город он забыл, а другое место, куда ему всегда хотелось уйти, – уже найдено.

– К хозяину Осипу Абрамовичу.

Петька продолжал не понимать, хотя дело было ясно, как божий день. Но во рту у него пересохло и язык двигался с трудом, когда он спросил:

– А как же завтра рыбу ловить? Удочка – вот она...

– Что же поделаешь!.. Требуется. Прокопий, говорит, заболел, в больницу свезли. Народу, говорит, нету. Ты не плачь: гляди, опять отпустит, – он добрый, Осип Абрамович.

Но Петька и не думал плакать и все не понимал. С одной стороны был факт – удочка, с другой призрак – Осип Абрамович. Но постепенно мысли Петькины стали проясняться, и произошло странное перемещение: фактом стал Осип Абрамович, а удочка, еще не успевшая высохнуть, превратилась в призрак. И тогда Петька удивил мать, расстроил барыню и барина и удивился бы сам, если бы был способен к самоанализу: он не просто заплакал, как плачут городские дети, худые и истощенные, – он закричал громче самого горластого мужика и начал кататься по земле, как те пьяные женщины на бульваре. Худая ручонка его сжималась в кулак и била по руке матери, по земле, по чем попало, чувствуя боль от острых камешков и песчинок, но как будто стараясь еще усилить ее.

Своевременно Петька успокоился ...<...>

На другой день, с семичасовым утренним поездом, Петька уже ехал в Москву. Опять перед ним мелькали зеленые поля, серые от ночной росы, но только убежали не в ту сторону, что раньше, а в противоположную. Поддержанная гимназическая курточка облекала его худенькое тело, из-за ворота ее выставлялся кончик белого бумажного воротничка. Петька не вертелся и почти не смотрел в окно, а сидел такой тихонький и скромный, и ручонки его были благонаравно сложены на коленях. Глаза были сонливы и апатичны, тонкие морщинки, как у старого человека, ютились около глаз и под носом. Вот замелькали у окна столбы и стропила платформы, и поезд остановился.

Толкаясь среди торопившихся пассажиров, они вышли на грохочущую улицу, и большой жадный город равнодушно поглотил свою маленькую жертву.

– Ты удочку спрячь! – сказал Петька, когда мать довела его до порога парикмахерской.

– Спрячу, сынок, спрячу! Может, еще приедешь.

И снова в грязной и душевной парикмахерской звучало отрывистое: «Мальчик, воды!», и посетитель видел, как к подзеркальнику протягивалась маленькая грязная рука, и слышал неопределенно угрожающий шепот: «Вот, погоди!» Это значило, что сонливый мальчик разлил воду или перепутал приказание. А по ночам, в том месте, где спали рядом Николка и Петька, звенел и волновался тихий голосок и рассказывал о даче, и говорил о том, чего не бывает, чего никто не видел никогда и не слышал. <...>

Андреев Л. Повести и рассказы. – М., 1957. – С. 34 – 43.

Алексей Николаевич Толстой (1883 – 1945)

А.Н. Толстой – русский писатель-реалист, автор романов, повестей, эссе, публицистических статей и очерков; внес большой вклад в развитие детской литературы. Им написаны статьи о детской литературе, книги для детей, в частности «Приключения Буратино» (1936), рассказы для детей и знаменитая, во многом автобиографическая повесть «Детство Никиты» (1919 – 1920).

ДЕТСТВО НИКИТЫ

Аркадий Иванович

...В большой пустой и белой комнате, где на стене висела карта двух полушарий, Никита сел за стол, весь в чернильных пятнах и нарисованных рожицах. Аркадий Иванович раскрыл задачник.

– Ну-с, – сказал он бодро, – на чем остановились? – И отточенным карандашиком подчеркнул номер задачи.

«Купец продал несколько аршин синего сукна по 3 рубля 64 копейки за аршин и черного сукна...» – прочел Никита. И сейчас же, как и всегда, представился ему этот купец из задачника. Он был в длинном пыльном сюртуке, с желтым унылым лицом, весь скучный и плоский, высохший. Лавочка его была темная, как щель; на пыльной плоской полке лежали два куска сукна; купец протягивал к ним тощие руки, снимал куски с полки и глядел тусклыми, неживыми глазами на Никиту.

– Ну, что же ты думаешь, Никита? – спросил Аркадий Иванович. – Всего купец продал восемнадцать аршин. Сколько было продано синего сукна и сколько черного?

Никита сморщился, купец совсем расплющился, оба куска сукна вошли в стену, завернулись пылью...

Аркадий Иванович сказал: «Аи, аи!» – и начал объяснять, быстро писал карандашом цифры, помножал их и делил, повторяя: «Одна в уме,

две в уме». Никите казалось, что во время умножения – «одна в уме» или «две в уме» быстро прыгали с бумаги в голову и там щекотали, чтобы их не забыли. Это было очень неприятно. А солнце искрилось в двух морозных окошках классной, выманивало: «Пойдем на речку».

Наконец с арифметикой было покончено, начался диктант. Аркадий Иванович заходил вдоль стены и особым, сонным голосом, каким никогда не говорят люди, начал диктовать:

«...Все животные, какие есть на земле, постоянно трудятся, работают. Ученик был послушен и прилежен...»

Высунув кончик языка, Никита писал, перо скрипело и брызгало. <...>

Чем окончился скучный вечер

Вечером Никита рассматривал картинки в «Ниве» и читал объяснения к картинкам. Интересного было мало.

Вот нарисовано: стоит женщина на крыльце с голыми до локтя руками; в волосах у нее – цветы, на плече и у ног – голуби. Через забор скалит зубы какой-то человек с ружьем за плечами.

Самое скучное в этой картинке то, что никак нельзя понять – для чего она нарисована. В объяснении сказано:

«Кто из вас не видал домашних голубей, этих истинных друзей человека? (Далее про голубей Никита пропустил.) Кто поутру не любил бросать зернышки этим птицам? Талантливый немецкий художник, Ганс Вурст, изобразил один из таких моментов. Молодая Эльза, дочь пастора, вышла на крыльцо. Голуби увидели свою любимицу и радостно летят к ее ногам. Посмотрите – один сел на ее плечо, другие клюют из ее руки. Молодой сосед, охотник, любит украдкой на эту картину».

Никите представилось, что эта Эльза покормит, покормит голубей и делать ей больше нечего – скука. Отец ее, пастор, тоже где-нибудь в комнате – сидит на стуле и зевает от скуки. А молодой сосед оскалится, точно у него живот болит, да так и пойдет, оскалясь, по дорожке, и ружье у него не стреляет, конечно. Небо на картинке серое и свет солнца – серый.

Никита помуслил карандаш и нарисовал дочери пастора усы.

Следующая картинка изображала вид города Бузулука: верстовой столб и сломанное колесо у дороги, а вдалеке – дощатые домики, церковка и косой дождь из тучи.

Никита зевнул, закрыл «Ниву» и, подпершись, стал слушать.

Наверху, на чердаке, посвистывало, подвывало протяжно. Вот зазянуло басом – «уууууууууу», – тянет, хмурится, надув губы. Потом завитком перешло на тонкий, жалобный голос и засвистело в одну ноздрю, мучится до того уж тонко, как ниточка. И снова спустилось в бас и надуло губы. <...>

Матушка склонила голову над книгой. Волосы у нее пепельные, тонкие и вьются на виске, где родинка, как просяное зерно. Время от времени матушка разрезывает листы вязальной спицей. Книжка – в кирпичной обложке. Таких книжек у отца в кабинете полон шкаф, все они называются «Вестник Европы». Удивительно, почему взрослые любят все скучное, читать такую книжку точно кирпич тереть. <...>

Истопник за стеной застучал железной дверцей, и слышно было, как мешал печь. В комнате пахло теплой штукатуркой, вымытыми полами. Было скучновато, но уютно. А тот, на чердаке, старался, насвистывал: «юу-юу-юу-юу-юу».

– Мама, кто это свистит? – спросил Никита. Матушка подняла брови, не отрываясь от книги. Аркадий же Иванович, линовавший тетрадку, немедленно, точно того только и ждал, проговорил скороговоркой:

– Когда мы говорим про неодушевленное, то нужно употреблять местоимение «что».

«Бууууууууу», – гудело на чердаке. <...>

Тогда Никите представилось, как на холодном темном чердаке наросло снегу в слуховое оконце. Между огромных потолочных балок, засиженных голубями, валяются старые, продранные, с оголенными пружинами стулья, кресла и обломки диванов. На одном таком креслице, у печной трубы, сидит «Ветер»: мохнатый, весь в пыли, в паутине. Сидит смиренно и, подперев щеки, воет: «Скуууучно». Ночь долгая, на чердаке холодно, а он сидит один-одинешенек и воет. <...>

Виктор и Лиля

Никита и Виктор Бабкин проснулись рано утром в Никитиной комнате и, сидя в постелях, насупясь глядели друг на друга.

– Я тебя помню, – сказал Никита.

– И я тебя отлично помню, – сейчас же ответил Виктор, – ты у нас в Самаре был один раз, ты еще тогда уткой с яблоками объелся, тебе касторки дали.

– Ну, этого что-то не помню.

– А я помню.

Мальчики помолчали. Виктор нарочно зевнул. Никита сказал пренебрежительно:

– У меня учитель, Аркадий Иванович, страшно строгий, задушил ученьем. Он какую угодно книжку может прочесть в полчаса.

Виктор усмехнулся.

– Я учусь в гимназии, во втором классе. Вот у нас так строго: меня постоянно без обеда оставляют.

– Ну, это что, – сказал Никита.

– Нет, это тебе ничто. Хотя я могу тысячу дней ничего не есть.

– Эх, – сказал Никита. – Ты пробовал?

– Нет, еще не пробовал. Мама не позволяет.

Никита зевнул, потянулся:

– А я, знаешь, третьего дня Степку Карнаушкина победил.

– Это кто, Степка Карнаушкин?

– Первый силач. Я ему как дал, он – брык. Я ему ножик перочинный подарил с четырьмя лезвиями, а он мне – свинчатку, – я тебе потом покажу.

Никита вылез из постели и не спеша начал одеваться.

– А я одной рукой Макарова словарь поднимаю, – дрожащим от досады голосом проговорил Виктор, но было ясно, что он уже сдается. Никита подошел к изразцовой печи с лежанкой, не касаясь руками, вспрыгнул на лежанку, поджал ногу и спрыгнул на одной ноге на пол.

– Если быстро-быстро перебирать ногами, – можно летать, – сказал он, внимательно поглядев в глаза Виктору.

– Ну, это пустяки. У нас в классе многие летают.

Мальчики оделись и пошли в столовую... <...> У стола сидела ма-тушка, Аркадий Иванович и вчерашняя девочка, лет девяти, сестра Виктора, Лиля. <...> Лиля была одета в белое платье с голубой шелковой лентой, завязанной сзади в большой бант. В ее светлых и вьющихся волосах был второй бант, тоже голубой, в виде бабочки.

Никита, подойдя к ней, покраснел и шаркнул ногой. Лиля поверну-лась на стуле, протянула руку и сказала очень серьезно:

– Здравствуйте, мальчик.

Когда она говорила это, верхняя губа ее поднялась.

Никите показалось, что это не настоящая девочка, до того хорошень-кая, в особенности глаза – синие и ярче ленты, а длинные ресницы – как шелковые. Лиля поздоровалась и, не обращая больше на Никиту внимания, взяла обеими руками большую чайную чашку и опустила туда лицо. Мальчики сели к столу рядом. Виктор, оказывается, пил чай, как маленький, согнувшись над чашкой, – тянулся в нее длин-ными губами. Украдкой он подкладывал себе сахар до тех пор, пока в чашке стало густо, тогда томным голосом он попросил разбавить чай водичкой. Толкнув Никиту коленкой, он сказал шепотом:

– Тебе нравится моя сестра?

Никита не ответил и залился румянцем.

– Ты с ней осторожнее, – прошептал Виктор, – девчонка постоянно матери жалуется.

Лиля в это время окончила пить чай, вытерла рот салфеточкой, не спеша слезла со стула и, подойдя к Александре Леонтьевне, прого-ворила вежливо и аккуратно:

– Благодарю вас, тетя Саша.

Потом пошла к окну, влезла с ногами в огромное коричневое кресло и, вытащив откуда-то из кармана коробочку с иголками и нитками, принялась шить. Никита видел теперь только большой бант ее в виде бабочки, два висящих локона и между ними двигающийся кончик чуть-чуть высунутого языка, – им Лиля помогает себе шить. У Никиты были растеряны все мысли. Он начал было показывать Виктору, как можно перепрыгнуть через спинку стула, но Лиля не повернула головы, а матушка сказала:

– Дети, идите шуметь на двор...

– Что же мы будем делать? – спросил Виктор.

Никита глядел на косматую недовольную ворону, летевшую от гумна на скотный двор. Ему не хотелось играть, и было непонятно, почему грустно. Он предложил было пойти в гостиную на диван почитать что-нибудь, но Виктор сказал:

– Эх ты, я вижу, тебе с девчонками только играть.

– Почему? – спросил Никита, краснея.

– Да уж потому, сам знаешь, почему.

– Вот тоже пристал. Ничего я не знаю. Пойдём к колодцу.

Мальчики пошли к колодцу, куда из открытых ворот выходили на водопой коровы. Вдалеке Мишка Коряшонок хлопал, как из ружья, огромным пастушьим кнутом и вдруг закричал:

– Баян, Баян, берегись, Никита!

Никита оглянулся. Отделившись от стада, к мальчикам шел Баян, розово-серый длинный бык с широким кудрявым лбом и короткими рогами.

«Му-у», – отрывисто замычал Баян и ударил хвостом себя по боку.

– Виктор, беги! – крикнул Никита и, схватив его за руку, побежал к дому.

Бык рысью тронулся за мальчиками. «Му-уу!» Виктор оглянулся, закричал, упал в снег и закрыл голову руками. Баян был шагах в пяти. Тогда Никита остановился, стало вдруг горячо от злости, сорвал шапку, подбежал к быку и шапкой стал бить его по морде:

– Пошел, пошел!

Бык стал, опустил рога. Сбоку подбегал Мишка Коряшонок, щелкая кнутом. Тогда Баян замычал жалобно, повернулся и пошел назад к колодцу. У Никиты от волнения дрожали губы. Он надел шапку и обернулся. Виктор был уже около дома и оттуда махал ему рукой. Никита невольно поглядел на окно, – третье слева от крыльца. В окне он увидел два синих удивленных глаза и над ними стоящий бабочкой голубой бант. Лиля, взобравшись на подоконник, глядела на Никиту и вдруг улыбнулась. Никита сейчас же отвернулся. Он больше не оглядывался на окошко. Ему стало весело, он крикнул:

– Виктор, идем с гор кататься, скорее!

Все время до обеда, катаясь с гор, хохоча и «бесясь», Никита краешком мысли думал:

«Когда буду возвращаться домой и пройду мимо окна, оглянуться на окно или не оглаживаться? Нет, пройду, не оглянусь».

Елочная коробочка

За обедом Никита старался не глядеть на Лилю, хотя если бы и старался, все равно из этого ничего бы не вышло, потому что между ним и девочкой сидела Анна Аполлосовна в красной бархатной душегрейке и, размахивая руками, разговаривала таким громким и густым голосом, что звенели стекляшки под лампой. <...>

Лиля, слушая, работала тихо и молча, только помогала себе языком в трудные минуты. Никита оставил фунтики и глядел на нее. Матушка в это время вышла. Виктор развешивал аршин десять разноцветных цепей на стульях.

– Что вы клеите? – спросил Никита.

Лиля, не поднимая головы, улыбнулась, вырезала из золотой бумаги звездочку и наклеила ее на синюю крышечку.

– Вам для чего эта коробочка? – вполголоса спросил Никита.

– Это коробочка для кукольных перчаток, – ответила Лиля серьезно, – вы мальчик, вы этого не поймете. – Она подняла голову и поглядела на Никиту синими строгими глазами.

Он начал краснеть все гуще и жарче и, наконец, побагровел.

– Какой вы красный, – сказала Лиля, – как свекла.

И она опять склонилась над коробочкой. Лицо ее стало лукавым. Никита сидел, точно прилип к стулу. Он не знал, что теперь сказать, и он бы не мог ни за что уйти из комнаты. Девочка смеялась над ним, но он не обиделся и не рассердился, а только смотрел на нее. Вдруг Лиля, не поднимая глаз, спросила его другим голосом, так, точно теперь между ними была какая-то тайна и они об ней говорили:

– Вам нравится эта коробочка?

Никита ответил:

– Да. Нравится.

– Мне она тоже очень нравится, – проговорила она и покачала головой, отчего закачались у нее и бант, и локоны. Она хотела еще что-то прибавить, но в это время подошел Виктор и, просунув голову между Лилей и Никитой, проговорил скороговоркой:

– Какая коробочка, где коробочка?.. Ну, ерунда, обыкновенная коробочка. Я таких сколько угодно наделаю.

– Виктор, я, честное слово, пожалуюсь маме, что ты мне мешаешь клеить, – проговорила Лиля дрожащим голосом. Взяла клей и бумагу и перенесла на другой конец стола.

Виктор подмигнул Никите.

– Я тебе говорил, с ней надо поосторожнее: ябеда. Поздно вечером Никита, лежа в темной комнате в постели, закрывшись с головой, спросил из-под одеяла глухим голосом;

– Виктор, ты спишь?

– Нет еще... Не знаю... А что?

– Слушай, Виктор... Я должен тебе сказать страшную тайну... Виктор... Да ты не спи... Виктор, слушай...

– Угум – фюю, – ответил Виктор. <...>

Портрет девочки. (Детская головка). 1880-е гг. К.Е. Маковский

Последний вечер

...Дети ушли. В теплой и полутемной прихожей, где мальчикам нужно было поворачивать направо, Никита остановился перед Лилей и, покусывая губы, сказал:

– Вы летом к нам приедете?

– Это зависит от моей мамы, – тоненьким голосом ответила Лиля, не поднимая глаз.

– Будете мне писать?

- Да, я вам буду писать письма, Никита.
- Ну, прощайте.
- Прощайте, Никита.

Лиля кивнула бантом, подала руку, кончики пальцев, и пошла к себе, не оборачиваясь; пряменькая, аккуратная. Ничего нельзя было понять, глядя ей вслед. «Очень, очень сдержанный характер», – как говорила про нее Анна Аполлосовна.

Покуда Виктор ворчал, укладывая в корзинку книжки и игрушки, отклеивал и прятал в коробочку какие-то картиночки, лазил под стол, разыскивая перочинный ножик, Никита не сказал ни слова; быстро разделся, закрылся с головой одеялом и притворился, что засыпает.

Ему казалось, что всему на свете – конец. В опускающейся на глаза дремоте в последний раз появился, как тень на стене, огромный бант, которого он теперь не забудет во всю жизнь. Сквозь сон он слышал какие-то голоса, кто-то подходил к его постели, затем голоса отделились. Он увидел теплые лапчатые листья, большие деревья, красноватую дорожку сквозь густую, легко расступающуюся перед ним заросль. Было удивительно сладко в этом красноватом от света, странном лесу, и хотелось плакать от чего-то небывало грустного. Вдруг голова краснокожего дикаря в золотых очках высунулась из лопухов: «А, ты все еще спишь», – крикнула она громовым голосом.

Никита раскрыл глаза. На лицо его падал горячий утренний свет. Перед кроватью стоял Аркадий Иванович и похлопывал себя по кончику носа карандашом. – Вставай, вставай, разбойник.

Разлука

... Матушка сильно загрустила над письмом и вечером, показывая его Аркадию Ивановичу, говорила:

– Бог с ним, с этим наследством, если из-за него столько неприятностей; всю зиму живем в разлуке. Вот мне даже кажется, что Никита уже начал забывать отца. <...>

– Да, разлука, разлука, – проговорил Аркадий Иванович и задумался, должно быть, о своей собственной разлуке, – его рука потянулась в карман за письмом.

Никита в это время рисовал географическую карту Южной Америки, – сегодня с матушкой было долгое объяснение, она волновалась и доказывала ему, что за праздники он обленился и опустился, готовит из себя, очевидно, волостного писаря или телеграфиста на станции Безенчук. «Вечером, вместо глупых картинок, – сказала она, – будешь у меня рисовать Южную Америку».

Никита рисовал Америку и думал, – неужели он забыл отца? Нет. На месте реки Амазонки, там, где скрестились долгота и широта, он

видел краснощекое, с блестящими глазами и блестящими зубами веселое лицо отца – темная борода на две стороны, громкий, похотывающий голос. Можно было часами глядеть ему в рот, помирая со смеха, когда он рассказывает. <...>

Рисуя реку Амазонку с притоками, Никита с любовью и нежным весельем думал об отце. Совесть его была спокойна, – матушка напрасно сказала, что он его забыл. <...>

Никита посмотрел на Аркадия Ивановича, который притворялся, что читает, на самом деле глаза его были закрыты, хотя он не спал. Никите стало жалко Аркадия Ивановича, бедняк, все думает о своей невесте, Вассе Ниловне, городской учительнице. Вот она разлука-то.

Никита подпер щеку кулаком и стал думать теперь о своей разлуке. На этом месте у стола сидела Лиля, и сейчас ее нет. Какая грусть, – была, и нет. А вот – пятно на столе, где она пролила гуммиарабик. А на этой стене была когда-то тень от ее банта. «Пролетели счастливые дни». У Никиты зашипало в горле от этих необыкновенно грустных, сейчас им выдуманных строк. Чтобы не забыть их, он записал внизу под Америкой: «Пролетели счастливые дни» и, продолжая рисовать, повел реку Амазонку совсем уже не в ту сторону, – через Парагвай и Уругвай к Огненной Земле.

– Александра Леонтьевна, я думаю, вы правы: этот мальчик готовит себя в телеграфисты на станцию Безенчук, – спокойным голосом, от которого полезли мурашки, проговорил Аркадий Иванович, уже давно смотревший, что выделывает с картой Никита.

Будни

...Аркадий Иванович за эти дни приналег на занятия и сделал, – как он любил выражаться, – скачок: начал проходить алгебру – предмет в высшей степени сухой.

Уча арифметику, по крайней мере, можно было думать с разных бесполезных, но забавных вещах: о заржавленных, с дохлыми мышами бассейнах, в которые втекают три трубы, о каком-то, в клеенчатом сюртуке, с длинным носом, вечном «некто», смешавшем три сорта кофе или купившем столько-то золотников меди, или все о том же несчастном купце с двумя кусками сукна. Но в алгебре не за что было зацепиться, в ней ничего не было живого, только переплет ее пахнул столярным клеем, да когда Аркадий Иванович объяснял ее правила, наклоняясь над стулом Никиты, в чернильнице отражалось его лицо, круглое, как кувшин. <...>

Никита шел к отцу в кабинет, залезал на кожаный диван, поближе к печке, и раскрывал волшебную книгу Фенимора Купера.

В теплом кабинете было так тихо, что в ушах начинался едва слышимый звон. Какие необыкновенные истории можно было выдумывать в одиночестве, на диване, под этот звон. Сквозь замерзшие стекла лился белый свет. Никита читал Купера; потом, насупившись, подолгу, без начала и конца, представлял себе зеленые, шумящие под ветром травяными волнами, широкие прерии; пегих мустангов, ржущих на всем скаку, обернув веселую морду; темные ущелья Кордильеров; седой водопад, и над ним – предводителя гуронов – индейца, убранного перьями, с длинным ружьем, неподвижно стоящего на вершине скалы, похожей на сахарную голову. В лесной чащобе, в корнях гигантского дерева, на камне сидит он сам – Никита, подперев кулаком щеку. У ног дымится костер. В чащобе этой так тихо, что слышно, как позванивает в ушах. Никита здесь – в поисках Лили, похищенной коварно. Он совершил много подвигов, много раз увозил Лиллю на бешеном мустанге, карабкался по ущельям, ловким выстрелом сбивал с сахарной головы предводителя гуранов, и тот каждый раз снова стоял на том же месте; Никита похищал и спасал и никак не мог окончить спасать и похищать Лиллю. <...>

Толстой А.Н. Полн. собр. Соч. – М., 1948. – Т.4. – С. 9 – 10; 23 – 32; 40 – 51; 54 – 56; 65 – 70; 72 – 73.

Константин Георгиевич Паустовский (1892 – 1968)

Известный русский писатель, чье творчество, по признанию самого писателя, было посвящено жизни и деятельности таких замечательных людей, как Левитан, Кипренский, Тарас Шевченко, Горький, Чайковский, Чехов, Блок, Виктор Гюго, Пушкин, Мопассан, Григ, Пришвин и многие другие выдающиеся личности. В годы Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом. Интересен его автобиографический цикл, куда вошли повесть «Далекие годы», посвященная гимназическим годам писателя, и книга «Золотая роза».

Золотая роза

...В старое время, когда люди переезжали с квартиры на квартиру, для переноски вещей нанимали иногда арестантов из местной тюрьмы.

Мы, дети, всегда ждали появления этих арестантов со жгучим любопытством и жалостью.

Арестантов приводили усатые надзиратели с огромными револьверами «бульдогами» на поясах. Мы во все глаза смотрели на людей в серой арестантской одежде, серых круглых шапочках. Но почему-то

с особенным уважением разглядывали мы тех арестантов, у которых были подвязаны ремешком к поясу звенящие тонкие кандалы.

Все это было очень таинственно. Но самым удивительным представлялось то обстоятельство, что почти все арестанты оказывались обыкновенными усталыми людьми до того добродушными, что никак нельзя было поверить, что они злодеи и преступники. Наоборот, они были не то что вежливы, а просто деликатны, и больше всего боялись кого-нибудь ушибить при переноске громоздкой мебели или что-нибудь поломать.

У нас, детей, по соглашению со взрослыми, был выработан хитрый план. Мама уводила надзирателей на кухню пить чай, а мы в это время торопливо засовывали в карманы арестантам хлеб, колбасу, сахар, табак, а иногда и деньги, нам давали родители.

Мы воображали, что это рискованное дело, и были, в восторге, когда арестанты благодарили нас шепотом, подмигивая в сторону кухни, и перепрятывали наши гостинцы подальше, во внутренние потайные карманы.

Иногда арестанты незаметно давали нам письма. Мы наклеивали на них марки и потом шли всей гурьбой бросать в почтовый ящик. Перед тем как бросить письмо в ящик, мы оглядывались: нет ли поблизости пристава или городского? Как будто они могли догадаться, какое письмо мы отправляем.

Паустовский К.Г. Блстающие облака; Золотая роза. – СПб.: Каравелла, 1995. – С.226 – 227.

Маленькие шарманщики у забора зимой. 1869 г. К.Е. Маковский

Сергей Митрофанович Городецкий
(1884 – 1967)

Известный русский поэт, в чьем творчестве проявилась многогранность литературного таланта, нашли отражение разные периоды истории России, воплотились лучшие традиции русского фольклора. В огромной папке произведений поэта свое место заняла тема детства.

Городские дети

Городские дети, чахлые цветы,
Я люблю вас сладким домыслом мечты.
Если б этот лобик распрямил виски!
Если б в этих глазках не было тоски!
Если б эти тельца не были худы,
Сколько б в них кипело радостной вражды!
Если б эти ноги не были кривы!
Если б этим детям под ноги травы!
Городские дети, чахлые цветы!
Все же в вас таится семя красоты.
В грохоте железа, в глухоте камней
Вы одна надежда, вы всего ясней.

1907

Городецкий С.М. Стихи. – М., 1966. – С. 39 – 40.

РАЗДЕЛ II

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

В раздел включены разнообразны виды источников. Они воспроизводят, в определенной степени, обучение и воспитание детей, выходцев из различных сословий и социальных групп города. Прежде всего, это законодательные акты Российской Империи: «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции». (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том ХLI. 1866г. – № 2316. – Июня 12.); «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». (Издание 1885. Раздел VIII. О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния. Глава 6. О нарушении постановлений о воспитании юношества).

Детям-учащимся, гимназистам посвящены материалы из Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), фотодокументы Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе (СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.Н. Пправе). Часть использованных источников вводится впервые в научный оборот. Большой интерес представляют: материалы фондов Ставропольской городской управы (Ф.96), Ставропольского приказа общественного призрения (Ф.240), Попечительского совета Ставропольской гимназии Св. Александры (Ф.788), Ставропольской мужской классической гимназии (Ф. 73), Екатеринодарской городской управы (Ф. 498); Устав общества для вспомоществования беднейшим ученикам Пятигорского городского трехклассного училища (1890 г.), Отчет Общества вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской третьей женской гимназии (городской) за 1905 – 1908 годы, Устав Кубанского общества народных университетов, Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей.

В раздел вошли фрагменты источников личного происхождения: Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. (М., 1912.); Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. (М.: Новое литературное обозрение, 1999.);

М.Ф. Фроленко. Воспоминания о детстве и учебе в гимназии.

Различные аспекты обучения и воспитания, деятельность учебных заведений, отношение общества к данным проблемам представлены материалами газет «Неделя» (1869, 1873, 1874, 1878, 1889, 1891, 1892, 1912 гг.) и «Право» (1905 г.).

Гимназическим годам и постижению отроками «науки» посвящены отрывки, и даже отдельные произведения: В.А. Гиляровского, В.М. Дорошевича, К.Г. Паустовского, А.И. Куприна, Н.В. Успенского.

Фрагментарно представлены внешкольное воспитание городских детей, а также детские правонарушения.

**Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. -
О школьном обучении малолетних, работающих на заводах,
фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы
и о фабричной инспекции.**

П.1 ст.1 Работающие на фабриках, заводах и мануфактурах малолетние, не имеющие свидетельства об окончании курса, по крайней мере, в одноклассном народном или равном ему училище, посещает школы, открываемые при обозначенных промышленных заведениях или находящиеся вблизи последних народные училища.

П.7 ст.1 Программы и план преподавания в школах, учреждаемых для обучения малолетних рабочих, утверждаются Министром Народного Просвещения, по соглашению с Министром Финансов.

П.8 ст.1 Там, где нет отдельных мужских и женских народных училищ и не предоставляется возможности установить посещение школы малолетним рабочим разных полов в особые для мальчиков и девочек часы, допускается совместное обучение тех из них, которые не достигли четырнадцатилетнего возраста.

Ст.IV. В виде временной меры, в течение первых двух лет с приведением в действие данного мнения, разрешать занятие малолетних, находящихся в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, работою по шесть часов, в тех случаях, когда по роду производства, это оказывается необходимым, а по свойству возлагаемой на малолетних работы шести-часовой непрерывный труд не может причинить вреда их здоровью, и с тем условием, чтобы в этих случаях общая продолжительность работы малолетних в течение суток не превышала шести часов.

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XLII.
1866 г. – № 2316. – Июня 12.*

**Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.
Издание 1885.**

Раздел VIII.

**О преступлениях и проступках против общественного
благоустройства и благочиния.**

Глава 6

Нарушения постановлений о воспитании юношества.

1049. Кто, без дозволения правительства, учредит и откроет учебное или воспитательное заведение какого либо рода, тот подвергается за сие: денежному взысканию: в столицах не свыше двухсот рублей, в прочих городах не свыше семидесяти пяти, а в селениях не свыше пяти рублей, в пользу капитала призрения лиц, получивших право на обучение юношества в частных домах.

Устроенное таким образом заведение закрывается в назначаемый для того срок.

1050. Если учредивший учебное или воспитательное заведение после присуждения его к определенному в статье 1049 взысканию не закроет его в назначенный судебным приговором срок, то с него

взыскивается за это: в столицах не свыше четырехсот, в прочих городах не свыше ста пятидесяти, а в селениях не свыше десяти рублей, и, сверх этого, он отдается под надзор полиции на время от одного года до трех лет.

1051. Лица обоего пола, которые определяются в частный дом или частное училище или пансион для обучения детей, не получив надлежащих по закону свидетельств о необходимых для того знаниях, подвергается за это:

денежному взысканию не свыше семидесяти пяти рублей в пользу капитала призрения лиц, получивших право на обучение юношества в частных домах.

Этому взысканию подвергаются содержатели училищ и пансионов и родители, родственники или опекуны малолетнего, принявшие в свое заведение или в дом свой такое лицо для обучения своих или воспитываемых в их доме или заведении детей.

1052. Те, которые, быв подвергнуты определенному в статье 1051 взысканию, снова, вопреки закона, вступят в должность учителей в частных училищах, пансионах или частных домах, без установленно-го свидетельства, подвергаются за это:

взысканию не свыше ста пятидесяти рублей в пользу указанного в статье 1051 капитала и отдаются под надзор полиции на один год.

Кто, был по статье 1051 уже подвергнут взысканию за принятие учителя, не имевшего надлежащего свидетельства, снова заведомо примет такого учителя к себе в дом или в учебное заведение, тот за это приговаривается:

к денежному взысканию не свыше ста пятидесяти рублей.

1052. В девяти западных губерниях, за устройство и содержание без дозволения правительства школы какого-либо рода, виновные в том подвергаются:

денежному взысканию до трехсот рублей или аресту до трех месяцев.

Тому же взысканию подвергаются: 1) лица, оказавшие содействие устройству тайной школы или учебным в ней занятиям предоставлением помещения, училищных, учебных или иных средств, а также платой за обучение или же участием в преподавании или заведовании школой; 2) лица, имеющие права на обучение в частных домах, если они окажутся виновными в совместном обучении, без дозволения правительства, детей нескольких семейств или же взрослых посторонних лиц у себя на квартирах или в частных домах.

Примечание. Деньги, взысканные с виновных на основании данной статьи, поступают: 1) в капитал призрения лиц, получивших право на обучение юношества в частных домах, если они взысканы с лиц, имеющих звания домашних наставников, учителей и учительниц, или вообще с лиц, имеющих право заниматься обучением в частных домах, и 2) в государственное казначейство, если взысканы со всех остальных лиц.

1053. Раввины за неисполнение возлагаемой на них обязанности по надзору за частным воспитанием детей евреев, подвергаются:

в первый раз денежному взысканию не свыше семидесяти пяти рублей; а во второй, сверх денежного взыскания не свыше ста пятидесяти рублей, удалению от должности, с запрещением навсегда быть раввином.

Меламды за нарушение установленных об образовании еврейского юношества правил, подвергаются:

в первые два раза денежному взысканию не свыше двойного размера определенного в статьях 1049 – 1052, а в третий раз, сверх денежного взыскания, и тюремному заключению на время от четырех до восьми месяцев.

Те родители, родственники и опекуны из евреев, которые отдадут детей для обучения в хедер или к меламду, вопреки установленных правил, подвергаются денежным взысканиям, указанным в статьях 1051 и 1052.

Свод Законов Российской Империи. Том XV.

**Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу
Главноуправляющему Собственною Е.И.В. Канцелярию
по учреждениям Императрицы Марии. – Об учреждении
в С-Петербургском Коммерческом Училище
дополнительного практического, конторского
и приготовительного классов и о соответствующих
изменениях в действующих Уставе и штате сего Училища.**

§ 18. 1) Сверх двух специальных классов имеется дополнительный практический класс для желающих получить практическую подготовку к коммерческой деятельности. 2) Параллельно IV классу учреждается конторский класс для желающих подготовиться к занятиям счетчиков, конторщиков и приказчиков. К приему в этот класс допускаются, кроме перешедших из III в IV класс, еще и желающие воспитанники IV класса и подходящие по возрасту высших классов, а равно посторонние лица, но последние по экзамену из курса трех первых классов С-Петербургского Коммерческого училища, без новых языков. 3) Сверх шести общих классов имеется приготовительный класс, в который принимаются дети в возрасте от 8 до 10 лет, знающие первоначальные молитвы и умеющие читать и писать по-русски и считать до тысячи, а также производить сложение и вычитание над этими числами.

§ 19. Учебный курс Училища составляют следующие предметы:

а) в общих классах:

- 1) Закон Божий.
- 2) Русский язык.
- 3) Немецкий язык.
- 4) Французский язык.
- 5) Английский язык.
- 6) Арифметика.
- 7) Алгебра.
- 8) Геометрия с тригонометрией.
- 9) Физика.
- 10) Естествоведение (минералогия, ботаника, зоология).
- 11) Химия.

12) История Всеобщая и Русская.

13) География Всеобщая и Русская.

14) Чистописание.

15) Черчение.

16) Рисование.

б) В I и II специальных классах сверх закона Божия и Русской словесности:

- 1) Бухгалтерия и коммерческое счисление.

- 2) Техническая химия.
 - 3) Товароведение.
 - 4) Политическая экономия.
 - 5) Законоведение.
 - 6) Торговое право и торговое судопроизводство.
 - 7) История торговли с коммерческою географией.
 - 8) Немецкий язык.
 - 9) Французский язык.
 - 10) Английский язык.
 - 11) Торговая корреспонденция на Русском и иностранных языках.
- в) В дополнительном практическом классе:*
- 1) Практические занятия по банковым и торговым операциям.
 - 2) Практические занятия по коммерческой корреспонденции на Русском и иностранных языках.
 - 3) Практические занятия по товароведению в соединении с технической химией.
 - 4) Сведения о финансах.
 - 5) Консульское право и международные торговые трактаты России.
 - 6) Торговая и промышленная статистика.
 - 7) Коммерческая география дальнего Востока.
- з) В конторском классе:*
- 1) Закон Божий.
 - 2) Русский язык.
 - 3) Коммерческие счисления.
 - 4) Коммерческая география России.
 - 5) Отечественная история.
 - 6) Бухгалтерия.
 - 7) Торговая корреспонденция.
 - 8) Сведения о товарах С-Петербургского.
 - 9) Чистописание.
- д) В приготовительных классах:*
- 1) Закон Божий.
 - 2) Русский язык.
 - 3) Немецкий язык.
 - 4) Арифметика.
 - 5) Чистописание.
 - 6) Рисование.

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III.
Том XVII. 1897 г. - № 13914. – Марта 30.*

О детях-учащихся, гимназистах

Об организации учебно-воспитательного процесса в Ставропольской гимназии Св. Александры

ОТЧЕТ

Попечительного Совета о состоянии Ставропольской женской Гимназии в учебно-нравственном и хозяйственном отношениях, за 1872 – 1873 академический год

Учебная часть

В учебном отношении Женская Гимназия, как и в прежние года, стремилась к цели, указанной высочайше дарованным ей уставом.

Преподавание всех вообще предметов заботливостию г. инспектора Лосицкого шло довольно правильно; программы, утвержденные г. Попечителем Кавказского учебного округа, во всех почти классах были выполнены добросовестно; перемен в учебном персонале не было, почему классные уроки всегда были заняты. Гг. преподаватели не довольствовались точным выполнением классных обязанностей, занимались еще с детьми особо, к таким же занятиям приглашались и наши молодые педагоги, учительницы гимназии.

Частные годичные испытания во всех классах производились особыми комитетами, одобренными Педагогическим Советом, в присутствии каждый раз г. инспектора, а окончательные в VI классе – Педагогическим Советом под председательством г. директора.

Экзамены по своему характеру отличались от прежних в женской гимназии до отчетного года.

Так, большею частью правила Министерства Народного Просвещения: «об испытании учеников гимназии и прогимназии» по определению Педагогического Совета, состоявшемся 15-го апреля сего 1873 года, были применены при экзаменах, бывших в женской гимназии в мае и июне месяцах отчетного года, на следующих основаниях:

Воспитанницы, оканчивающие курс учения, подвергались устному испытанию из всех предметов гимназического курса и письменному только из основных предметов, именно: Русского языка и Математики. Цель испытания вообще состояла в том, чтобы удостовериться, имеет ли экзаменуемая достаточную степень умственного развития и успехов по каждому предмету в отдельности.

При устном испытании, обращалось особенное внимание на то, чтобы ученица в своем ответе заявила основательное знание главнейших

частей в целом предмете, а не в какой-либо его части, правильное понимание предлагаемых ей вопросов и умение передавать свои мысли ясно, последовательно и правильным языком.

Кроме устного испытания из главных предметов, как сказано выше, было еще письменное. Последнее имело весьма важное значение при суждении вопроса о результате испытания каждой воспитанницы. При решении этого вопроса Педагогический Совет принимал во внимание сперва достоинство письменных работ, а потом уже достоинство устных ответов. Почему при производстве письменных испытаний были исполняемы принятые Педагогическим Советом следующие правила: для письменного испытания каждым преподавателем заблаговременно были представлены г. инспектору по несколько тем и задач; причем имелось в виду, чтобы они были по силам учениц, не выходили за пределы понятий и приобретенных воспитанницами сведений. Назначенные темы сохранялись в совершенной тайне были объявлены только перед самым началом письменного испытания (в 10 ч. утра) в присутствии г. инспектора, экзаменатора, члена ассистента и экзаменовавшихся, которые к тому времени все собрались в гимназию.

От обязательных испытаний из русского языка, по журналу Педагогического Совета, состоявшемуся в июле 1871 года, освобождаются на окончательном испытании только те ученицы 6 го класса которые в каникулярное время напишут лучшее сочинение на одну из предложенных им тем. Таковыми в отчетном году оказались: Лащилина, Семенова и Цареградская.

Из прочих предметов собственно гимназического курса воспитанницы, оканчивающие курс учения, держали только устный экзамен; причем Совет обращал всегда предпочтительное внимание не столько на знание частных отдельных подробностей каждого предмета, сколько на знание существенно-важного в каждом предмете; давал особенное значение только тем знаниям, которые, как плод постоянно-правильного прилежания в течении всего предшествующего учебного времени, стали действительно прочным достоянием экзаменуемойся...

Воспитательная часть

По воспитательной части журналами педагогического Совета 4-го ноября 1872 г. составлен перечень наказаний: в постепенно-возрастающей степени, который, согласно 19 § Устава, и был предложен начальнице и классным дамам для неперменного руководства с тем, что-

бы все родыг взыскания, не заключающиеся в вышеназванном перечне не должны быть прилагаемы к ученицам Ставропольской женской гимназии, а определением Совета 15 апреля 1878 года, между прочим, положено: лишать права на получение награды тех учениц высшего класса, которые в течении учебного года, два раза будут записаны в кондуктный список за поведение по распоряжению гимназического начальства, или же и классною дамою с ведома каждый раз начальницы. При этом Совет выразил желание, чтобы все вообще наказания в женской гимназии налагались преимущественно самою начальницею заведения, или заступающей ее место.

Рукодельные занятия

В рукодельном классе при содействии городского головы С.К. Деревщикова, благодаря учительнице белошвейного мастерства Худобашевой и башмачному мастеру Алимову, занятия шли довольно правильно.

В мастерской бывает нередко 40 учениц и более; многие дети общивают своих родных, и в рукодельных занятиях преимущественно по успехам остается за стипендиантками Государыни Великой княгини Ольги Федоровны.

Учебные пособия

Кабинеты и библиотеки, хотя наличностью своею далеко еще не удовлетворяют своему назначению, но попечительный Совет, имея в виду их весьма недавнее существование, и то, что они приобретены путем пожертвований, имеет право сказать, что они находятся в удовлетворительном состоянии.

Имеется 40 моделей животных и 157 минералов.

Благодаря члену совета В. Г. Терещенко и другим лицам в физическом кабинете 69 экземпляров аппаратов на 510 руб.

При участии городского головы, членов танцевального купеческого клуба и добровольной складины воспитанниц, в детской библиотеке имеется по каталогу 179 названий в 305 книгах на 359 р. 79 к.

В фундаментальной библиотеке 74 названия в 167 книгах на 223 р. 18 к.

*ГАСК. Ф. 788 – Попечительный Совет Ставропольской гимназии
Св. Александры г. Ставрополь н /К.*

Устав
общества для вспомоществования беднейшим ученикам
Пятигорского городского трехклассного училища.

Пятигорск, 1890 г.

1. Общество учреждается в память тысячелетия со дня блаженной кончины Славянского первоучителя Св. Мефодия и имеет целью оказывать материальную помощь ученикам Пятигорского городского трехклассного училища, без различия их вероисповедания и происхождения.

18. При назначении учащимся вспомоществований имеется ввиду не одна бедность их, но прилежание и хорошее поведение, удостоверенные училищным начальством.

ГАСК.Ф.1116. Л.2,4.

1898 г.

В Ставропольскую Городскую Управу
Заведующей Воробьевским начальным
городским училищем Ю.И. Лысяковой

Довожу до ведения Городской Управы имена и фамилии самых наиболее беднейших учеников вверенного мне училища:

1. Иванов Василий – сапоги и штаны,
2. Иванов Петр – штаны и рубаху,
3. Бирюков Григорий – сапоги, штаны, шапку,
4. Комов Владимир – сапоги, штаны, шапку,
5. Гусев Иван – штаны, рубаху, шапку,
6. Березовский Павел – штаны, рубаху,
7. Зуев Андрей – Рубаху, штаны,
8. Опальков Дмитрий – рубаху,
9. Васильева Ольга – платье,
10. Кицова Анисья – платье,
11. Михайлова Елизавета – башмаки,
12. Юршевич Федосья – платье,
13. Афанасьева Елена – платье, башмаки,
14. Михайлова Елена – платье,
15. Кузьмина Мария – башмаки,

ГАСК. Ф.96. Оп.2. Д.907. Л.11.

19 июля 1904 г.

В Ставропольскую Городскую Управу
Отставного Коллежского Регистратора
Конкордия Алексеевича Голубятникова

Прошение

Ограниченность получаемого мною за службу при местном Сиротском Суде содержания, как единственного источника существования моей, состоящей из шести душ, семьи, дает мне основание покорнейше просить Городскую Управу – не отказать в освобождении меня на будущее время от взноса платы за право учения в Ставропольском Городском шестиклассном Училище сына моего Леонида, переведенного ныне в 1У класс названного учебного заведения.

ГАСК. Ф.96. Он.2. Д.1497. Л.4.

11 октября 1904 г.

Ученика 2-го класса
Городского шестиклассного училища
Ивана Полякова

Прошение

Чсть имею покорнейше просить городскую Управу, не найдет ли она возможность внести за меня плату за право учения, так как мать моя не имеет возможности внести ее.

ГАСК. Ф.96. Он.2. Д.1497. Л.16.

Постановление Ставропольской Городской Управы
8 ноября 1904 г.

Определено. Рассмотреть прошения разных лиц о зачислении их детей стипендиатами в городское шестиклассное училище, Городская Управа определяет: зачислить на 10 свободных стипендий следующих учеников шестиклассного училища: Леонида Голубятникова, Ивана Полякова...

ГАСК. Ф.96. Он.2. Д.1497. Л.20.

Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской третьей женской гимназии

Возникло Общество вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской третьей женской гимназии, как и сама Ставропольская третья женская гимназия, по инициативе покойного члена Ставропольского общества Я.В. Абрамова – ревностного поборника народного просвещения вообще и женского образования в частности. Он горячо принимал к сердцу нужды и потребности бедного населения городских окраин, на одной из которых и сам жил. Здесь часто приходилось ему видеть, как страдают бедняки не только от умственного, но и физического голода. Особенно жалел он о бедном юном женском поколении этих окраин. Отлично понимая, какое громадное значение имеет и может иметь в семье и обществе образованная и воспитанная на началах христианской нравственности женщина как член общества и как мать семьи, Яков Васильевич особенно энергично стремился к тому, чтобы правильное образование и воспитание на этих началах по возможности глубже проникли в бедные хижины этих окраин и наиболее широко распространились в юном женском их поколении.

И чтобы эти гуманные идеи его могли найти себе осуществление на практике, он стал настойчиво пропагандировать всюду, где только было можно, свою заветную мысль об учреждении в городе Ставрополе третьей женской гимназии и в тоже время хлопотать об учреждении особого благотворительного общества, которое приняло бы на себя заботу об оказании необходимой помощи для прохождения курса в этой гимназии бедными ученицами, не имеющими средств платить за обучение в ней и часто нуждающимися даже в учебных руководствах, пособиях, одежде, обуви и т.д.

Создавшись, таким образом, по мысли и при живом деятельном участии Я.В. Абрамова, Общество вспомоществования недостаточным ученицам третьей женской гимназии 3 декабря 1905 г. собрало первое общее собрание своих членов-учредителей. В этом заседании было сформировано Правление общества из 8 членов и 4 кандидатов к ним, а также избрано было 4 члена и 2 кандидата к ним в состав ревизионной комиссии. В звании председательницы Правления была избрана В.П. Иванова, в звании ее товарища или вице-председательницы Е.П. Дегтяревская. В тот же день это Правление начало и свою благотворительную деятельность.

В третью женскую гимназию была внесена установленная плата за обучение в ней 12-ти бедных учениц в течение первой половины 1905/6 учебный год в размере 276 руб. (по 23 руб. за каждую уче-

ницу). В последующие годы расход на эту потребность благодаря увеличению количества учащихся постепенно стал возрастать. В 1906 г. Общество уплатило гимназии за обучение одной ученицы в первой половине 1905 – 1906 учебного года и за 12 учениц, обучающихся во второй половине того же 1905/1906 учебного года 188 руб. и, сверх того, внесло гимназии за обучение 16 детей в первой половине 1906/1907 учебного года и одной ученицы в течение всего учебного года 414 руб., т.е. всего уплатило гимназии в 1906 г. 602 руб. В следующем 1907 г. оно внесло в кассу гимназии за обучение 18 бедных учениц во второй половине 1906/7 года 391 руб. и за обучение 14 учениц в первой половине 1907/8 года 299 руб., т.е. всего в год 690 руб., в истекшем же 1908 г. за вторую половину 1907/8 учебного года Общество уплатило гимназии за обучение уже 21 ученицы 475 руб., а за первую половину 1908/9 учебный год за 22 учениц 506 руб., а всего 981 руб.

Расходы эти производились не прежде, как по обследовании имущественного положения семейств, к составу которых принадлежат дети, обучавшиеся в гимназии и просившие помощи у общества, и только в том случае, если по обследовании оказывалось, что родители или родственники этих детей действительно не в состоянии внести за них в гимназию установленную плату.

Начать свою благотворительную деятельность в первый же день своего открытия Общество имело возможность благодаря тому живому сочувствию к его задачам, какое оно встретило в местном населении, и щедрым пожертвованиям, поступившим в его распоряжение к тому времени. Из приходных документов Общества видно, что к 14 декабря 1905 г., когда был произведен его Правлением первый платеж третьей женской гимназии за обучение 12 беднейших учениц, в распоряжении общества было денежных средств 1177 руб. 16 коп., а к 1 января 1906 г. в его кассе числилось на приходе 1188 руб. 16 коп. Вся эта сумма составила исключительно из пожертвований членов Общества и благотворителей, в числе которых правление с особым удовольствием видит своего Архипастыря Высокопреосвященного Агафодора Архиепископа Ставропольского пожертвовавшего Обществу 100 руб., своего почетного члена А.В. Кашенко, принесшего Обществу одновременно 500 руб., Е.К. Попову, давшую 100 руб., В.П. и Н.Т. Ивановых, давших 50 руб., В.П. и Н.П. Меснянкиных, пожертвовавших также 50 руб.

В 1906 г. Общество выдало начальнице гимназии 38 руб. на завтраки беднейшим ученицам и 50 руб. на приобретение для ученицы Ксении Желудевой постельных принадлежностей, белья, книг, на общежитие Обществу взаимного вспомоществования учащихся и учивших в низших учебных заведениях Ставропольской дирекции народных училищ

и на поездку в каникулярное время к матери. А так как и за обучение в гимназии этой ученицы платились деньги из средств Общества, то можно сказать, что Ксения Желудева была полной пансионеркой последнего.

Кроме уплаты гимназии денег за обучение детей, Общество приобрело одежду, книги, платило Обществу взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Ставропольской дирекции народных училищ в 1908 г. за содержание в его общежитии одной крайне бедной ученицы третьей гимназии (Ревазовой) 40 руб., на завтраки беднейшим ученицам 48 руб. и 275 руб. 57 коп. на расходы по устройству народного гулянья с лотереей (10 мая) и на детский вечер в начале февраля 1909 г.

Отчет Общества вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольской третьей женской гимназии (городской) за 1905 – 1908 годы. Ставрополь, 1909. – С. 1 – 8.

По вопросу об открытии в г. Екатеринодаре народного университета

Устав Кубанского общества народных университетов

§1. преследуя исключительно просветительные цели, общество имеет своею задачей устройство научно-просветительных учреждений в г. Екатеринодаре Кубанской области.

§2. Для осуществления своих задач общество учреждает систематические образовательные и профессиональные курсы, постоянные и подвижные, отдельные лекции, образовательные экскурсии, устраивает народные университетские дома, предназначенные способствовать полезному употреблению свободного времени, научно-образовательные музеи, лаборатории, открывает библиотеки, читальни, книжные магазины, устраивает выставки, издает книги, таблицы.

§13. Средства общества образуются из членских взносов, пожертвований, отказов по завещаниям, чтений, выставок, концертов, пособий от правительственных и общественных учреждений.

Кубанское общество народных университетов, начав свою деятельность с 1 октября 1907 г., устроило за 2,5 месяца 32 общедоступных лекции, привлечших больше 8000 человек слушателей. Некоторые из этих лекций иллюстрировались картинами волшебного фонаря.

Общество народных университетов в 1909 / 10 учебном году открыло воскресную школу для лиц не получивших начального образования. В школу было записано больше 300 учащихся.

Кубанское общество народных университетов является единственным просветительным учреждением для взрослых малоимущего на-

селения, не имевшего возможности в борьбе за «кусоч хлеба» получить элементарного образования.

Школа Кубанского общества народных университетов существует с 21 ноября 1909 г. В школу принимаются лица обоого пола – взрослые и подростки, мальчики с 14 лет, девочки с 12 лет.

В 1913 г. Кубанское общество народных университетов имеет:

1. Бесплатную воскресную школу с вечерними курсами для взрослых в центре города, образовавшуюся в 1909 г. Учеников было больше 1000 человек;

2. Бесплатную воскресную школу на Дубинке, основанную в январе 1913 г. Учеников было больше 400 человек;

3. Чтения популярных лекций на окраинах и в центре. Чтения посещали от 80 до 400 человек.

Громадная посещаемость и лекций, и школ указывает, какого высокого напряжения достигла в народе жажда знаний и как мало она удовлетворяется.

В 1913 г. общество организовало Покровскую библиотеку, которая насчитывала до 1200 экземпляров книг.

Около 30 лет назад было положено начало воскресной школе в г. Екатеринодаре. За этот срок воскресная школа сумела завоевать симпатии и общества и беднейшего населения. За 30 лет много труда и здоровья вложено было интеллигентными работниками в дело развития воскресных школ; больше 20 лет труд этот был совершенно бесплатен.

*ГАКК. Ф. 498. Екатеринодарская городская управа.
Оп. 1. Д. 33. Л. 2.100.*

Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей

Цель Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей:

а) разрабатывать вопросы, относящиеся к физическому и духовному воспитанию и образованию детей, в видах установления правильного взгляда родителей и воспитателей на этот предмет;

б) содействовать родителям и воспитателям в осуществлении на практике способов и приемов физического и духовного воспитания и образования подрастающего поколения;

в) осуществлять защиту детей и несовершеннолетних и заботу о брошенных и беспризорных детях.

Для осуществления своих целей общество должно:

а) устраивать заседания для обсуждения вопросов и рефератов, имеющих отношение к задачам общества;

б) устраивать публичные чтения, издавать сочинения, устраивать библиотеки и читальни.

в) устраивать как закрытые, так и открытые помещения (арены, сады, катки и пр.) для занятия играми и разнообразными физическими упражнениями и руководить ими;

г) устраивать и содействовать организации прогулок и экскурсий как загородных, так и более отдаленных;

д) устраивать курсы садоводства, огородничества, плавания, гимнастики, езды на велосипедах, стрельбы в цель и т.д.

е) устраивать школы, детские сады, повторительные курсы, воскресные школы и т.д.

ж) устраивать летние колонии, санатории и лечебницы, детские ясли, убежища, учебные и ремесленные заведения и т.д.

з) принимать на себя защиту детей и несовершеннолетних от всякого рода противозаконных действий, причиняющих вред их здоровью, нравственности и имущественным интересам;

и) открывать свои отделы в различных местах губернии.

Члены общества разделяются на:

а) почетных, в которых избираются общим собранием лица, оказавшие обществу какие либо особые услуги или сделавшие в его пользу значительные пожертвования;

б) действительных, вносящих ежегодно в кассу общества не менее 3 руб. или единовременно не менее 100 руб., при чем в последнем случае они получают звание пожизненных;

в) членом сореферентов, вносящих ежегодно менее 3 руб., но не менее 1 руб.

Общество состоит из членов, коими могут быть лица обоого пола всех званий, национальностей и вероисповеданий, за исключением несовершеннолетних, кроме имеющих классные чины, учащихся в учебных заведениях, состоящих на действительной службе нижних воинских чинов и подвергшихся ограничению прав по суду.

Средства общества образуются из:

а) членских взносов;

б) доходов от различных предприятий общества и его учреждений;

в) сборов от публичных лекций, концертов, выставок, спектаклей и т.д., устраиваемых обществом с надлежащего каждый раз разрешения;

г) пожертвований и субсидий как учредителей, так и частных лиц;

д) из всяких других дозволенных законом источников.

ГАСК. № 2438. Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. Ставрополь, 1914. – С. 3 – 5.

О гимназистах Ставропольской мужской классической гимназии

**Здание Ставропольской мужской классической гимназии
(из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве)**

Ставропольская мужская классическая гимназия (до революции старейшее среднее учебное заведение на Северном Кавказе) была открыта 18 октября 1837 г. на базе уездного училища, созданного в августе 1811 г. При открытии присутствовал император Николай I.

До 1847 г. гимназия называлась Кавказской областной. С переименованием области в Ставропольскую губернию гимназия стала именоваться Ставропольской губернской. В 1868 г. Гимназия получила собственное здание на Александровской площади (ныне – площадь Ленина). Время её наивысшего расцвета – 1850 – 1861 гг., когда директором был Я.М. Неверов, сделавший гимназию одной из лучших в России.

В 1912 г., в связи с открытием в Ставрополе ещё одной мужской гимназии, классическая получила название 1-й.

Летом 1920 г., с окончанием гражданской войны на территории Ставрополя, гимназия была преобразована в советскую школу 2-й ступени.

Групповое фото гимназистов Ставропольской мужской классической гимназии (из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве).

Июля 29 дня 1915 года

№ 3360

9 № 8815

Господину Попечителю К.У. О.

По имеющимся в моём распоряжении сведениям, в виду обстоятельств военного времени, в г. Ставрополе ощущается большой недостаток серого форменного сукна для приходящих учащихся, причём по заявлению торговцев, подвоз его в ближайшем будущем не предвидится даже с большим вздорожанием цен.

В виду этого, ожидая, может быть, большего уклонения в отношении цвета форменного платья, чем это было до сих пор, я имею честь почтительнейше просить указаний.

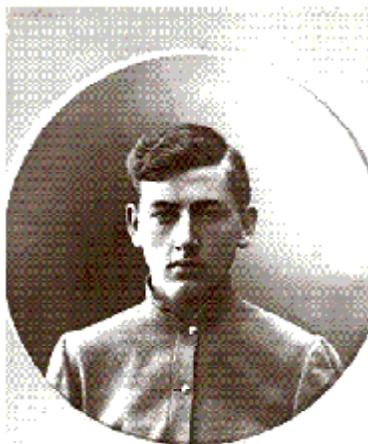
Надлежит теперь с надлежащей строгостью требовать от учащихся ношения платья установленного цвета и воспретить доступ в гимназию нарушившим это требование или же временно не придавать большого значения упомянутому нарушению?

К сему долгом считаю присовокупить, что серое сукно для пансионеров было заказано мною в достаточном количестве, ещё до

повышения цен, а в настоящее время получено, хотя и с большими затруднениями.

Подпись: (неразборчиво)

ГАСК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 198. Л.1.

Гимназист Ставропольской И.О. Коломийцев мужской классической гимназии (из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве).

Кавказского Учебного Округа

М.Н.П.

попечитель

Кавказского учебного

округа

Канцелярия

стол 2. отдел II

10 августа 1915

№ 18 068

Тифлис

Директору Ставропольской 1-й
мужской гимназии

Вследствие рапорта от 29 минувшего июля, за № 3360 сообщаю, что ввиду отсутствия в продаже серого форменного сукна, я разрешаю временное отступление в ношении приходящими учениками платья не форменного серого цвета. Во всяком случае, цвет платья может быть более тёмного или светлого, сравнительно с форменным, но отнюдь не иных цветов (глубоко чёрного, коричневого и других).

Попечитель: (подпись неразборчиво)

Правитель канцелярии: (подпись неразборчиво)

ГАСК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 198. Л.2.

Министерство Народного Просвещения

Его Превосходительству
Господину Директору Ставропольской
1-й мужской гимназии
Вдовы купца
Прасковьи Васильевны Труфановой
адрес: ул. Гимназическая № 42

Прошение

Находясь в тяжёлых жизненных условиях, не обладая достаточным здоровьем и не будучи в состоянии купить какое-нибудь пальто моему сыну, ученику 1-го класса реального отделения Василию Труфанову вверенной Вам гимназии, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне пособие для покупки пальто.

17 сентября 1915 г.

П. Труфанова

(Резолюция на документе)
Протокол Пед. Совета сентябрь 1915 года, ст. XXXI
Ходатайство просительницы отклонить
Секретарь: (подпись неразборчиво)

ГАСК. Ф. 73. Оп. 2. Д. 214. Л. 1.

К сведению родителей и лиц,
попечении которых находятся учащиеся

Министерство Народного Просвещения неоднократно указывало на необходимость для учебного начальства, а также для родителей учащихся принимать меры к тому, чтобы учащиеся не носили и не имели при себе огнестрельного оружия.

Это распоряжение Министерства внесено в число правил для учеников, тем не менее, в учебных заведениях и вне их стен продолжают повторяться несчастные случаи от неумелого обращения с огнестрельным оружием, следствием чего нередко являются ранения учащимися самих себя, их товарищей и близко стоящих к ним лиц.

Это обстоятельство, на основании предложения г-на Попечителя Кавказского Учебного Округа от 27 сентября 1914 г. № 22 401, побуждает ещё раз напомнить как учащимся, так и их родителям, о точном соблюдении помянутого распоряжения и предупредить, что при повторении несчастных случаев от обращения с огнестрельным оружием,

учащиеся нарушившие настоящее для них правило, будут уволены из учебного заведения.

Директор Ставропольской
1-й мужской гимназии
С. Григорьев.

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.274. Л.145.

Его Превосходительству

Г-ну Директору 1-й Ставропольской
мужской гимназии
учителя пения, Надворного советника
Василия Дмитриевича Беневского

Рапорт

Представляя при сём содержание моей новой детской оперы «Сказание о граде Леденце» (из сербской жизни на текст Н. Новича), почтнейше прошу Ваше Превосходительство возбудить ходатайство перед Г-ном Попечителем Кавказского Учебного Округа о разрешении мне поставить её в гимназии, с участием в женских ролях воспитанниц Ольгинской и 3-й гимназий, с благотворительной целью: 1) 25-го марта в пользу приюта для сирот убитых воинов и 2) 27-го марта – в пользу сербов и местного дамского комитета.

24.02.1916

Надворный советник Беневский

(Резолюция на документе)
Ходатайство передать Попечителю

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.249. Л.1.

М.Н.П.
Кавказский Учебный Округ
Директор
Ставропольских
Ольгинской и Св.Александры
женских гимназий
Февраля 25 дня 1916 г.
№ 117

К сведению
Господину Директору 1-й гимназии
С.В. Григорьеву

Предложение Вашего Высоко-
родия, от 24 февраля 1916, за
№ 487, мною было подвергну-
то обсуждению с г-жами На-
чальницами ввереных мне гим-
назий, которые высказались, что увеличение количества развлече-
ний, которых в нынешнем учебном году в обеих гимназиях было

вполне достаточно, нежелательно, так как это может отразиться на учебных занятиях.

Директор В. Селецкий
ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.249. Л.5.

№ 361 – 18/II – 17г.
д. № 67 – 16 г.

Господину Ставропольскому Губернатору

Имею честь покорнейше просить разрешения на устройство в стенах вверенной мне гимназии силами учащихся г. Ставрополя, 26 сего февраля, платного спектакля. Предлагается в третий раз поставить детскую оперу-сказку «Сказание о граде Леденце». Текст Н. Новича. Весь чистый сбор поступит в «Георгиевский фонд» для учреждения надлежащих стипендий. В двух картинах с антрактом.

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.249. Л.8.

**Гимназисты-участники театрализованного представления.
(из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве)**

М.Н.П.
Кавказский У. О.
Директор
Ставропольской 1-й
мужской гимназии
27 февраля 1917г.

Ставропольскому Казначейству

Представляю при сём одну тысячу пятьсот тридцать два рубля (1532 р.) чистого дохода от спектакля, поставленного во вверенной мне гимназии 8 и 10 сих февраля на образование «Георгиевского фонда», для учреждения надлежащих стипендий. Прошу казначейство расписать таковые на приходе, с докладом Ставропольскому губернатору и Директору Народных училищ.

Подпись: (неразборчиво).

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.249. Л.8.

Его Превосходительству
Г-ну Директору 1-й Ставропольской
мужской гимназии
Лапшина Константина

Прошение

Желая поступить в Военное училище, в которое, среди прочих бумаг, требуется свидетельство об одобрительном поведении и политической благонадёжности, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне оное.

29 июля 1916г.

Лапшин Константин

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д. 274. Л.307.

Удостоверение №2308

Дано сие окончившему курс наук с аттестатом зрелости в Ставропольской 1-й мужской гимназии Константину Николаевичу Лапшину, вследствие его прошения для предоставления в военное училище, в том, что он, Лапшин, за всё время своего пребывания в гимназии (с августа 1906г. по 12-е мая 1916г.), ни в чём предосудительном замечен не был и поведение его аттестовывалось всегда баллом “пять”. По

отзывам классного наставника, Лапшин – юноша скромный, спокойный, незлобивый, к старшим всегда относился почтительно и вежливо, с товарищами был в хороших отношениях.

Что подписью и приложением казённой печати удостоверяю.

Директор гимназии: С. Григорьев.

ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.274. Л.308.

**Аттестат ученика Ставропольской мужской классической гимназии
Михаила Бруснева, будущего основателя одной из первых
марксистских групп в Петербурге.
(из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе)**

Его Превосходительству Г-ну Директору
1-й Ставропольской мужской гимназии
ученика 8 класса 2 отделения
Пимена Потакова

Прошение

Ваше Превосходительство, я вынужден в этом году вторично обратиться к вам с покорнейшей просьбой о денежной помощи. Как вам

известно я подал Вам заявление о моём намерении поступать в Николаевское кавалерийское военное училище и поэтому, в первых числах мая я могу уже уехать из Ставрополя. Но у меня нет ни копейки денег, и поэтому по окончании гимназии я вынужден ходить в гимназическом костюме, и даже на неопределённое время остаться в Ставрополе.

Содержавший меня брат находится сейчас в рядах армии, а его жалование почему-то не высылается, и поэтому я задолжал за квартиру г. Антонову около 130 рублей. Такую сумму я не осмелюсь у Вас просить, я только прошу Вас Ваше Превосходительство выдать мне из гимназических сумм денег на дорогу до Петрограда, потом на фуражку, щиблеты и фотографию, так как карточка нужна для представления в военное училище.

Во всё время моего пребывания в стенах вверенной Вам гимназии, я пел в гимназическом хоре, причём к Пасхе из костюма ничего не получил, хотя и просил г. Беневого дать мне щиблеты, так как мои заставляют опасаться за их дальнейшую целостность.

Надеюсь, Ваше Превосходительство, что Вы обратите внимание на незавидное положение Вашего питомца, и удовлетворите мою последнюю просьбу, за что я заранее приношу Вам благодарность.

20 апреля 1916г.

Ученик 8 класса. Пимен Потаков.

ГАСК. Ф.73. Он.2. Д. 274. Л.269

Сергей Николаевич Дурылин

*В школьной тюрьме**

Исповедь ученика

I.

Задача тюрем и наказаний, та задача, ради которой они, по словам их защитников, должны непременно существовать, эта невыполнимая и невозможная задача состоит в том, что тюрьма и наказания должны «исправлять» преступника – уничтожать и парализовывать его порочные и преступные наклонности, а добрые – развивать и путем карцеров, кандалов и плетей воскрешать его бедную, погибшую душу. И когда я вспоминаю это общее, ходячее объяснение важности и необходимости существования тюрем и наказаний, в моем сознании сейчас же проносится мысль, что ведь таково, собственно говоря, назна-

* Протест ученика // Свободное слово, 1904. – № 13. (Здесь и далее без особых указаний подстрочные ссылки принадлежат С.Н. Дурылину. Примеч. ред

чение и других, незаметных и маленьких, тюрем для маленьких людей – школ, и что их существования, в их настоящем виде, нельзя объяснить иначе, иным путем.

Есть две стороны, есть два лица у тюрем. Одно – для тех, кто в них сидит, другое – для того огромного большинства людей, которые живут на «воле». Для одних тюрьма, наказания, ссылка, плети – конечно, зло, не особенно хорошее учреждение, но необходимое, неизбежное, существование и развитие которого оправдывается заботами о благе всего общества, для которого важно и необходимо изъять из обращения людей со злой волей, преступными наклонностями, а единственное для того средство – тюрьмы, наказания, ссылки, каторга и потому, даже сознавая весь ужас тюрем, люди торопятся только скорее пройти мимо них, стараясь не видеть бледных и измученных лиц тех, кто там сидит. А для тех, кто сидит в тюрьмах, кого секут там плетью и сажают в карцер с крысами, кому говорят «ты» и ругают так, как не ругают уличную собаку, для этих людей тюрьма – место ужаса, гибели, страданий и мучений. Все теории о преступной воле, дурной наследственности, об обетованном для них в тюрьмах духовном возрождении под плетью и издевательствами, все эти и еще многие другие теории для них не существуют, а существует только тюрьма, и только она одна, – тюрьма, которая убьет их силы, их волю, их жизнь... И они бегут из нее... Их убивают, а они, неисправимые преступники, бегут, вновь и вновь бегут...

И когда говорят о школе – средней или низшей, когда говорят о ее неустройстве и реформах в ней, бывает то же, что в разговорах о тюрьме. Неизбежно с раннего детства весну, осень, зиму и часть лета долбить скучные, ненужные и часто глупые слова, примеры, задачи и правила; необходимо знать все, что написано лживыми и бездарно невежественными людьми в скучных и глупых учебниках, необходимо во всем подчиняться – в мельчайших движениях воли, чувства и мысли – приказаниям чужих, совершенно не знающих тебя людей, неизбежно, непременно должно быть все нравственно, умно и хорошо, что говорят и делают эти люди; необходимо восемь лет все это исполнять и носить неудобную одежду, и делать еще многое другое, – неизбежно, необходимо надо все это делать, чтобы быть образованным человеком... Вот речи одних. И для того, чтобы осуществить все это, строят школы с баллами, наградами, наказаниями, исключениями, учебниками, мундирами, инспекторами, священниками, строят школы и верят, что те, кто там с детства побывал и с начала до конца прошел и исполнил все, что надо было там пройти и исполнить, – самые образованные, умные и хорошие люди, которым потом будут платить большое жалованье и называть которых будут звучными и красивыми име-

нами: «г. профессор», «г. доктор», «г. адвокат», и еще более звучными и прекрасными: «г. депутат»... Для других же, для детей, которым суждено учиться в этих школах, эти школы являются местами долгих мучений, нравственных, а иногда и физических истязаний, местами гибели их душевных и физических сил, скуки, тоски и отчаяния, доводящих до самоубийств, и эти места просвещения и воспитания приобретают для них новое значение – не гимназий, не училищ, не институтов, а страшных и мучительных тюрем.

Там, в тюрьмах и каторгах, цель исправления и возрождения падших душ считается достигнутой, когда бледный, худой и больной, со следами кандалов на руках и ногах выходит преступник, шатаясь от непривычного солнца, воздуха и свободы, из тюрьмы и отправляется в родную деревню или в чужую на поселенье, никому ненужный и больной, доживать свои скучные дни... Здесь, в школах, цель воспитания и образования считается достигнутой, когда бледный, со впалой грудью, с неразвитыми мускулами выходит ее питомец на свет Божий и на весь Божий мир, на людей, на жизнь и природу смотрит рассеянным и безучастным взглядом усталого и измученного человека и спешит закрыться от Божьего света новым мундиром, новой скучной книгой, новым учебником. Но для того, чтобы преступник мог, выйдя на волю, слепнуть от света, задохнуться от свежего воздуха и пугаться дневного шума, надо было, чтобы он долгие годы не видал света, не дышал воздухом, не слышал людского голоса. Для того же, чтобы молодого, начинающего жить человека заставить написать при выходе на широкую дорогу жизни записку такого содержания: «не стоит жить»... «жить надоело» (а такие записки пишутся часто), для этого надо измучить этого человека с самых малых лет особою наукой, называемой школьной наукой, надо вымотать из него все силы, всю волю, все желания особым воспитанием, называемым школьным воспитанием, и все это проделать надо в особых, нарочно для этого устроенных зданиях, называемых школами, особыми людьми, называющими себя педагогами, потому что простые люди, в обыкновенных условиях жизни, обыкновенными способами никогда бы этого не добились и ничего бы этого сделать не могли, как не могли бы так, просто, без тюрем и наказаний, превратить здорового человека через пять-восемь лет в несчастного, больного, разбитого духом и телом старика...

Что же это за способы и кто и как может заставить человека на 18 году жизни написать: «жить надоело» и не только написать, но и убить себя, просто и легко убить?

II.

Что бы случилось с молодым растением, если бы вы, желая его вырастить, стали бы с ним делать как раз все то, что надо было бы де-

лать с ним, если бы вы хотели его погубить? Что случилось бы с ним, если бы вы вырвали это растение из его родной почвы и пересадили, или, вернее, воткнули в самую неподходящую для него почву, если бы вы покрыли его непроницаемым колпаком, чтобы к нему не проникал свет и воздух, что случилось бы с ним, если бы вы не стали поливать его водой, срывали бы с него листья и лепестки с его цветов, подрубали бы мало-помалу его корни? Что случилось бы с этим растением? Оно погибло бы.

И те люди, которые хотели нас воспитывать и учить, делали с нами, желая нас научить и воспитать, как раз все то, что следовало бы им делать с нами, если бы они хотели погубить нас духовно и физически.

Когда мне стало известно, что я выдержал экзамен и принят в гимназию, я был рад. Мне казалось, что в моей жизни начнется что-то новое, светлое, еще невиданное и неиспытанное. И, действительно, все это началось, и очень скоро началось. Пересадка моя из одной почвы в другую была совершена быстро и решительно – с корнем. И она была радикальна и последовательна до мелочей. Если я дома ходил и учился в просторной и удобной рубашке, – там, в гимназии, я должен был ходить в неудобной и тесной суконной куртке, широком и нескладном ремне. Дома для того, чтобы перенести книги и тетради в другую комнату или в сад, я брал их подмышку и тащил, куда надо, – теперь я должен был для всего этого завести огромный ранец и носить его непременно за плечами на резавших плечи ремнях и, хотя он оттягивал мне плечи и гнул меня к земле, я не смел взять его подмышку, так как это считалось противозаконным и строго каралось карцером и тройкой за поведение (а это было ужасно). Но это были пустяки, хотя и их было достаточно, чтобы отравить мне жизнь. Ягодки были впереди.

То, что я учил, было одинаково противно – и дома, и в гимназии. Судьба двух пассажиров А и Б, выехавших навстречу друг другу из разных городов и ехавших, по словам Малинина-Буренина, с непостижимой скоростью, одинаково мало интересовала меня и в гимназии, и дома. Священная история Валаамовой ослицы и приключений ехавшего на ней человека одинаково не вызывала во мне священного трепета, подобавшего ее содержанию, ни дома, ни в гимназии. И там, и здесь оставался я равнодушен к вопросу о том, как надо писать: «идти» или «идти», и писал по-прежнему, вопреки Гроту, как Бог на душу положит. Но была существенная разница в способах восприятия всего этого. Я ненавидел все это, но я знал или старался себя убедить, что так или иначе, обманом или начистоту, преодолеть все это необходимо, неизбежно. И я «преодолевал». Когда я не выучивал почему-либо урока, считалось, что я еще «не усвоил» себе заданного, и мой учитель вновь и вновь погружал меня в тайны буквы «ять» или умножения дробей, и

в конце концов я действительно уже знал твердо и отчетливо, что, как, почему и отчего... Этот способ преподавания был прост и естествен: я должен был что-то знать и раз я этого «чего-то» не знал – это значило только, что я не знал и что мне надо так или иначе это понять, усвоить и постичь. И к этому сводились усилия моего учителя. В гимназии же было не то. Мое непонимание и незнание чего-либо обозначало не только то, что я того-то не знаю или не понимаю, а еще и то, что я скверный и ленивый мальчишка, которому надо поставить единицу, оставить на второй год, чтобы он не смел «не знать», а всегда бы знал и понимал. Но знать и понимать, не понимая, я не мог; я часто и многого не понимал из того, что, быть может, хорошо понимали мои сверстники, – но понимал ли я, не понимал ли, все равно я должен был знать, как все, т.е. уметь как все произнести известные слова и произвести известные действия, показывающие, что я «знаю». И я стал отчаянно зубрить, без толку, без смысла, дико, глупо, и когда в результате двух-трех часов зубрежки, я мог безошибочно перечесать все немецкие или латинские предлоги или «рассказать» по-немецки перевод, – это считалось, что я «знаю» урок. Но потом, с годами, мне стало жаль тратить 3–4 часа на произнесение «слов», когда их можно было с таким же успехом произнести по подстрочнику или при помощи подсказывания товарищей. И этот способ приобретения школьных «знаний» мне показался решительно самым лучшим.

Но что было в результате? Вообразите, что вы вертите колесо колдунца для того, чтобы зачерпнуть бадьей воду, и вообразите, что вы тоже вертите колесо... но для того только, чтобы вертеть? В первом случае, кроме того, что вы достаете себе воду, вы развиваете еще себе мускулы; во втором случае вы сойдете в конце концов с ума, если не бросите вертеть колесо. Но в конце концов все учение именно и свелось к бессмысленному и бесцельному верчению колеса. Наша духовная жизнь давно уже шла не по катехизису Филарета, но мы продолжали его учить, т.е. говорить непонятные, противные нам слова. Мы, многие из нас, читали уже Ключевского – и продолжали, однако, говорить грязные слова из Иловайского; все мы были убеждены в нелепости древних языков – и мы их учили, упорно и долго учили, получали единицы, и говорили уже совсем непонятные, непривычные слова... Мы превращались в живые ходячие машинки для выцеживания с великими усилиями и потугами заведомо глупых и ненужных слов... И ради чего? И бросающаяся в глаза бессмысленность и ненужность всего, что мы делали и что называлось ученьем, еще подчеркивалась тем, что, тратя время на зубренье, мы оставались невеждами, тратили свое время скучно и глупо – и это сознание наполняло грудь тоской, скукой и апатией.

Понимать и воспринимать можно только то, что воспринимается в силу естественного стремления к какой-либо области знания или искусства. Знать можно только то, к чему есть интерес. Эти два положения просты, несомненны и очевидны. Ясно и понятно, что ничто нельзя навязать человеку помимо его воли, что нельзя заставить его полюбить что-либо помимо его самого, но нас, маленьких, несчастных людей, именно и заставляли, под страхом наказания и под приманкой наград, делать то, что мы не могли делать, любить и понимать, и знать то, что мы не хотели ни любить, ни понимать, ни знать. И это было страшное насилие над нами, это было грубое и жестокое насилие. Мы были похожи на людей, которые сыты, не хотят есть и которым, насильно разжимая рот, всовывая в глотку грязными руками, дают есть недоброкачественную, вонючую пищу. Они не хотят ее есть, они показывают, как могут, что она им противна, а им снова суют ее в рот и заставляют давиться и глотать ее, чтобы потом с тяжелыми усилиями выбросить ее из себя вон непереваренной. Маленькие люди в узких серых курточках, за книгами непонятных и бесконечно чужих Цезарей и грамматик, мы в душе рвались вон из серых стен с большими окнами, называвшихся гимназией.

Дни и недели назад мы жили каждый своей особой жизнью, своими радостями и горем, и эта наша жизнь была понятна и разумна. Она начиналась от того времени, когда мы появились на свет, она шла через особый мир маленьких тревог, радостей и печалей, и все, близкие и родные, признавали нас живущими, а то, что мы делали, – жизнью. Отец, и няня, и мать, и все, знали, что я не люблю играть в солдаты, и ни за что бы не подарили мне, не желая опечалить мой маленький внутренний мир лишним горем, игрушки военного характера. И никто из них не подумал бы заставить меня 5 – 6 часов подряд рисовать красками или устраивать бревенчатую мельницу. Они знали, что я лучше их знаю, когда и во что мне надо играть и когда я хочу рисовать, когда нет, и они не вмешивались в эту мою жизнь, а только создавали известные условия, в которых я мог так жить.

И вдруг, только оттого, что мне исполнилось десять лет, я должен зачеркнуть всю ту дорогу и нужную мне жизнь и начать какую-то новую, с гимназией, вицмундирами, баллами, Валаамовыми ослицами, двумя путешественниками, страдательными залогом и т.п. ненужными и скучными для меня вещами. Теперь, и все оттого, что мне стало десять лет, я должен был, главное и главное, учиться, т.е. вдруг, ни с того ни с сего, полюбить Валаамовых ослиц, *conjunctivus*'ы, катехизисы, тройные правила и т.п. вещи, а ту мою, неизжитую еще, дорогу и милую для меня жизнь, бросить и забыть о ней. И чем лучше я забуду о том, что в весенние дни можно не только писать дик-

танты и переводить с латинского, но и гулять по свежей траве, слушать жаворонков в поле, дышать чистым воздухом весенних полей, чем лучше я забуду об этом, тем – предполагалось – пойдет успешнее моя новая жизнь, называвшаяся ученьем. Днем и ночью должен был я думать о катехизисах и *conjunctivus*'ax, но моя мысль и мысль сотен моих товарищей была бесконечно далеко от всего этого. И механически мы могли все это делать, как может человек механически жевать, когда ему не хочется есть, и мы привыкли механически, не понимая смысла, читать, писать, решать задачи, отвечать и писать диктанты и *extempore*, но эта механическая привычка говорить и думать выбивала и мысль из головы, и жизнь становилась бессмысленно однообразной, тупой и скучной...

В начале моего учения в гимназии мне в солнечный весенний день хотелось убежать из гимназии и смотреть на реку, где в бессильной ярости наскокивают друг на друга прозрачные льдины, а потом с представлением о весне у меня теснее и теснее связывалось представление об усиленной зубрежке к концу года для годового балла, и думы о льдинах и вешнем солнце сменялись думами о последней четверти, латинском языке и классной задаче!

Так бедная душа маленького человека привыкла понемногу к насильственно вводимой в нее пище и привыкла бы совсем, быть может, если бы сама пища не оказалась уж чересчур недоброкачественной.

III.

Мир беспределен, и бесконечно сложна жизнь природы и людей. И когда маленький человек – недавний, новый жилец этого огромного мира – начинает всматриваться в то, что его окружает, это окружающее кажется ему бесконечно разнообразным, полным огромного интереса, у него появляется неугасимое до конца его дней желание все понять, все осмыслить. Тут должна прийти ему на помощь наука – те огромные богатства знания и истины, которые накоплены жившими до него людьми. И по мере того, как у него является стремление понимать и осмысливать все новые и новые явления, – наука оказывает ему в этом все новую и новую помощь, освещает все новые темные, прежде неприметные для маленького человека стороны жизни, природы, Бога. И в этом освещении огромная, страшно ответственная роль принадлежит тому, кто берется своей рукой направлять свет и освещать все, что нуждается в освещении для маленького человека. Что делает в таких случаях школа? Для нее, прежде всего, не существует души маленького человека. Какое ей дело до того, что эта чистая и прекрасная душа рвется к свету и просит этого света, просит озарить светом любви и понимания все еще темные и непонятные ей явления

и стороны жизни, природы и Бога? И в этом своем стремлении она помощи не встречает. Ничья любящая рука не направляет потоки чистого света туда, куда просит детская душа. Мир, люди, жизнь, все-все по-прежнему остается темным для ребенка до тех пор, пока, с годами, он сам не научится освещать все это. Вместо удовлетворения по мере сил этого естественного порыва, этих естественных и понятных потребностей, этих могучих, тревожных запросов детской души, нам давали ненужные нам правила, параграфы, слова, примеры, ничего и никому не могущее объяснить, вместо хлеба нам подавали камень, вместо рыбы – змею.

Чужие и враждебные нам люди, где-то далеко от нас, составляли эти правила, программы и предписания о том, что нам нужно и не нужно знать, и этим нужным и полезным для нас оказывались греческие глаголы, географические названия, непонятные тексты катехизиса, а ненужными и вредными, от чего нас должны были охранять всеми силами, оказывались все те сведения и понятия о природе, жизни и правде, знать которые мы хотели. А другие, хоть и близкие к нам внешне, люди, называвшиеся нашими учителями и наставниками, но в сущности такие же чужие и далекие, выполняли в точности все эти правила и предписания, и чем больше было этих программ и предписаний и чем строже и неумолимее они выполнялись, тем тяжелее становилось жить, тем больше мы начинали ненавидеть то, что они, наши учителя, называли наукой и знанием, тем неумолимее хотелось нам выбраться из тюрьмы, в которой нас держали.

И дело было не в том, что то, чем отравляли наши души и наполняли насильно наши мозги, называлось классической системой воспитания, которую все бранили, в том числе и люди, отдавшие нас ей во власть, – наши отцы и матери, дело было в том, что нам насильно, грубо и упрямо вводили в рот пищу, которой мы не хотели, вливали сквозь наши стиснутые зубы напиток, пить который нам было противно. И все равно, что было этим напитком и пищей – Закон Божий, классические или русский языки, математика или сухой перечень птиц, растений и минералов, называвшийся естественной историей, – одинаково нестерпимо было чувствовать, как каждый день и час пихают в рот пищу, которая противна до омерзения, и требуют – учителя и родители (эти еще упорнее), чтобы ты и сам прилежно и как можно чаще, отплевываясь и стискивая зубы, с позывом к тошноте, пихал эту самую пищу в двойном и тройном количестве себе в рот.

И как страшно и преступно держать в тюрьме человека, когда он рвется пахать и косить, когда он знает, что именно *это* ему надо делать, и хочет делать это, и, благодаря тюрьме, не может, – так было страшно и преступно держать нас за стенами школ, за оградой баль-

ников, классов и учебников, когда каждый из нас хотел что-либо знать, когда у каждого в душе и в сознании был свой особый мир со своими неотвязными вопросами, требовавшими решения, порывами к знанию и любви, требовавшими удовлетворения. Каждый из нас по-своему, с данными ему от природы стремлениями и способностями, искал выхода, исхода, приложения этим стремлениям и способностям, рвался на свет Божий, чтобы там, в его безграничном просторе, при свете знания и правды, найти этот исход, – и вместо него, заключенный и обезличенный в школьных стенах, находил сухие учебники, насквозь пропитанные ложью и ненужностью. И как для того, чтобы скорее выйти из тюрьмы и не удлинить срока тюремного заключения, приходится повиноваться всем глупым и заведомо вредным и ненужным предписаниям начальства, так и нам, чтобы поскорей отбыть наше школьное заключение, приходилось исполнять и делать все, что нам говорили и предписывали те, кто звался нашими учителями и наставниками. Считая все эти программы, учебники и предписания ненужными и лишними, мы не могли спокойно, по необходимости, отдаться им, и обманом, зубрежкой, ложью и притворством мы делали вид, что в точности исполняем все, что требует от нас начальство. Иногда обман раскрывался, обманутые наказывали обманувших, но это не уничтожало обмана, и он продолжал существовать, все расширяясь и увеличиваясь по мере того, как мы становились взрослыми и предписания начальства становились все более и более для нас невыносимыми, а часто и просто невыполнимыми.

В старших классах мы уже сознательно не хотели знать того, чему насильно нас учили, умели уже сами удовлетворять свои духовные нужды, – и обман ученья и послушанья был уже сплошным и общим обманом и ложью.

IV.

Из того, чему нас учили, знать мы не могли ничего, потому что, прежде всего, не хотели знать. Не все ли равно, что будут пихать в рот насильно – мясо или черствый сухарь! Все одинаково противно и все одинаково не остается в желудке. Раз *наша* потребность в знании не была понята и удовлетворена, какое было нам дело до того, что нам дают вместо того, чего мы хотим?

Все одинаково противно, все одинаково не останется ни в сердце, ни в мозгах. Но даже оглядываясь на то, что нам давали насильно вместо желаемого нами, я нахожу, что пища была самая недоброкачественная, и те, кто ее давал нам, знали и ничуть не скрывали от себя ее качества. И если б эти люди, считавшие себя призванными нас учить, и захотели дать нам на своих уроках что-либо похожее на подобие на-

уки или правды, они не могли бы этого сделать: заранее они уже должны были подчиняться в своем деле особым и бесконечным правилам, программам, циркулярам и распоряжениям своего начальства, которое составляло и устраивало все эти правила и программы, имея в виду не наши потребности, не те мучительные и разнообразные наши вопросы о правде, людях и Божьем мире, на которые мы ждали ответа, а лишь интересы поддержания путем школы того общественного и государственного строя, который существовал. А так как в этом строе, для поддержания которого существовали школы, было много дурного и несправедливого, чего никак нельзя было оправдать, то и в тех науках, и в том воспитании, которое должно было вестись по строго определенным и обязательным программам и правилам, было не только многое, но даже почти все сплошь – ложь, обман и зло, которое волей-неволей должны были распространять и поддерживать наши воспитатели и учителя, так как становясь ими, они заранее уже соглашались исполнять все, что предписывало высшее начальство. И, повторяю, если бы они даже хотели внести в наше воспитание что-нибудь свое, хорошее, далекое от программ и правил, они не могли бы этого сделать, так как наше воспитание и образование регламентировалось тысячами циркуляров и программ, установленных высшим начальством, отступать от которых не имел права ни один учитель, за чем строго следили его непосредственные начальники – директор и инспектор. И таким образом оставаясь во власти циркуляров и программ, составленных ради удовлетворения каких угодно интересов, только не наших, мы в школе оставались в сущности и без образования, и без воспитания, и наша потребность в знании и правде оставалась неудовлетворенной.

Но страшно было не то, что ученик выходил из школы без знаний, страшно было то, что школа, подменив и извратив истинное знание и истинную науку подложными и нелепыми и внушив ко всему этому полную ненависть, навсегда или надолго убивала в человеке интерес ко всякому знанию, к истинной науке. Но и это еще не все. Конечно, все это губительно для человека, но только для него одного, другие от этого прямо не страдают. Ужасно было то, что, поверив в свое мнимое знание, мнимое просвещение и образование, человек из-за этого навсегда считает себя и в самом деле образованным и просвещенным и не только считает это, но думает еще, что эта его мнимая ученость, интеллигентность и образованность дают ему несомненное право жить за счет трудового народа, не зная труда, и сознательно, с сознанием своего права, от него отстраняется.

Таким образом, школа, не давая знаний и убивая в людях охоту к ним, создает еще целые тысячи мнимо образованных людей, считаю-

щих себя образованными и, благодаря этой своей образованности, глубоко уверенных в своем праве жить за народный счет.

А потребность знать была у нас широка и по-своему многообразна. И мы удовлетворяли ее свободно, без программ, без правил... Кружки росли за кружками, и в то время как в классе мы с ненавистью твердили наизусть «Клеветникам России» Пушкина и вяло и безжизненно сравнивали в «классных сочинениях» «Медного всадника» с «Шинелью», у нас существовал кружок, где мы читали и горячо обсуждали стихи того же самого Пушкина. И я помню товарища, получавшего в классе единицы за алгебраические задачи, вместо которых он предпочитал читать вслух в классе рассказы Чехова, и который в то же время дома был прекрасным, знающим и любившим свою науку математиком. И росли кружки, где мы учились, и печатались на гектографах журналы, где мы бережно делились друг с другом своими знаниями, которые приобретали запретным путем в книгах, толстых, часто непонятных, но которые становились вскоре и дорогими, и понятными, так как влекла к ним самая чистая и святая жажда знать, научиться понимать и самого себя, и мир, и природу, и правду, и добро, и зло мировой неправды... И то, что мы приобретали из этих книг, из этих ночных бесед за чаем в комнате товарища, совершало двойную, тяжелую работу: разрушало громоздкие, гнилые начатки школьной науки, школьной, официальной, циркулярной правды и нравственности и закладывало в нас прочные и добрые семена той, настоящей, подлинной правды и науки, к которым мы так неудержимо рвались и которые от нас так прилежно скрывали и подменивали в катехизисах, школьных «историях» и «географиях» казенной министерской правдой и наукой.

V.

Мы спасались от циркулярной правды в кружках, в библиотеках и читальнях... Но нас было немного, мы были ничтожная часть всей школы, всех учеников. По счастливым случайностям, некоторым благоприятным совпадениям в условиях нашей жизни мы спасались от школы; оставаясь в тюрьме, мы все же чувствовали себя свободными людьми, мы уже не боялись ее...

Но сколько было других, не спасшихся!

Их отдавали в школу, чтобы они получили там образование, стали «людьми», по житейской терминологии. Часто отдавшие их в школу люди выбивались из сил, чтобы заплатить дорогую плату за учение, чтобы покупать каждый год десятка два рублевых учебников... И эти люди искренно верили, что там, в этих зданиях с учеными надписями, с людьми в очках и вицмундирах, их детей научат всему нужно-

му, необходимому в жизни, сделают из них образованных людей, откроют для них свободную и широкую дорогу в жизни...

И я помню одного такого человека.

Он был сыном артельщика. В гимназию он явился в худых сапогах и подержанном, потертом пальто... Отец его получал в столичном городе гроши. И жизнь его домашних была темная, горькая жизнь нужды, духовной темноты, заботности и грубости. Отец выбивался из последнего – сын учился хорошо...

Казалось бы – человек вырвался из мрака, к людям, которые берутся учить других и учат, выбился туда, где учат многим наукам, из которых каждая в отдельности способна сделать хорошим человеком, привязать к знанию и к правде; казалось бы – свет проник во тьму, и не тьме его загасить...

Но вот что случилось: сын путем долгой зубрежки, неимоверных усилий, дошел до предпоследнего класса и вышел из него, поступил в какую-то контору, так как вместо знания и правды он встретил в школе ту же, далекую от света и правды, тьму и ложь, которая под другим видом была у него в семье, встретил новую систему наказания, издевательств и принуждения, и озлобленный, не вынес всего этого и ушел навсегда из школы... может быть, навсегда и от знания, и даже от правды... И таких замученных школой сотни, тысячи.

Многие из них не бегут из школы, кончают ее, пользуются теми правами и преимуществами, которые дает она, но там, в этих стенах, как заключенные в тюрьмах, они оставляют свои лучшие годы, лучшие мечты оплеванными, осмеянными, разрушенными, и в жизнь они выходят, как арестанты из тюрьмы, измученными, озлобленными, одинокими... Чего ждать им от жизни, когда лучшие их годы безжалостно и безвозвратно вычеркнуты чужой и грубой рукой из их жизни? Как им найти верный и светлый путь в жизни, когда с первых же шагов их завели в глухие дебри лжи и насилия?

И как бы ни устраивали и ни усовершенствовали тюрьмы, и ни заводили вместо одних порядков другие, тюрьмы были и останутся страшными местами гибели людей, раз свободную, имеющую все права на жизнь и счастье личность человека будут во имя чего-то чуждого и непонятого ей, называемого правом и законом, сажать в тюрьму, лишать всего ей нужного и необходимого и давать вместо всего этого скучные, грубые и нелепые приказания, наказания и повеления... И как бы ни называть школу – университетом, гимназией или начальным училищем, и ни изменять ее программы и порядки, и как бы ни называть то, что там делается – наукой, просвещением, воспитанием, добром, до тех пор, пока над личностью ребенка и человека там будут сплошные надругательства, до тех пор, пока во имя каких-то про-

грамм, классов, наук, уроков и баллов ее будут всячески насиловать и извращать и не давать ей свободно и самостоятельно развиваться, до тех пор все то, что называют благом, просвещением, воспитанием, школой, будет злом, обманом, надругательством, тюрьмой...

VI.

Не сразу можно было понять, что то, чему нас учат, есть ложь и обман, и еще труднее было понять, что и весь строй нашей жизни и то, что неверно и лживо называлось нашим физическим и нравственным воспитанием, было тоже сплошной ложью и безобразным, явным обманом. До времени катехизические правила религии и нравственности, патриотические гнусности того, что на языке наших учителей называлось наукой историей, и многое другое – все казалось несомненной истиной. Но это продолжалось недолго; уверенность в полной несомненности всего этого исчезала, конечно, для многих из нас очень скоро, но оставалась зато гораздо более мучительная неизвестность – что именно ложь и что из того, чему нас учили, – правда? Конечно, легко было понять, что не было Вавилонской башни и не от столпотворения произошло смешение языков; легко было понять, что есть что-то неладное в сотворении мира в семь дней; но трудно было решить, да где же границы лжи и вымысла? Где в катехизисе кончается Филарет и начинается Христос? И мысль мучительно билась над тысячами из этих вопросов и долго, долго она была бессильна что-либо хоть отчасти решить и на чем-нибудь остановиться. Нельзя было верить катехизису, когда в 1900 г., по примеру 1832 г., он приглашал рабов (крепостных крестьян) на основании непреложного Божия закона беспрекословно и со страхом подчиняться господам, которых уже не существовало, но и многому еще нельзя было верить, и в то же время страшно казалось не верить, и многое еще казалось вполне достоверным и несомненным, настолько достоверным, что даже не хотелось заглянуть в Евангелие, чтобы там поискать истины. Такое состояние продолжалось года, и сколько потом понадобилось мучительной ломки, сомнений и отчаянья, часто лишних и ненужных, на то, чтобы отряхнуть с себя последние остатки лжи и обмана и найти себе хоть едва приметную, но более или менее верную тропинку к истинной религии и правде.

И то же было с историей, с географией, со всем, к чему прикасалась властная рука программы, циркуляра и школы, – а к чему она не прикасалась?

Для того, чтобы приблизиться к истинной религии, правде и науке, необходимо было сначала забыть, вычеркнуть из памяти и сознания все то, что выдавали нам в продолжение долгих годов за религию и

науку, попытаться снова стать «невеждою», как до поступления в школу, а как это сделать, когда в уши настойчиво лезут новые и новые истины канцелярского происхождения и правда полицейских участков в виде новых учебников «истории», правил, предписаний морали и т.д.?

И даже более: работу изгнания из своей души школьной науки и нравственности приходится производить, в то время как на устах у тебя самого были эти же самые слова, правила и предписания...

И в результате от всего этого у меня и моих товарищей получалась жизнь, от которой на душе была постоянная, упорная тоска, которая незаметно закрадывалась во все изгибы души, отравляя каждую мысль и каждое чувство. Каждое утро я просыпался с тоской и скукой, и каждый час, проведенный мною в гимназии, усиливал их, и это чувство, только временами ослабевая, оставалось весь день, все дни, когда я был в гимназии.

Страшно и тяжело было уже то одно, что на первых сознательных шагах жизни приходилось уже выбрасывать из себя, как негодную и вредную ветошь, все, что оставила на душе школа; не начав еще почти жить, приходилось снова, с большим трудом, начинать новую жизнь, освобождаясь от старой, полной лжи и обмана.

И были сотни товарищей, которые так и не освободились для новой жизни, так и не сбросили с себя ненужной ветоши. В сутолоке учения, подталкиваемые не понимавшими, что они делают, родными, в обмане мнимого дела и мнимого образования они оставались во власти этого обмана, веря, что то дело, в котором они с такими усилиями для себя участвуют, есть, действительно, хорошее и полезное дело воспитания и просвещения, и думая, что та система лжи и обмана, которой учили в школах, есть, действительно, наука и знание. И этот обман оставался уже на всю жизнь. На всю жизнь у них оставалась уверенность, не допускавшая возможности критики и сомнения, что раз известные каменные стены называются гимназией или университетом, люди, которые там учат, – учителями и профессорами, а то, чему они там учат, – наукой, знанием, истиной, – то и в самом деле все это есть наука, знание, истина, просвещение.

И создавался, таким образом, тот ложный взгляд на науку и знание, по которому, как бы ни было далеко все то, чему учат все эти учителя и профессора, от науки и знания, но раз все это называется наукой, а те, кто этому за деньги учит, – профессорами и учителями, то все это и есть, в самом деле, наука и правда. При наличности же такого взгляда не может быть ни науки, ни знания, ни правды...

У нас, как я уже говорил, было ясное, сильное и хорошее стремление к правде и знанию. Оно было разнообразно и не одинаково у всех нас, но одинаково у всех искало выхода. Этот естественный вы-

ход был прост: следовало только делать то, что делают, чтобы облегчить течение реки, т.е., не меняя русла реки, устранить все препятствия на ее пути. Но те, кто считали себя нашими учителями, видели, что мы наукой и знанием и, главное, правдой в глубине своей души считаем совсем не то, что искренне или неискренне считали они; и потому они упорно и настойчиво старались помешать течь реке по ее настоящему руслу, не только не облегчая ее течения, но еще всячески его, затрудняя и отводя его в совсем другую, противоположную ему сторону. Поэтому жестоко и безжалостно преследовались все наши попытки вместе, сообща работать над своим образованием и учиться друг у друга путем чтения, бесед, наблюдений и т.д. И часто, благодаря этому, мы были одиноки и беспомощны в своих попытках найти верную дорогу к правде и знанию; и часто на нас нападало полное отчаяние, полная апатия ко всякому развитию, ко всякой науке, ко всякой правде... А к чему она вела?

К кратким, маленьким запискам, которые находили после того, как звук выстрела стоном и ужасом отзывался в сердцах матери и отца, терпящих сына, и на которых стояло только два слова: «Жить надоело...»

VII.

Школы без науки... Учителя без знаний и без любви к делу... Ученики без охоты учиться... Но что же тогда – причиной постоянного переполнения всех школ, конкурсных экзаменов, процветающих не только в высшей, но и в средней школе? Почему тот, кто не попал в школу, считается несчастным парией, для которого на этом свете все кончено? Почему двери средних и высших школ ломаются под напором желающих туда попасть?

В объяснении всего этого натыкаешься на преступление, самое страшное и тяжелое из всех, которые совершает школьная тюрьма...

Не для науки рвутся люди в эти тяжелые двери школьной тюрьмы, не для науки, уродуя и калеча, заботливые родители пихают туда несчастных детей... Какая там наука?! Нетрудно понять, и большинство понимает это, что в гимназии, в реальном училище, даже в университете немного наберешься науки... Но гимназия дает аттестат, а университет – первый чин, а это – патент на жизнь, право на счастье, право на квартиру, жену и на звание интеллигентного человека.

Какой чечевичной похлебкой кажется мне все это! Сначала дети, потом молодые люди проводят в школьной тюрьме восемь и больше лет, считая, что они учатся чему-то, изучают что-то, без чего нельзя обойтись в жизни; но в то же время они отлично знают, что само по себе это прилежно изучаемое ими на продолжении восьми лет – ничто, не имеет в себе никакого интереса и даже смысла, скучно, глупо

и утомительно; и, зная это, они все же продолжают изучать все это скучное и ненужное, так как это глупое и неинтересное, когда его изучишь, дает возможность быть доктором, адвокатом, чиновником, получать постоянно, всю жизнь деньги за эти не требующие больших усилий и тяжелого труда занятия. А иначе, без изучения всего того, чему учат в гимназиях и институтах, не получив свидетельства об их окончании, рискуешь даже при наличии образования, развития и таланта вести полуголодную жизнь и даже – от чего, Боже, упаси! – спуститься до заработка физическим трудом.

И вот невежественные, лишенные истинного знания, далекие от проблеска правды люди, только потому, что они кончили курс таких-то учебных заведений, считают себя вправе судить и распоряжаться жизнью и даже смертью тысяч и миллионов трудящегося народа, учить его и указывать ему строго определенные и единственно, по их мнению, несомненные пути к правде и свету, указывать ему каждый его шаг, вмешиваться беспрестанно в его трудовую жизнь, создавать для него всяческие препятствия в виде законов, циркуляров, постановлений, налогов и т.д., и мало того: вдобавок за все это они считают еще себя вправе брать с народа последние его крохи для того, чтобы устроить на них для себя жизнь, достойную «интеллигентных» и «культурных» людей, какими считают себя все эти прокуроры, чиновники, педагоги, адвокаты, профессора, инженеры и т.п., т.е. сытую, мещанскую жизнь. Большинство из них навсегда остается при тех самых знаниях и понятиях, с которыми они кончили школу, вышли из школьной тюрьмы, большинство из них – люди без всякой веры и правды, скоро растеривающие в жизни последние остатки знаний и правды, еще не утерянных ими в школьной тюрьме, и все же эти люди считают себя вправе вмешиваться в народную жизнь, иметь и как можно чаще применять свою власть над десятками и сотнями тысяч людей... А одни из этих людей – педагоги, учителя, профессора – считают своей обязанностью еще заниматься выделкой в специально для этого устроенных тюрьмах-школах таких же, как они сами, людей, чтобы до бесконечности продолжать и постоянно пополнять эти запасы чиновников, полицейских, прокуроров, инженеров, нужных кому угодно, только не народу, которым они управляют, который учат, судят и разоряют.

И это огромное, страшное, непоправимое зло происходит оттого, что все эти люди воображают, что они вправе и призваны делать все это, так как они лучше, умнее, образованнее и просвещеннее этого народа, которым они управляют и который берутся учить и судить; а эту уверенность дает им то обстоятельство, что они долго учились в разных школах с разными программами и названиями, в школах, в ко-

торых – предполагается – сосредоточено все, что дает право властвовать над другими людьми: наука, просвещение, знание, образование, разум и т.д. и т.д.

И вот ради этой-то возможности, оставаясь невеждой, жить, не трудясь, и властвовать, и учить миллионы людей, создаются эти проклятые тюрьмы-школы; ради казенных квартир и выгодных мест люди соглашаются там готовить верных слуг старому строю жизни; за эту чечевичную похлебку в будущем родители пихают в настоящем в эти тюрьмы своих несчастных детей, – и что удивительного, если впоследствии, через несколько лет, двери этих тюрем-школ раскрываются вновь, чтобы выпустить в жизнь обездушенных новых кандидатов в «футлярные люди», «недреманные ока» и прочие столпы старого строя?

И что удивительного, если в этих школьных тюрьмах происходит постоянное духовное убийство детей, растление их души и тела, если там гибнут несчастные дети, не в силах вынести тюремного режима? Всякая тюрьма требует жертв – и школьная тоже. Всякая тюрьма готовит новых преступников – и школьная тоже. Обе устроены для спасения и поддержания одного и того же старого строя жизни. Обе одинаковы.

VIII.

И я задыхался в школьной тюрьме. Я чувствовал, что для легких не хватает воздуха. А мысль была жива, работала; и те книги, те немногие люди, которые вливали в душу, загрязненную мутью тюремной правды и тюремной жизни, свежую и чистую струю правды и добра, не давали ей спать, и, тревожная и пугливая, она с ужасом оставалась на том, что было кругом. А был один ужас тюрьмы.

И мысль, и чувство ясно говорили: «Если ты хочешь оставаться здесь для науки и знания, то их – ты сам знаешь – здесь нет; если ты ищешь здесь правды – ее здесь не найдешь, а все остальное, что бы ты мог здесь найти, есть сплошная ложь, зло, обман и неправда в настоящем и будущем».

Этот голос звучал все сильнее и сильнее, и чем больше озарялась светом тюрьма, тем несносней и невыносимей она становилась, и тем необходимее был выход, какой бы то ни было, из того невозможного положения, в котором я очутился.

А очутился я в положении человека, вертящего колесо только затем, чтоб его вертеть.

И выход был найден, простой и нетрудный, найден у человека, как я, измученного долгой и мучительной жизнью в школьной тюрьме. Случайно я прочел прошение одного ученика 2-й рязанской гимназии С., поданное им в педагогический совет своей гимназии. Заявляя о своем уходе из гимназии, этот ученик писал, обращаясь к своим учителям:

Вы формалисты или люди компромисса! Как в том, так и в другом случае вы вожаки слепые! Вот отчего я ухожу. Во что обращены вами эти предметы – история и Закон Божий, более интересные, потому что один учит, как жить, а другой объясняет, откуда произошла современная жизнь. Катехизис доказывает или, скорее, силится доказать, что общественный строй нашего времени согласен с учением Христа, а потому общественное воспитание детей у нас, надо думать, великолепное, ибо Он много заботился о них и прямо называл их «Царством Божиим». Действительно, здесь часто употребляется имя Христа, но еще чаще слова: приличие, честь заведения, честь ученика, правило, циркуляр – слова очень туманные сами по себе и странные, потому что за ними еще следуют слова, но с действием: без обеда, в карцер, позвать родителей, берите бумаги и т.д. И «Царство Божие» негодует и обливается слезами до тех пор, пока не выучится трепетать. Когда же оно отупеет и трепещет, то нет уже у него ни мыслей, ни слез. Науки же тоже вбиваются таким же способом, но с прибавлением еще двух слов: единица и двойка. Таким образом, над головами учеников бушует буря, у которой вместо молнии эти слова и действия. Эти молнии похожи на казацкую плеть, зарекомендовавшую себя на Казанской площади; они есть порождение существующего строя, который представляется мне ужасным животным, у которого на жирных губах висят куски награбленной крестьянской пищи, а руки в крови от избияния студента, рабочего и жида. Оно причиною, что наука извращена, в учение Христа напущен чад из кадилниц, мозги юношей иссушаются. Оно не любит света, ибо разряжено в парчи и золото, которые смочены потом и кровью крестьян. Я не хочу изучать того, что идет из его рук, ибо что может быть хорошего от него? Оно несет только обман и насилие, и они действительно царствуют у вас. Я хочу только бороться с ним.

В этих простых словах была правда, несомненная и очевидная, и, прочтя это письмо, я почувствовал, что эта правда давно уже была во мне, и только не было ей простора, не было выхода, так как и сам я задыхался в душной атмосфере школьной тюрьмы. И немного уже пришлось мне потом, после прочтения этого прошения, думать и раздумывать: как быть? Ответ был ясен: уйти из гимназии, самому искать правды и знания. Другого исхода не было.

Я так и сделал. Из тюрьмы я очутился на воле. И я был не один. Многие и многие такие же, как я, арестанты школьных тюрем поступают так же, уходят из тюрем самим искать на белом свете того, чего не может дать никакая тюрьма: правды, света и свободы. А уходя из этих стен, где бесцельно и безжалостно тратились их лучшие годы, где было пережито столько лишнего, ненужных слез, страданий и горя, уходя отсюда без знаний, с горьким сознанием напрасно истраченных сил и лет,

что иного, кроме осуждения и проклятия, могли послать они школьной тюрьме и тюремщикам-учителям? И это чувство гнева, тоски, разбитых надежд, зря истраченных сил, скорби и проклятия горько и сильно звучит в следующей речи одного из выпускных учеников ковенской гимназии, обращенной им к педагогическому персоналу*:

Я скажу вам, господа педагоги, несколько слов от имени большинства моих товарищей. Восемь лет вы нам читали поучения, позвольте и нам хоть один раз сделать то же.

Восемь лет тому назад мы вступили в стены этого заведения веселыми, жизнерадостными мальчиками, готовыми на высокие порывы, с чистой, открытой для всего хорошего душой. Мы жаждали света, любви и ласки, но вместо хлеба нам дали камень; и вот теперь, по истечении восьми, а для многих и более лет, мы выходим из стен этого учебного заведения, лишённые веры в себя и людей, измученные долголетней борьбой с вами, не приобретя никаких положительных знаний, с горьким сознанием, что мы бесполезно потеряли столько лучших лет нашей жизни. Мы не выносим из нашей гимназической жизни ни одного светлого воспоминания. Ни один светлый луч не освещает этого темного царства невежества и попрания прав личности.

Уходя отсюда, мы все проникнуты одним чувством, это чувство – ненависть к общим условиям жизни, создавшим учебные заведения такого типа...

С этим чувством мы расстаемся с гимназией, с этим чувством расстанутся с ней и все будущие воспитанники подобной гимназии. И все, кто пережил ужас школьных тюрем, согласятся с ним.

IX.

Я попытался рассказать многое из того, что передумал и пережил в школьной тюрьме.

Я и многие другие ушли оттуда... Но эти тюрьмы существуют и растут, и еще долго будут расти, ломая непоправимо жизнь тысяч людей. Что ж делать?

Для того чтобы уничтожить тюрьмы, прежде всего, надо убить саму мысль о том, что тюрьма, плеть и ругательства исправляют и могут быть носителями нравственной идеи; телесное наказание уничтожилось почти повсюду, кроме еще России, не потому, что розги заменили плетью, плеть – шплицрутенами и т.д., а потому, что стала умирать в людях сама мысль о том, что кого-либо можно исправить телесным наказанием; до тех же пор, пока люди старались изобрести вместо одного способа телесного наказания другой, может быть, менее жесто-

* Вечерняя почта, 1905. – №166.

кий и не касались самой мысли о невозможности для человека телесного наказания, телесные наказания существовали и даже, с изобретением новых способов, становились все более и более жестокими. Так и для уничтожения тюрем и их ужаса и тех страданий, которые они причиняют людям, надо не изобретать новые системы и формы тюремного заключения, по виду, а не на самом деле, как будто менее тягостные для заключенных, а уничтожить, искоренять в людях саму мысль о возможности строить тюрьмы и сажать туда людей. То же самое и со школьной тюрьмой. Не придумывать новые программы, циркуляры, правила, системы, методы и школы нужно, а всеми силами стараться укрепить в людях ту несомненную, очевидную и простую истину, что там, где производится постоянное грубое насилие над личностью ребенка и человека, где с малых лет, во имя политики и науки, ломают его характер, способности, волю и здоровье, где не дают ему спокойно и свободно развиваться и жить, – там всегда будет не школа, а тюрьма, т.е. место гибели, ужаса и разврата. Только тогда падут, и навсегда падут, стены школьных тюрем, когда мысль о бесконечной, великой ценности всякой личности вообще, а личности ребенка в особенности, будет всеобщей; только тогда проклятие и ужас тюрьмы не будут царить в школьных стенах, когда в сознании всех будет считаться преступлением всякое посягательство на личность и свободу ребенка, во имя каких бы целей – политики, науки, нравственности, религии – оно ни было... И первое дело тех, кому дорога личность человека, в ком есть хоть капля великой Христовой любви к детям, – это словом и делом содействовать великому делу разрушения школьных тюрем. А будут они разрушены, когда исчезнет сама мысль об их полезности и необходимости.

С разрушением же этих тюрем-школ само собою падет и то ложное представление о науке, знании и просвещении, которое у огромного большинства людей неразлучно с представлением об университетах, профессорах, гимназиях, ученых степенях и т.д. А с падением этого обмана мнимой науки, мнимого образования и просвещения разрушится и современная каста ученых и, – что главное всего, – уничтожится до основания право одних людей судить, учить и властвовать над другими людьми только потому, что они побывали в разных школах и университетах и называют себя чиновниками, профессорами, прокурорами, инженерами и т.д.

И никакой прогресс, никакая свобода не могут существовать без уничтожения этого губительного права; и народное освобождение будет прочным и действительным только тогда, когда трудовому народу не придется уже платить многих миллионов рублей на содержание тех

ненужных и часто вредных ему людей, которые только потому, что, побывав в разных школах с мнимой наукой, считают себя умнее, образованнее и лучше его, считают себя вправе судить и учить этот народ, писать для него законы, всячески вмешиваться в его жизнь – и все это помимо его воли. А произойдет это великое народное освобождение от мнимой науки, мнимого просвещения и мнимых просветителей, судей и радетелей только тогда, когда будет уничтожен первый источник этого зла – школа-тюрьма с мнимым ее просвещением, основанным на насилии и лжи, с ее непрерывным убийством и калечением детей и превращением их в чиновников и т.п.

И поэтому проповедь словом и делом разрушения тюрем-школ и искание новых, свободных путей просвещения и воспитания – есть первое, величайшее и необходимое дело всех, кто имеет детей, кто любит детей, для кого наука и знание – не пустые слова, кто любит народ и свободу...

А дело тех, кто, сознавая зло и неправду школьных тюрем и страдая от них, мучаясь непрерывно, все же остается в них, – уйти оттуда, как можно скорее уйти...

В школах-тюрьмах не место тем, кто хочет войти в жизнь свободным человеком, кто хочет освободить народ, а не поработать его... Насилие и зло строят тюрьмы, и строятся они для народного порабощения, и тот юноша, который хочет бороться со всем этим, должен сам уйти из рассадника зла и обмана... Свободным он должен войти в жизнь, а для этого он должен бежать из стен школьной тюрьмы и навсегда порвать с той наукой, тем просвещением, которые там процветают... Иначе он навсегда рискует остаться одним из многих поработителей народа. За стенами же школьной тюрьмы он найдет жизнь, знание и свободу...

И если когда-нибудь будут разрушены тюрьмы и камня на камне не останется от темниц и острогов, – это произойдет тогда, когда рухнут школьные тюрьмы и не убийство и растление личности и жизни детей будет называться воспитанием и просвещением. Дети, выросшие на свободе, не обезличенные, не приниженные, не обманутые, не испытывавшие тюремного заключения, не потерпят, чтобы каменные стены тюрьмы загораживали собою свет и солнце и не пропускали воздух, и не пускали на волю многие тысячи и тысячи людей.

Освободите сперва детей – и взрослые будут свободны. Разрушьте школьные тюрьмы – и падут все остальные!

Печ. по: Дурьлин С.Н. В школьной тюрьме. Исповедь ученика. – 2-е изд. – М., 1909.

Христина Даниловна Алчевская
(1841 – 1920)

Педагог-просветитель, литератор.

Из дневников

«Я родилась в Борзне Черниговской губернии. Отец мой был учителем уездного училища, а мать внучкой Господаря Молдавии...дочь заслуженного генерала, героя двенадцатого года, получившая блестящее образование в Смольном институте, обладавшая большими средствами... Она принесла все это в дар скромному учителю, отличавшемуся необычной красотой и недюжинным умом. Я обожала мою мать, как существо любящее, порывистое, со светлым умом и даром «привлекать сердца людей». Отца я не любила – это был черствый эгоист, минутами несправедливо обижавший мать, что страшно вооруужало против него мое детское сердце... (С. 23.)

...Он не любил нас, детей; а братьев моих нещадно бил, и один из них, вследствие этого, вырос совершенно чахлым человеком: когда он был совсем маленьким, отец схватит его, бывало, за ручонку, подымет в воздух и бьет, пока ребенок посинеет и пока я, разъяренная, не брошусь отнимать его... (С. 26.)

...Нас было трое: я и два моих младших брата. Когда же мы подросли, отец решил пригласить к братьям какого-то бедняка-семинариста за 5 рублей в месяц, (все большое состояние моей матери было уже тогда прожито им, и мы существовали на скудное жалованье). Я с любопытством вслушивалась в эти переговоры; мать настаивала на том, чтобы и меня учить грамоте, но отец был страшно против этого; он говорил язвительно: «зачем девчонке грамота? Чтобы писать любовные записочки!»

Как и всегда, мнение его взяло верх. Участь моя была решена, и никто не видел, как, забравшись в темный уголок одичалого сада, рыдала маленькая девочка, лишаясь права учиться, чего так хотелось ей. Но девочка эта отличалась настойчивостью в достижении цели: как только приходил семинарист и начинал занятия с мальчиками, она подкрадывалась к запертой двери, немножко приотворяла ее и с жадностью ловила каждое слово учителя. Таким способом она научилась читать и писать раньше, чем братья...» (С. 27.)

*Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое.
Дневники, письма, воспоминания. – М., 1912.*

Девочка с куклой. 1890-е гг. Н.А. Ярошенко

Из дневника 1871 – 1872 года. 21 августа 1871 г.

«Умерла Мария Носенкова, и невозможно вспомнить без грусти причину этой ранней смерти.

...Носенкова была любимицей учительницы старшего класса (женской гимназии) и вообще вызывала симпатию и участие выражением своего бледного задумчивого лица. Она обыкновенно просила «книжечку погрустнее» или «описание страданий великомучениц Варвары, Екатерины» и т.д. Я поинтересовалась узнать домашнюю обстановку Носенковой и узнала следующее: мать Носенковой, такая же бледная и больная женщина, шьет шубы; отец пьяница, ... шестеро малолетних детей на иждивении двух женщин – сестры и матери, – понятно, сколько труда выпало на их долю. «И сама вижу, – говорила мне мать глубоко печальным голосом, – что заедаем мы ее жизнь этой работой, да некуда деться!»

Действительно, податься было некуда, и кончилось так, как и следовало ожидать: побои и брань пьяного отца, страдания болезненной

матери, плач голодных детей – все это в придачу к тяжелому труду надорвало-таки силы... Вероятно, школа являлась для нее единственным местом отдыха – недаром она так любила ее...»

Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. – М., 1912. – С. 5.

Николай Александрович Варенцов

Об обучении и воспитании учеников – будущих купцов, предпринимателей

...К своим служащим приказчикам, ученикам-«мальчишкам» относились хотя строго, но справедливо, напрасно не обижая их, что те отлично чувствовали и понимали, что хозяева строги для их же пользы, с полным желанием сделать из них в будущем таких же купцов, как их хозяева. Хозяева действительно не боялись, что они из них готовят в будущем себе конкурентов, говоря: «На наш век всем дела хватит!»

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 592 – 593.

...В моей жизни был такой случай: моя матушка предложила в 1906 году одной своей знакомой женщине, только недавно овдовевшей, переехать к ней на квартиру с ее сыном Борисом, так как знала, что ее умерший муж по фамилии Франц не оставил им ничего; и этой женщине, урожденной русской, пришлось заняться рыночной торговлей, от которой пользы оставалось только на пропитание. Комната с отоплением и освещением была отдана ей бесплатно.

Я обратил внимание на этого мальчика Бориса, ему было лет 10 – 11, учился он в городском училище, и очень хорошо. Его в доме все хвалили за его хороший характер и добрый нрав, а потому, когда он кончил школу, взял его в Товарищество, где я был директором, в качестве «мальчика» - ученика при амбаре. Он быстро освоил дело и скоро начал исполнять должность приказчика, а потом и коммивояжера. Я им и его поведением поинтересовался и от других приказчиков, близких к нему, старался узнавать их мнение о нем. Отзывы о нем были все очень хорошие, только в укор ему ставили жадность. В то время, когда служащие пили чай и закусывали приносимой лоточником разной снедью, Борис кроме чая и черного хле-

ба, приносимого из дома, ничего не ел, про него говорили, что он имеет уже деньги, и многие служащие и артельщики брали у него займы и платили ему проценты...

Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Вступ. статья, сост. подг. текста и коммент. В.А. Любартович и Е.М. Юхименко. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 599.

Михаил Фёдорович Фроленко (1848-1938)

Революционер-народник. Член подпольного политического кружка «чайковцев», участник «хождения в народ» в 1874 – 75 гг., организатор побегов многих революционеров. Один из организаторов революционной террористической организации «Народная воля», постоянный член Исполнительного Комитета этой организации. «Венцом» его деятельности, стала подготовка покушения на императора Александра II, совершённого 1 марта 1881 года. В 1882 г. осуждён на пожизненную каторгу, которую отбывал в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Освобождён по всеобщей амнистии политическим заключённым в 1905 году. К этому времени один из старейших революционеров в России. Оставил мемуары.

Ниже приводятся его воспоминания о детстве и годах обучения в Ставропольской мужской классической гимназии*.

Родился я в Ставрополе осенью 1848 года в третьей солдатской слободке – так называлась улица. Там был у нас свой дом.

Мой отец – отставной фельдфебель, или «кандидат», отказался от офицерского чина, чтобы не продолжать службу и поступил смотрителем на угольные шахты. Эти шахты разрабатывались казной и находились в ста пятидесяти верстах к югу от Ставрополя, в десяти верстах за укреплением Хумара.

Недалеко высился Эльбрус, вблизи протекала Кубань. Вокруг были поселения черкесов. Такова была обстановка этих шахт, с которой мне пришлось познакомиться в детстве.

Лица отцовского я не помню: он женился уже пожилым и умер, когда мне было 6 – 7 лет. Но отдельные случаи сохранились в памяти. Это был большой, добродушный человек. По словам матушки, он временами пил запоем и от перепоя умер раньше времени. <...>

*Текст представлен, с незначительными сокращениями, по материалам газеты «Наш край» (г. Ставрополь), 1908. – № 28 – 29.

Отец в моё воспитание мало вмешивался, и только однажды, помню, вздумал поучить меня уму-разуму. Я сильно порезал себе руку, матушка бросилась перевязывать, а отец, схватив хворостину, со словами: «не балуйся с ножом», хотел уже приступить к ученью, как хворостина, выдернутая из его рук, полетела в окно.

Матушка не разделяла общего взгляда того времени на полезность палок, она сама не била детей и отца от этого удерживала. И хотя она была моложе его, он уважал её и слушался. По своему развитию она была выше его, и моё воспитание всецело шло под её влиянием. <...>

Нас было трое: матушка, я и сестра. Доходов же получалось 2 рубля пенсионных и 7 – 8 рублей от квартирантов. Этого было недостаточно, и матушка восполняла дефицит работой на более зажиточных соседях. Никакой работы она не боялась и не стыдилась, поэтому наша жизнь в посторонних и соседях возбуждала даже зависть.

В доме всегда тишина, порядок, чистота. В будни все одеты опрятно, в праздники весьма прилично, однако, избегая всего лишнего, показного. В этом случае матушка предпочитала больше тратить на пищу, на то, чтобы дети были сыты, чем на наряды. Она умела хорошо готовить, несмотря на скудные средства, и ухитрялась всегда делать два сытных блюда, а в праздники даже три.

Хождение по соседям, занятие сплетнями у нас недолюбливалось, и мы трое отлично чувствовали себя дома, когда после обеда собирались в одной комнате.

Я учил уроки или читал вслух, сестра вышивала, матушка, убравшись по дому, или покончив с мытьём чужого белья, присоединялась к нам, взявши теперь уже чистую работу: шитьё, вязание и т.д. <...>

Поучала она нас, не изрекая заповеди, запреты, и не угрозами наказания, а на примерах из жизни и фактах. Добивалась она этим того, что я и сестрёнка, больше боялись простого недовольства её, чем иные дети боятся битья.

В играх мы с сестрой не только не стеснялись, но ещё иногда и матушка принимала участие в них. <...>

Кончив училище первым, с похвальным листом, в гимназию я, однако, поступил лишь во 2-й класс, вместо 4-го, причиной тому были языки и зоология, которые проходили в низших классах гимназии. Это обстоятельство имело и другие вредные последствия. Зная больше товарищей, я привык готовиться бегло, просматривая учебники лишь на переменах.

Затем, легко переходя из класса в класс, я часто терял тех товарищей, с которыми успел хорошо сойтись на первых же порах. Благодаря этому у меня не было больших знакомств, и я держался особняком. Зимой сидел дома, водил голубей, летом же с ружьём бродил по лесу, по полям или возился в саду с огородом.

Относительно чтения, дело у меня тоже обстояло плохо. В училище, хотя и была небольшая библиотека, но из неё выдавали лишь на каникулы. Здесь я познакомился с мелкими рассказами Гоголя и полным «Робинзоном», прочтённым с захватывающим интересом. Дома, для сестры, приходилось переписывать «Демона», слушать чтение и самому читать «Путь ко спасению» (жития святых) и Евангелие. Вот и всё пока.

В гимназии из библиотеки стали выдавать какие-то книги, но быстро прекратили, и я запомнил лишь о Гарибальди и его подвигах.

В третьем классе гимназии товарищи-пансионеры затеяли свой журнал и по вечерам стали собираться в одном классе для чтения. Попал и я туда. Походил вечера три, а там дело расстроилось и больше не возобновлялось. Журнал замер.

После этого, вплоть до шестого класса, книги, попадавшие мне, были наперечёт. Это несколько книг журнала «Библиотека», если не изменяет память, басни Крылова, «Путешествие к Северному полюсу», и самое главное – хрестоматия Филонова. Это была настольная энциклопедия, по которой я знакомился со всеми поэтами и писателями. Тут «Шильонский узник», «Полтава», «Мцыри», и особенно «Тарас Бульба», перечитывались много раз.

С Достоевским, Тургеневым и Некрасовым началось знакомство в шестом – седьмом классах. Газет не читал до самого Питера. Из журналов попадались отдельные номера «Отечественных записок» и «Вестника Европы». Последний оказался сухим, учёным, скучным. <...>

К концу моего гимназического курса и в Ставрополе появилась городская библиотека, где легко можно было добывать книги, журналы, но у меня не было сильного влечения к ним, и лишних денег на плату. Поэтому, до самого конца курса, книги попадали ко мне случайно, от товарищей и знакомых.

И не в них суть. Лучшей книгой был переживаемый момент. Освобождение крестьян, реформы, обещание новых реформ, затем попятное движение – всё это возбуждало толки, надежды, критику, разочарование. Всё это носилось в воздухе, ловилось, усваивалось и оставалось надолго в душе. Всё это, вместо книги, сослужило службу в моём развитии.

Благодаря этому да тому воспитанию, что я получил в детстве, о котором сказано выше, мне кажется, легко объяснить причину, что я без всякой ломки, естественно вошёл в революцию, начав ещё в гимназии неглубоким, мало продуманным нигилизмом.

Отрицательное отношение к дипломам, к карьере; простота в одежде, в жизни, честность, неопределённое стремление послужить народу, отчизне, любовное отношение к угнетённым. Неверие, или лучше сказать отрицательное отношение к обрядам церкви.

Вот и всё, с чем вышел я из гимназии. Закончил я её в 1870 году, четвёртым по классическому отделению.

Материалы периодической печати

Физическое воспитание

В Одессе учреждается общество, подобных которому еще не было. Состоялось собрание – 60 чел. Преимущественно профессоров университетов, педагогов СУЗов. Выделяются следующие пункты:

- безвозмездно заботиться о развитии силы и ловкости воспитанников и о физическом здоровье всех детей вообще;
- поставить на надлежащую высоту культуру человеческого тела;
- уделять в школах больше времени на детские игры и физические упражнения;
- отвести участки для строительства детских домов.

Неделя. 1869. – №3.

Объявление от «Русской книжной торговли»

Невский просп., д. Армянской цер. №42. Об издании в будущем 1870 г. журнала «Детское чтение» (год второй).

«Детское чтение» будет выходить в будущем году ежемесячно книжками от 3 до 4-х печатных листов по следующей программе:

1. Небольшие повести и рассказы. – Очерки из народной жизни и быта промышленников. – Биография.
2. Статьи по естественной истории. – Явления природы. – Путешествия.
3. Технические производства и промыслы.
4. Игры, задачи, занятия и пр.
5. Библиографический указатель, содержащий разборы вновь выходящих детских книг указания для решения задач и т. п. Указатель печатается на отдельном листке и назначается для родителей и воспитателей.

Неделя. 1869. – №23.

Из Ставрополя Кавказского

24 января здесь застрелилась гимназистка 5 класса Старосельская 15 лет. Истинную причину самоубийства, кажется, еще никто не знает. Рассказывают, что в этот день одна классная дама заметив, что Старосельская сидит не «по форме», предложила ей «поправиться», на что Старосельская будто не обратила никакого внимания; огорченная непослушанием классная дама «пожаловалась» исполняющей обязан-

ности начальницы; последняя так же предложила Старосельской «поправиться», но когда и тут девочка не послушалась, начальница приказала ей оставить гимназию и не приходить, впредь до решения о ее поступке Совета...

Неделя. 1878. – №7.

Заявление Н. Д. и А. О. Кавилиных

«Более восьмидесяти лиц, в том числе двадцать две бывших ученицы Васильеостровской женской гимназии, собрали по подписке между собою капитал в 1,200 рублей на учреждение при названной гимназии ежегодной.

Неделя. 1878. – №8.

Пересмотр стипендий (письмо из Самары)

Самарское земство много сделало для народного образования. Открыло фельдшерскую школу, оказывало пособие женской гимназии и учредило стипендии в университетах. В 1874 г. – на все роды образования самарское земство 24,025 р.; в 1884 г. – 34,533 р.; 1894 – 39,446. На стипендии в университетах в 1874 г. – 1,000 р.; в 1884 г. – 2,100 р.; в 1894 г. – 1,300 р.

Стипендии самарское земство выдавало без всяких обязательств, не требуя ни возврата денег, ни службы.

Потом гласный Племянников требует прекращения выдачи пособий в женской гимназии в 2,500 р.

В 1887 г. – граф Толстой, требует закрытие школы сельских учительниц.

Затем в 1890 г. – гласный И. А. Сосковский предложил упразднить стипендии в университетах.

Неделя. 1889. – №5.

Гимназисты и гимназистки

Как известно, с внешней стороны мужская гимназия – родные дети, женская – только О мужских гимназиях заботятся, о женских гимназиях далеко не в той мере. Труд преподавателей в женской гимназии – оплачивают скудно и вообще деньги на гимназию – скудно. В мужских гимназиях – о нравственности гимназистов в отличие от женских.

Неделя. 1889. – №30.

Городские дети

Издан указ о введении в министерских учебных заведения преподавания гимнастики, глава города предложил сделать то же и в городских начальных училищах СПб.

Указ издан в связи с полным отсутствием физического воспитания.

Неделя. 1889. – №39.

Природа и школа

Петербургский родительский кружок посвятил заседания – разработке вопроса о вредном влиянии, какое оказывает на детей современная школа и мероприятиям могущим улучшить санитарное состояние. Меры уменьшения вреда школы: организация постоянного санитарно-медицинского надзора в школах, уменьшение занятий, горячие завтраки, игры на свежем воздухе, экскурсии, увеличение каникул. Теснота и пыль, главные враги учеников, также недостаток света. Есть, как отдаленный идеал – признать перенесение учебных заведений за город, как сочетание физического, духовного и умственного воспитания.

Неделя. 1889. – №49.

О детских играх

Интерес педагогов и школьных учителей к физическому воспитанию своих учеников вообще и их играм в частности может выразиться не в одном только том, чтобы обременить детей новым предметом преподавания, а в том, чтобы дать им тот досуг и тот просмотр, которые нужны для свободной игры. От участия педагогов в поощрении страдают интересы этого воспитания.

Неделя. 1891. – №6.

К вопросу о переутомлении

Признается сам факт переутомления и лишь в обсуждении мер к устранению этого явления обнаруживается некоторое разноречие: одни видят все зло в существующих методах преподавания, другие в непригодности обычного педагогического персонала и только не многие останавливают внимание на существующих программах многочисленных предметов средней школы.

Неделя. 1892. – №41.

Облегченные уроки

Министерство народного просвещения издало закон, в котором указывается на то, что по собранным сведениям ученики гимназии тратили на домашнее задание по 4, 5, 6 и даже 7 часов высказывается против такого обременения учащихся и предписывает педагогическим советам гимназий так распределить занятия, чтобы каждый день ученики были вынуждены готовить дома уроки не более как по трем предметам.

Неделя. 1892. – №48.

Владимир Алексеевич Гиляровский (1853 – 1935)

Журналист, репортер, посвятивший несколько десятилетий своей жизни этой творческой профессии. Обладал превосходным даром вращаться в событие, свидетелем или участником которого он был, умением мгновенно устанавливать контакт с любым человеком, который его интересовал. Его биография во многом схожа с биографией М. Горького. Он с полным правом мог сказать о своей жизни: вот мои университеты. Видел жизнь во всех ее проявлениях и гранях, познакомился с множеством людей во всех слоях общества. Узнал народ, то самое «простонародье», к которому так высоко относились в «высших сферах», постиг народную душу.

Мои скитания

...Из учителей останется в памяти у всех моих товарищей, которые еще есть в живых, учитель естественной истории Порфирий Леонидович, прозванный Кам-балой.

Это был длинный, худой, косой и лопоухий субъект, при ходьбе качавшийся в обе стороны. Удивительный мечтатель. Он вечно витал в эмпиреях, а может быть, вечно был влюблен. Никогда не садился на кафедру. Ему сносили кресло к первой парте, где он и располагался. Сядет, обоймет журнал, закатит косые глаза в потолок и переносится в другой мир, как только ученик начнет отвечать. В мечтательном состоянии так и летели четверки и пятерки. Только надо было знать первые строки спрашиваемого урока, а там – барабань, что хочешь: он, уловив первые слова, уже ничего не слышит. ...

Гиляровский В. Мои скитания. – М.: Правда, 1987. – С. 49.

... Засецкий, первый ученик, отвечает великолепно и получает ту же пятерку, что и я... Класс уже при-учен, и что ни ври,– сме-

ется тихо, чтобы не помешать товарищу. Так преподавалась естественная история. Изучали мышей и крыс. Мы принесли с десятка мышей и мышат, опустили их в форточку между окнами, и они во мху, уложенном вместо ваты, жили прекрасно. На веревочке спустили им баночки с водой, молоко и бросали всякую снедь. И когда раз Камбала, поймав в незнании урока случайно остановившегося посреди ответа ученика, на него раскричался и грозил единицей, – мы отвлекли его гнев указанием па мышей. Камбала расчувствовался и долго рассказывал, стоя у окна, о мышах, потом перешел на му-равьев, на слонов и, наконец, когда уже раздался звонок к перемене, сказал:

– Милые зверьки... Только я думаю, что их сто-рожка разгонят...

– Да мы, Порфирий Леонидович, не покажем их...

Но как раз в эту минуту влетел инспектор, уди-вившийся, что после звонка перемены класс не выходит; – и пошла катавасия! К утру мышей не было.

– Гадов развели, озорники беспутные, – ругал нас сторож Онисим....

Гиляровский В. Мои скитания. – М.: Правда, 1987. - С. 50.

... Зима была холодная. Нежностей, вроде нехождения в класс, не полагалось. В 40 градусов с лишком мы также бегали в гимназию, раза два по дороге оттирая снегом отморожен-ие носы и щеки, в чем также нередко помогали нам же сторожа, Онисим и Андрей, относясь к помороженным с отеческой нежностью. Бывали морозы и такие, что падали на землю замерзшие вороны и галки, вот кто-то из наших второклассников принес в сумке пару замерзших ворон и, конечно, в класс. Птицы отогрелись, рванулись – и прямо в окно. Загремели стекла двойных рам, класс наполнился холодом, а птицы улетели. Тогда отпустили всех по домам, а на другой день второй класс и нас почему-то продержали два часа после занятий. За что наш класс, так и не знаю. Но с тех пор в морозы боле 40 градусов нас отпускали обратно. Распорядиться не приходится в 40 градусов совершенно в гимназию было нельзя, потому что на весь наш губернский город едва ли был десяток градусников у самых важных лиц. Обыкновенные обыватели о градусниках понятия не имели. Вешать же на каланчах морозные флаги никто и не додумался тогда.

Кроме Камбалы, человека безусловно доброго и любимого нами, нельзя не вспомнить двух учителей, которых мы все не любили. Это были чопорные и важные иностранцы, совершенно непохожие на всех остальных наших милых чиновников, в засаленных синих сюртуках и фраках, редко бритых, говоривших на «о». Влетали нам от них

иногда и легкие подзатыльники, и наказания в виде стояния на коленях, все это делалось просто, мило, по-отечески, без и холодности. Учитель французского языка м-р Ранси, всегда в чистой манишке и новом синем фраке, курчавый, как пудель, говорят, был на родине парикмахером. Его терпеть не могли. Немец Робст ни слова не знал по-русски, кроме: «Пошелъ на уколь, свинь рюски», и производил впечатление самого тупоголового колбасника. Первые его уроки были утром, два раза во втором классе и три раза в третьем. Для первого начала, когда он появился в пашей гимназии, ему в третьем классе прочли вместо молитвы: «Чижик, чижик, где ты был» и т. д.

Это было в понедельник. Второй класс узнал – и тоже «чижика» закатил. Так продолжалось с месяц. Вдруг на наш первый урок вместе с немцем ввалил-ся директор.

– Читай молитву, – приказал он первому ученику. И тот начал читать молитву перед учением. Немец изумленно вытаращил белые глаза и спросил:

– Пашиму не тшиджик-тшиджик?

Дело разъяснилось, и вышел скандал. Конечно, я сидел в камере, хотя ни разу не читал ни молитвы, ни «чижика». В том же году, весной, во второй половине, к экзаменам приехал попечитель округа князь Ливен. Железной дороги не было, и по телеграфу заблаговременно, то есть накануне приезда, узнало начальство о его прибытии. Пошли мытье и чистка. Нас выстраивали в классе и осматривали пуговицы. Мундиры с красными воротниками с шитьем за год перед этим отменили, и мы ходили в черных сюртуках с синими петлицами. Выстроили нас всех в актовом зале. Осмотрели маленьких. Подошли к шестому и седьмому классам, директор с инспектором и заволновались, зажестикуютировали. И смешно па них, маленьких да пузатеньких, было смотреть перед строем рослых бородатых юношей.

Гиларовский В. Мои скитания. – М.: Правда, 1987. - С. 51 – 52.

Влас Михайлович Дорошевич (1864 – 1922)

Принадлежит к когорте «золотых перьев» отечественной журналистики. Заметная величина в общероссийской общеполитической и культурной жизни. Мастер фельетонов, судебных очерков, путевых заметок, обзоров театральных сезонов, юмористических рассказов и поэм, которыми зачитывались современники.

Не ждали. Фрагмент. 1884. И.Е. Репин

Маленькие чиновники

Я берусь за перо для того, чтобы защищать теперешнюю среднюю школу. Не троньте этих кругов! Этих восьми кругов маленького гимназического ада!

– Я больше не знаком с Карлом. Карл негодяй; «он не знал родительного падежа от слова «domus».

Так рассуждали два маленьких школьника, когда Гейне выезжал из Дюссельдорфа.

У нас Гейне этого бы не услышал!

– Скворцов Евдоким – зубрила! Он знает даже, как склоняется слово «domus».

Бьют зубрил, и истинные герои сидят на последней скамейке.

Поколениями школьников выработалась традиция, что истинный негодяй это тот, кто всегда учит уроки. К нему относятся так, как в департаменте относились бы к чиновнику, который стал бы моментально предупреждать всякое желание начальства, который таскал бы ра-

боту к себе на дом, не пил бы, не ел, не спал, чтоб только выполнить приказания начальства.

– Выслужиться хочет, каналья!

Первый ученик – изменник класса. Гнуснейший из изменников. Он для того и зубрит исключения, чтоб подвести своих товарищей.

– Вы не успели приготовить урока? А почему же Скворцов Евдоким успел?!

Первый ученик – первый не только по отметкам, но и по количеству получаемых щелчков.

Зато ученик, который списывает все extemporalia, уроки просматривает во время перемен, отвечает не иначе, как с подсказкой, и даже книг домой не носит, а оставляет их в парте, – предмет удивления, благоговения, зависти всего класса.

У нас нет средней школы, у нас есть канцелярия, в которой маленькие чиновники отбывают восемь лет тяжелой, утомительной, скучной службы. И никто не ходит учиться. Ходит отбывать ужасную повинность:

– Потому что это необходимо.

Прослужишь восемь лет в гимназистах, дослужишься до студента. Точно так же, как папа, пробыв десять лет в коллежских секретарях, дослужился до надворного советника.

Тихо туманное утро столицы... По улице медленно ползет маленький клоп-гимпазист. Ранец за плечами, много дум в голове:

«География нынче не вызовет: в прошлый раз вызывала. Арифметику подзубрю во время большой перемены. Латынь... Семенову щелчков падаю, чтоб дал extemporalia списать! Немец не велик черт, да и Шустер Карлушка, немчура, подскажет. Всё!»

А в это время отец этого клопа, кутаясь в ватное, поношенное пальто, идет на службу и рассуждает:

«С докладом сегодня не ходить, доклады по четвергам. Значит, эти бумаги можно пока я в сторону. Резолюцию по делу № 000 надо заготовить. Ну, это можно на Иванова 32-го прикрикнуть: «Что вы баклуши бьете? Сядьте-ка вот да заготовьте резолюцию. Лучше будет». Дело за Л° 00... можно будет при отношении в другое ведомство послать, оно и с рук долой. Надо только отношение позаковыристее написать. Ну, это можно Иванову 35-му дать. Человек старательный, ему выдвинуться хочется. Кажется, и всё?»

Скажите, велика ли разница между сыном и папашей? Между департаментом и гимназией? Между отношением к науке и отбыванием канцелярской повинности?

Да и откуда этому клопу набраться другого отношения к науке?

Зачем непременно нужно знать, что глагол «кераннными» употреблялся древними греками за 1000 лет до рождества Христова для обо-

значения «смешивать» вино с водой! Когда древние греки смешивали муку с песком, они прибегали для этого к другому глаголу. Зачем знать это, когда и греки эти уж давным-давно померли, да и вина этого нет, и смешивать теперешнее вино нечего: оно уж смешано. Зачем? Никто в целом мире не даст на это ответа пытливому уму маленького мальчика.

Мама...

Я беру среднюю семью. Милую среднюю семью, где при детях говорят правду. Есть высшие семьи, где при детях ведут педагогические разговоры, то есть лгут. Так с детства детская душа отравляется ложью в педагогических целях. В этой высшей семье, если мальчик спрашивает за вечерним чаем отца:

– Папа, для чего мне нужно знать, что глагол «керанними» древние греки употребляли только тогда, когда делали крошон... то есть, я хотел сказать, когда смешивали вино?

Отец делает очень серьезное и наставительное лицо:

– А как же, это весьма важно... Это необходимо знать, во-первых, для того... Гм... для того... вообще шел бы ты в детскую! Девять часов!

И у мальчика, если он не безнадежно глуп, невольно мелькает в голове совершенно логический вывод:

«Какой, однако, папа болван! Говорит, что очень важно, а почему – не знает!»

И когда мать, по выходе сына, замечает:

– Зачем ты его выгнал? Отчего было не объяснить ребенку?

Отец только разводит руками.

– Да господь его знает, зачем необходимо знать этот гнусный греческий глагол. Решительно, кажется, незачем! Но ведь нельзя же говорить этого детям! Семья должна поддерживать, а не разрушать авторитет школы!

Так делается в высших семьях, живущих по принципам, а в средней семье, где живут только на жалованье, это происходит иначе. <...>

...Раз в жизни я солгал так бессовестно, что затем двадцать пять лет краснею.

Это было в гимназии. Нас посетил товарищ министра, погладил меня по голове и, меланхолически глядя на меня своими добрыми глазами, почему-то спросил:

– Какой язык ты больше любишь: латинский или греческий?

– Греческий! – отвечал я, желая показать, что я достоин министерской ласки.

С тех пор прошло двадцать пять лет, а я все еще краснею за эту бессовестную ложь. Никогда я не врал до такой степени.

И бог весть, какую печальную услугу я оказал моей родине.

Ведь товарищи министров совершают поездки для того, чтоб на месте ознакомиться с результатами того или другого мероприятия, реформы, системы.

Кто знает, быть может, вскоре было какое-нибудь заседание, посвященное вопросу о классической системе. Быть может, все уже склонялись к мнению против нее, как встал товарищ министра и заявил:

– Позвольте, господа! Я сам видел гимназистов, которые очень любят классические языки, и, следовательно, заниматься этими языками для них сущее наслаждение. Да, да! Я помню, например, Дорошевич Власий ужасно любит греческий язык.

С тех пор прошло двадцать пять лет... Я убедительно прошу пересмотреть все архивы за двадцать пять лет, и, если где-нибудь, в «материалах для реформы средней школы», найдется ссылка на Дорошевича Власия, очень любившего греческий язык, вычеркнуть ее. Я соврал.

Такого гимназиста нет.

Латынь и греческий любить, конечно, нельзя, как нельзя любить ту географию, которая преподается в нашей средней школе.

Посмотрите на этого злосчастного карапуза с покрасневшими глазами, который, закрыв для большей патуги уши, раскачиваясь всем телом, повторяет бесчисленное число раз в половине одиннадцатого вечера:

«На Берберском плоскогорье в изобилии растут хвоя и жимолость...»

Можно ли любить науку, в которой кучами навалены хвоя и жимолость?

Спросите у матерей, и они расскажут вам об их детях, которые, раз-метавшись в жару, бредят по ночам:

«Мама, мама! Из города «А» вышел поезд со скоростью семь верст в час. Спрашивается: почему должен купец продавать берковец овса?»

История человечества начинается туманными сказками. История Иловайского начинается цифрами, продолжается цифрами, кончается цифрами.

Она больше похожа на арифметику, переплетенную в разбивку с адрес-календарем. Имена и цифры. Ее учить так же интересно, как заучивать наизусть список телефонных абонентов:

– 91 – Юлий Цезарь.

– 1113 – Владимир Мономах.

Все, что есть в науке интересного, увлекательного, живописного, способного поразить воображение ребенка и заинтриговать его ум, тщательно вычеркивается.

Вы и хотели бы есть, но вам дают голую кость от телячьей ноги, да еще и говорят при этом, что это именно и есть самая настоящая телятина! Вы никогда после этого не спросите себе телятины. Вы будете бежать от телятины. Вы возненавидите телятину. Вы расхохотесь, когда вам скажут:

– Я люблю телятину.

– Ха-ха-ха! Человек, который любит глотать кости! Вот идиот!

Здесь, в средней школе, быть может, лежит начало нашего иронического отношения к науке, как к чему-то очень далекому от жизни, ироническое отношение «к тому, что говорят господа ученые», предпочтении старого, накопившегося хлама мнений, понятий, взглядов «тем новшествам», которые выдумывают «ученые умники».

Единственный «предмет», не заниматься которым считают для себя унижительным даже рыцари последней скамейки, это – русский язык. «Всякий развитой гимназист» считает себя обязанным интересоваться этим «предметом». Без этого не получишь среди товарищей звания «развитого гимназиста».

Но и интерес к русскому языку гаснет, как только дело доходит до самой интересной части «предмета» – до русской «словесности». Заставив вас вы зубрить наизусть пяток державинских од, вам вскользь говорят:

– Затем был Пушкин!

И ставят кол, если вы не умеете разобрать «Слово о полку Игореве». А «Слово о полку Игореве» Е.В. Барсов вот шестьдесят седьмой год разбирает, четырнадцать томов написал, и все еще, кажется, первое предложение разбирать не окончил.

Так, перед этим победоносным Игоревым полком, при громе державинских од бегут из преподаваемой в средней школе российской словесности Пушкин, Лермонтов, Тургенев... Даже самый интересный предмет засушивается в сухарь.

Средняя школа приучает нас с детства заниматься делом, которое нас не интересует, не захватывает, относиться к своему делу казенно, по-чиновничьи.

В этом и заключается ее великое воспитательное значение, полное соответствие с нашей жизнью. <...>

...Наша средняя школа приучает нас к тому, что нам предстоит испытывать во всю нашу жизнь: заниматься делом, которое не по душе, относиться к нему «по-казенному».

– Сбыл, да и с рук долой!

В этом достоинство нашей средней школы. Ее связь с нашей жизнью. Вот почему теперь, когда ее собираются реформировать и когда па псе со всех сторон сыплются нападки, я считаю своим долгом вступить за нее и сказать:

– Не трогайте этих кругов. Восьми кругов гимназического... курса.

Они дают настоящую подготовку к предстоящей жизни.

Для Петербурга теперешняя школа важна в особенности потому, что с Детства приучает людей быть маленькими чиновниками.

Дорошевич В.М. Избранные страницы. – М.: Московский рабочий, 1986. – С. 30 – 40.

Русский язык

... Мне вспомнилось, как меня однажды дернул черт помутить в сочинении. Темой было: «Терпение и труд все перетрут». Среди академических рассуждений на эту тему нелегкая меня дернула мимоходом вставить фразу: «Да, конечно, терпение и труд все перетрут, например здоровье». Настал день «возвращения» тетрадок. Этого дня мы всегда ждали с особым нетерпением. Предстоял целый час издевательства над слабейшими товарищами.

Учитель читал вслух худшие «сочинения», острил по поводу них, и мы помирали с хохота над автором. Особенно старались помирать с хохота те, кто сидел на виду у острившего учителя.

Кто-нибудь из товарищей стоял у дверей и выглядывал в коридор.

– С тетрадками идет! С тетрадками! – возвещал он всеобщую радость, опрометью кидаясь на место.

Итак, настал день возвращения тетрадок, но, против обыкновения, учитель явился сумрачный. Лицо ничего хорошего не предвещало.

Сел на кафедру, отметил журнал, выдержал длинную, томительную паузу, развернул тетрадку, лежавшую наверху, и вызвал:

– Дорошевич Власий!

Дорошевич Власий поднялся смущенный.

– Дорошевич Власий! Вы позволили себе неуместную и неприличную шутку...

Белокурый немчик, сидевший рядом на парте, поспешил испуганно отодвинуться от меня. Он всегда отодвигался от тех, кто получал единицу или подвергался наказанию. Товарищи глядели на меня, кто с испугом, кто с сожалением, кто со злорадством.

– Вы позволили себе неуместную и неприличную шутку в вашем сочинении...

– Господин учитель...

– Потрудитесь молчать! О вашей неуместной и неприличной шутке будет мною, как классным наставником, доведено до сведения педагогического совета. Теперь же потрудитесь отправиться к г-ну инспектору. Г-ну инспектору уже известно о неуместной, и неприличной шутке, которую вы себе позволили. Ступайте! Никаких разговоров! Ступайте!

Толстый инспектор, которого мы звали «турецким барабаном», окинул меня недружелюбным взглядом с головы до ног.

– Что вам? Почему вы не в классе?

– Ученик такого-то класса, такого-то отделения, Дорошевич Власий! – робко отрекомендовался я.

Толстый инспектор покраснел:

– А! Это вы? Где у вас пуговица?

Он кричал и от крика начал синеть:

– Где у вас пуговица? Почему пуговица на мундире не застегнута? Где ваш галстук?

– Сполз...

– Я вам покажу – сполз. Пуговицы не застегнуты, галстук не на месте, позволяете себе неуместные и неприличные шутки. Что вы о себе думаете? Будут вызваны ваши родители! Идите к г-ну директору. Г-н директор знает о том, что вы себе позволили.

К актовому залу, где сидел директор, я подобрался уже совсем на цыпочках, проводя пальцем по пуговицам и щупая, здесь ли галстук.

– Скажите, что Дорошевич Власий!

Мы всегда, когда предстояла гроза, говорили сторожам «вы». В обыкновенное время мы говорили им «ты» и ругали дураками.

С трепетом я вступил в великолепный актовый зал, с мраморными стенами, на которых висели золотые доски с фамилиями кончивших с медалью.

Посреди, за длиннейшим столом, покрытым зеленым сукном, сидел г-н директор, маленький, весь высохший человек, ходивший не во фраке, а в сюртуке с золотыми пуговицами, что придавало ему в наших глазах какое-то особое величие.

Г-н директор посмотрел на меня поверх очков, помолчал минуты две и крикнул:

– Что у вас за волосы?

Я схватился за волосы.

– Что за волосы, я вас спрашиваю? Какие у вас волосы? А?

Я растерялся окончательно.

– Б-б-белокурые!

Директор даже вскочил, словно под него вдруг насыпали угольев.

– Вы позволяете себе неприличные и неуместные шутки еще в разговорах с начальством? Вы позволяете себе являться с непричесанными волосами да еще имеете смелость так отвечать! Молчать! После классов сядете в карцер! Извольте идти. Слышали?

Черт возьми, сразу было видно, что имеешь дело с классиками! Они громили меня, как Катилину!

И вот после классов я очутился на шесть часов в карцере. Запертый, весь полный скверны, внутри и снаружи: пуговица не застегнута, в сочинениях неуместные и неприличные шутки, волосы не острижены, галстук сполз.

В результате: нуль за сочинение, – нулей у нас вообще не ставили, но на этот раз решено было для примера поставить, – сбавили балл с поведения, накричали, выдержали в карцере, вызвали родителей.

Для большей острастки им объявили еще:

– В следующий раз вынуждены будем предложить вам взять вашего сына из гимназии. Подобные воспитанники не могут быть терпимы.

И все из-за того, что нелегкая меня дернула написать в сочинении то, что я подумал! <...>

... Дети, это – цветы. Нельзя же ведь требовать, чтоб все цветы одинаково пахли.

Пусть дети умеют хорошо излагать то, что думают. В этом и состоит обучение родному языку.

Но никто не кладет свинцового штампа на их мысль:

– Думай вот так-то.

А у нас!

Урок русского языка.

– Разбор «Птички божией». Мозгов Николай! Встает маленький и уже перепуганный Мозгов Николай.

– Мозгов Николай! Разберите мне «Птичку божью». Что хотел сказать поэт «Птичкой божией»?

Мозгов Николай моргает веками.

– Ну! Мозгов Николай! Что хотел сказать поэт?

– У меня мамаша больна! – говорит вдруг Мозгов.

– Что такое?

– У меня мамаша больна. Я не знаю, что хотел сказать поэт. Я не мог приготовить.

– У Мозгова Николая мамаша всегда бывает больна, когда Мозгов Николай не знает урока, У Мозгова Николая очень удобная мамаша.

Весь класс хихикает.

– Я ставлю Мозгову Николаю «нотабене». Голиков Алексей! Что хотел сказать поэт «Птичкой божией»?

– Не знаю!

– Голиков Алексей не знает. В таком случае Голиков Николай.

Голиков Николай молчит.

– Голиков Алексей и Голиков Николай никогда ничего не знают. Постников Иван.

– У меня, Петр Петрович, нога болит!

– При чем же тут поэт?

– Я не могу, Петр Петрович, стоять!

– Отвечайте в таком случае сидя. Постников Иван и сидя не знает, что хотел сказать поэт. В таком случае, Иванов Павел!

– Позвольте выйти!

– Что хотел сказать поэт «Птичкой божией»?

– Позвольте выйти!

– Иванов Павел хочет выйти. Иванов Павел выйдет на целый класс!

И уроки-то русского языка идут на каком-то индейском языке! <...>
...Нет ничего более притупляющего, как гимназические «сочинения по русскому языку».

В провинции у меня был добрый знакомый, видный общественный деятель и необыкновенно чадолубивый родитель.

Когда его дети держали экзамен, экзамен держал весь город. Одни знакомые, – мой приятель был большой хлебосол, у него всегда бывал весь город, – одни знакомые летели хлопотать у попечителя, другие у директора, третьи разлетались по учителям.

Если кому-нибудь из детей задавали трудную задачу по алгебре, в решении ее принимали участие профессора математики местного университета. В дни «сочинений на дом» приглашались на помощь адвокаты и литераторы...<...>

...Ко всякому пишущему человеку часто обращаются чадолубивые папеньки и мамоньки с просьбой:

– Напишите ребенку сочинение. Что вам стоит! Но куда уж тут соваться!

Когда Тургенев за сочинение, написанное для гимназиста, с трудом получил тройку с минусом. А Щедрина за сочинение, написанное для дочери, и вовсе поставили два:

– Не знаете русского языка!

Старик, говорят, даже объясняться поехал.

– Ну, уж этого-то вы, положим, говорить не смеее. Незнание русского языка! Да сочинение-то писал я!

И это, наверное, никого не смутило:

– Да, но не так написано!

Не штампованные мысли и не штампованные слова.

После таких примеров, если к вам обращаются с просьбой «напишите сочинение», конечно, не беритесь. Найдите какого-нибудь «ходака по этой части» из гимназистов, у которого все мысли и слова уже раз навсегда заштапованы... <...>

...Жалуются, что в наше время уж очень увлекаются. Кто национализмом, кто радикализмом, кто другим каким «измом». Что увлекаются, – беда бы не велика. Увлечение есть, – значит, жизнь есть, не захла, не завяла. Беда в том, что увлекаются-то уж очень легко, сдаются на все без боя: встретил теорию – и сдался ей на капитуляцию без борьбы. Думал по одному шаблону, а потом задумал по другому.

Да как же иначе быть может, когда со школьной скамьи самостоятельная мысль забивалась, забивалась, забивалась, думать «по-своему» всячески воспрещалось и рекомендовалось думать не иначе, как по шаблону.

И как это странно! Главным орудием к этому служило преподавание самого живого, казалось бы, предмета! Родного языка!

А между тем нет ничего легче, как сделать из этого именно «предмета» самый живой, интересный, увлекательный предмет, самое мощное орудие развития.

Любовь и уважение к этому именно «предмету» развиты среди юношества. Можно не заниматься чем угодно, но «русским языком» заниматься считается необходимым и почетным.

Всякий «развитой гимназист» считает необходимым заниматься русским языком.

Что же дают этим юношам, которые, говоря громко, с такой жадностью стремятся к этому источнику знания?

Половину курса они посвящают главнейшим образом на то, чтоб изучить, где надо ставить и где не надо ставить букву, которая совсем не произносится.

Вторая половина курса посвящена изучению «древних памятников» и того периода литературы, который никого уж не интересует.

Все, что есть живого, привлекательного и интересного в «предмете», исключено.

Мертвые сочинения, вместо того чтоб развивать, приучать мыслить, приучат к «недуманию».

И в результате...

Три четверти образованной России не в состоянии мало-мальски литературно писать по-русски. Привычка к шаблону в области мысли. И спросите у кого-нибудь, что такое русский язык.

– Скучный предмет!

А ведь язык народа, это половина «отчизноведения», это «душа народа».

Позвольте этим шаблоном закончить сочинение о преподавании русского языка.

Дорошевич В.М. Избранные страницы. – М.: Московский рабочий, 1986. – С. 40 – 51.

Константин Георгиевич Паустовский

Далекie годы

... Первые дни в гимназии я говорил шепотом и боялся поднять голову. Все подавляло меня: бородатые преподаватели в синих сюртуках, старинные своды, эхо в бесконечных коридорах и, наконец, директор Бессмертный – пожилой красавец с золотой бородкой, в новеньком форменном фраке.

Он был мягкий, просвещенный человек, но его почему-то полагалось бояться. Может быть, потому, что он сидел в высоком кабинете с портретом хирурга Пирогова, лепными потолками и красным ковром. Директор редко выходил оттуда. Ему мы кланялись по всем правилам, остановившись, тогда как с учителями мы здоровались на ходу.

Казимир вел меня по гулким коридорам. По ним бродили, заглядывая в классы через застекленный верх дверей, надзиратели. ...

Паустовский К.Г. Поэтическое излучение. Повести. Рассказы. Письма. – М., «Молодая гвардия», 1976. – С. 14.

... Надзирателям полагалось следить за поведением гимназистов и сообщать инспектору о всяческих их проступках. За этим следовали кары – оставление на час или два «без обеда» (иначе говоря, томительное сидение в пустом классе после конца уроков), четверка по поведению и, наконец, вызов родителей к директору. Мы больше всего боялись этой последней кары.

В старших классах существовали и другие наказания: временное исключение из гимназии, исключение с правом дальнейшего обучения и самое страшное – исключение с «волчьим билетом», без права поступить потом в какую бы то ни было среднюю школу. ...

Паустовский К.Г. Поэтическое излучение. Повести. Рассказы. Письма. – М., «Молодая гвардия», 1976. – С. 15.

... Весь год, до перехода в первый класс, Назаренко мучил нас, малышей, зычным голосом, насмешками, двойками и рассказами, как ему вырезали на ноге ногти, вросшие в мясо. Я боялся его и ненавидел. Больше всего я ненавидел его за рассказы об этой операции.

Я сел на низенькую парту, изрезанную перочинным ножом. Мне было трудно дышать. Кисло пахло чернилами. Назаренко диктовал: «Однажды лебедь, рак да щука...» За открытым окном на ветке сидел воробей и держал в клюве сухой лист клена. Мне хотелось поменяться с воробьем судьбой. Воробей посмотрел через окно в класс, жалобно пискнул и уронил лист клена.

– Новичок, – прогремел Назаренко, – достань тетрадь, пиши и не засматривайся по сторонам, если не хочешь остаться без обеда!

Я достал тетрадку и начал писать. Слеза капнула на промокашку. Тогда мой сосед, черный мальчик с веселыми глазами, Эмма Шмуклер, шепнул:

– Проглоти слюну, тогда пройдет.

Я проглотил слюну, но ничего не прошло. Я долго еще не мог вздохнуть всей грудью.

Так начался первый гимназический год. Пыль, бегодня на переменах, постоянный страх, что тебя вызовут к доске, пальцы в чернилах, тяжелый ранец и, как отзвуки потерянной жизни, мелодичные звонки киевских Трамваев за окнами, отдаленный свист шарманки и гудки паровозов, долетавшие с вокзала. Оттуда отходили тяжелые поезда и неслись, попыхивая паром, через рощи и скошенные поля, в то время как мы, согнувшись над партами, задыхались от меловой пыли, стертой сукой губкой с классной доски. ...

Паустовский К.Г. Поэтическое изучение. Повести. Рассказы. Письма. – М., «Молодая гвардия», 1976. – С. 16 – 17.

... Против приготовительного класса был физический кабинет. В него вела узкая дверь. Мы часто заглядывали на переменах в этот кабинет. Там скамьи подымались амфитеатром к потолку.

В физический кабинет водили на уроки старшеклассников. Мы, конечно, бились в коридоре у них под логами, и это им, должно быть, надоело. Однажды один 13 старшеклассников, высокий бледный гимназист, протяжно свистнул. Старшеклассники тотчас начали хватать нас, кишат, и затаскивать в физический кабинет. Они рассаживались на скамьях и держали нас, зажав коленями.

Вначале нам это понравилось. Мы с любопытством рассматривали таинственные приборы на полках – черные диски, колбы и медные шары. Потом в коридоре затрещал первый звонок. Мы начали вырываться. Старшеклассники нас не пускали. Они крепко держали нас, а самым буйным давали так называемые «груши». Для этого надо было винтообразно и сильно ковырнуть большим пальцем по темени. Это было очень больно. Зловеще затрещал второй звонок. Мы начали рваться изо всех сил, просить и плакать. Но старшеклассники были неумолимы. Бледный гимназист стал около двери.

– Смотри, – кричали ему старшеклассники, – рассчитай точно!

Мы ничего не понимали. Мы выли от ужаса. Сейчас будет третий звонок. Назаренко ворвется в пустой приготовительный класс. Гнев его будет страшен. Реки наших слез не смогут смягчить этот гнев.

Затрещал третий звонок. Мы ревели на разные голоса. Бледный гимназист поднял руку. Это значило, что в конце коридора появился физик. Он шел неторопливо, с опаской прислушиваясь к воплям из физического кабинета.

Физик был очень толстый. Он протискивался в узкую дверь боком. На этом и был построен расчет старшеклассников. Когда физик заклинился в

дверях, бледный гимназист махнул рукой. Нас отпустили, и мы, обезумевшие, помчались, ничего не видя, не понимая и оглашая рыданиями физический кабинет, к себе в класс. Мы с размаху налетели на испуганного физика. На мгновение у двери закипел водоворот из стриженных детских голов. Потом мы вытолкнули физика, как пробку, из дверей в коридор, прорвались у него между ногами и помчались к себе. К счастью, Назаренко задержался в учительской комнате и ничего не заметил.

Старшеклассникам удалось всего раз проделать над нами эту предательскую штуку. Потом мы всегда были настороже. Когда старшеклассники появлялись в коридоре, мы тотчас прятались к себе в класс, закрывали двери и загораживали их партами.

Развлечение это, стоившее нам стольких слез, придумал бледный гимназист. Его звали Багров. Несколько лет спустя он стрелял из револьвера в Киевском оперном театре в царского министра Столыпина, убил его и был повешен. ...

Паустовский К.Г. Поэтическое излучение. Повести. Рассказы. Письма. – М., «Молодая гвардия», 1976. – С. 17 – 18.

Александр Иванович Куприн (1870 – 1933)

Русский писатель, в творчестве которого нашли отражение различные аспекты и жизненные ситуации людей. Особый интерес представляют произведения, посвященные детям города.

Святая ложь

... Еще в школьные годы Семенюта всегда бывал козлицем отпущения за целый класс. Бывало, во время урока нажует какой-нибудь сорванец большой лист бумаги, сделает из него лепешку и ловким броском шлепнет ею в величественную лысину француза. А Семенюту как раз в этот момент угораздит отогнать муху со лба. И красный от гнева француз кричит:

– О! Земнют, скверный мальчишка! Au mur! К стены!

И бедного, ни в чем не повинного Семенюту во время перемены волокут к инспектору, который трясет седой козлиной бородой, блестит сквозь золотые очки злыми серыми глазами и равномерно тюкает Семенюту по темени старым, окаменелым пальцем.

– Ученичок развращенный! Ар-ха-ро-вец... Позорские заведения!.. У-бо-и-ще!.. Ос-то-лоп!..

И потом заканчивал деловым холодным тоном:

– После обеда в карцер на трое суток. До Рождества без отпуска (заведение было закрытое), а если еще повторится, то выдерем и вышвырнем из училища.

Затем звонкий щелчок в лоб и грозное: «Пшол! Коз-ли-ще!»

И так было постоянно. Разбивали ли рогатками стекла в квартире инспектора, производили ли набег на соседние огороды, – всегда в критический момент молодые разбойники успевали разбежаться и скрыться, а скромный, тихий Семенюта, не принимавший никакого участия в проделке, оказывался роковым образом непременно поблизости к месту преступления. И опять его тащили на расправу, опять ритмические возгласы:

– У-бо-и-ще!.. Ар-ха-ро-вец!.. Ос-то-лоп!..

Так он с трудом добрался до шестого класса. Если его не выгнали еще раньше из училища с волчьим паспортом, то больше потому, что его мать, жалкая и убогая старушка, жившая в казенном вдовьем доме, тащила через весь город к инспектору, к директору или к училищному священнику, бросалась перед ними в землю, обнимала их ноги, мочила их колени обильными материнскими слезами, моля за сына:

– Не губите мальчика. Ей-богу, он у меня очень послушный и ласковый. Только он робкий очень и запуганный. Вот другие сорванцы его и обижают. Уж лучше посеките его.

Семенюте довольно часто и основательно секли, но это испытанное средство плохо помогало ему. После двух неудачных попыток, проникнуть в седьмой класс его все-таки исключили, хотя, снисходя к слезам его матери, дали ему аттестат об окончании шести классов. ...

Куприн А.И. Рассказы и повести. – М., «Худож. лит.», 1977. – С. 200 – 201.

Храбрые беглецы

...Нельгин, Амиров и Юрьев – соседи по кроватям в спальней казенного сиротского пансиона. Каждому из них между десятью и одиннадцатью годами.

Юрьев – мальчик вялый, слабенький. У него простое веснушчатое лицо твердой крестьянки, – оттого его и кличут в классе «баба», – светлые ресницы вокруг мутно-голубых глаз, открытый мокрый рот; и всегда капля под носом. Он плох в драке, чувствителен, часто плачет и боится темноты.

Амиров – альбинос с белыми волосами на большой длинной от лба до подбородка голове, с красными белками глаз и бледной, шероховатой кожей лица. К нему приходит по воскресеньям отец – такой же большеголовый, седой и красноглазый, как и сын, маленький, чисто

выбранный. Появляется он в роскошной приемной зале (пансион помещается в бывшем дворце графа Разумовского) в опрятном военном мундире, украшенном двумя рядами серебряных пуговиц, а в руках у него неизменный красный платок, в котором завязаны яблоки и вкусные темные деревенские лепешки, у которых на верхней стороне выведена ножиком косая решетка.

Амиров-сын – скромн, послушен, учится усердно, и, несмотря на это, он не подлиза, не тихоня, не зубрила; все, что он делает, отмечено какими-то неуловимыми чертами вкуса, удачи, терпения и немного старческой добротности. Он опрятно носит казенную одежду: парусиновые панталоны и парусиновую рубашку, обшитую вокруг ворота и вокруг рукавов форменной кумачовой лентой. Его собственные вещи: перочинный ножик, перышки, пенал, резина и карандаши – всегда блестят как только что купленные. Он не придумывает новых игр, но в любую игру способен внести много серьезной увлекательности и милого порядка. ...

Куприн А.И. Рассказы и повести. – М., «Худож. лит.», 1977. – С. 212 – 213.

... Нельгин–фантазер. Его воображение неистоимо и чудовищно пышно. Еще до классного обучения, в малолетней группе, по вечерам, в часы, оставшиеся до ужина, когда наиболее прилежные мальчики плели по способу Фребеля коврики из разноцветных бумажек, или расшивали шерстями выколотых на картоне попугаев, или клеили домики, или просто, без всякой мысли, измазав доску сплошь грифелем, разводили на ней при помощи намусленного пальца облака и макароны,– Нельгин рассказывал своим мечтательным слушателям пестрые чудесные истории из своей прежней, «домашней» жизни, от которых его самого охватывал ужас и вдохновенный восторг. ...

Куприн А.И. Рассказы и повести. – М., «Худож. лит.», 1977. – С. 213.

... С переходом из группы в классы пошли другие обычаи и новые нравы. Классные дамы там занимались только надзором; для преподавания же наук приходили настоящие учителя в очках, в синих фраках с золотыми пуговицами. Убирали кровати мальчиков и водили их в баню не горничные, как раньше, а два усатых дядьки, Матвей и Григорий. Они же в случае надобности и секли ребят по приказанию начальницы пансиона, ... когда еще издали в коридоре слышался шум ее каменных шагов и легкий перезвон сережек,– мальчишки цепенели от ужаса.

И внутренняя жизнь мальчиков стала совсем иной. Все они уже считали себя на линии будущих военных гимназистов, поэтому жаловаться

на товарищей или ябедничать считалось у них преступлением, уважалась сила, грубость со старшими, пренебрежение к наукам.

Единицы да нули:
Вот и все мои баллы.
Двоек, троек очень мало,
А четверок не бывало. ...

Куприн А.И. Рассказы и повести. – М., «Худож. лит.», 1977. – С. 215 – 216.

... Раз в неделю в пансион приезжал учитель танцев Петр Алексеевич – круглый, седой, гибкий, подвижной, всегда в прекрасном фраке, сияющий, добродушный – в сопровождении лохматого и унылого скрипача. Тогда в приемную залу, в блестящем паркете которой пленительно отражались люстры, кенкеты, мраморные стены и бронзовые бюсты, собирали с разных половин мальчиков и девочек старшего класса. Урок танцев был единственным случаем, когда они встречались сравнительно близко, потому что в церкви и даже за обедом они были далеко разделены. Конечно, у мальчишек девочки всегда считались низшими, презренными существами, слабосильными, фискалами, плаксами и неженками. Оттого, стоя в паре со своей дамой и проделывая с нею под унылую скрипку «па-де-баск» и «па-де-глице», считалось особенным мужским шиком дернуть ее за косичку, ущипнуть за руку, сдавить пальцы до боли. ...

Куприн А.И. Рассказы и повести. – М., «Худож. лит.», 1977. – С. 217 – 218.

... И тогда во всем классе пошла поголовная мода на любовь. Решительно все перелюблялись самовольно, поделив между собою девочек, точно средневековые завоеватели рабынь. Наиболее сильные и разбитные выбрали себе самых высоких, самых толстых и самых румяных. Слабых оставили слабеньким, зеленым и хилым. Нельгин пошел еще дальше. Однажды вечером он долго что-то писал, низко склонившись над листом почтовой бумаги, подпирал от усердия щеку изнутри языком и сопел. Потом украсил листок переводной картинкой, сунул его в розовый конверт, а на конверте наклеил наlepную картинку. На первом же уроке танцев он, потев от стыда и страха, сунул Мухиной в руку снос послание. Там были стихи и проза. Девочка смутилась гораздо меньше, чем можно было предполагать: она быстро засунула письмо куда-то под передник и даже не покраснела. А на другой день, во время урока закона божьего, раздался в коридоре тяжкий топот и звон колокольчиков, отчего чуткое сердце Нельгина похо-

лодело и затосковало. Полуоткрылась дверь, и к ней показалось огромное серое лицо с мясистым носом, а затем рука с подзывающим указательным пальцем.

– Нельгин! Иди-ка сюда, любезный!

И бедного влюбленного повели наверх, в дортуар, разложили на первой кровати и сняли штанишки. Григорий держал его за руки и за голову, а Матвей дал ему двадцать пять добрых розог. Так, сама собою, как-то незаметно пресеклась, а вскоре и вовсе забылась первая любовь. Только образ хорошенькой смуглой Мухиной с ее заспанными глазками и надутыми губками застрял в памяти на всю жизнь. ...

Куприн А.И. Рассказы и повести. – М., «Худож. лит.», 1977. – С. 218 – 219.

Николай Васильевич Успенский (1837 – 1889)

Талантливый русский писатель-демократ. Повести и рассказы шестидесятых-семидесятых годов прославили его среди современников. В них отражены жизнь разных сословий русского общества и протонародный быт этого периода. Н.Г.Чернышевский отмечал умение Успенского писать «о народе без всяких прикрас».

Декалов

Осенью дьячок села Кочергина собирался ехать с своим девятилетним сыном в губернский город Т. Он намеревался записать его в третий класс духовного училища. Под самый день отъезда дьячок ходил по крестьянским дворам, просил дугу; от священника он получил благословение на далекий путь и дегтярку с помазком,

Его сын, Иван Декалов, вымытый, причесанный, в это время спал дома на печи. Дьячиха, Акулина Егоровна, пекла лепешки; а ее мать, бабушка Декалова, печально сидела в углу, мотала нитки. Акулина Егоровна то и дело подходила к сыну, целовала его, плакала и причитала: «Касатик, Ванюша...» и т. п. Бабушка твердила ей, чтоб она не будила внука; мать отходила к печи и, проливая слезы, хваталась за рогач.

Вечером, при огнях, Акулина Егоровна, дьячок и бабушка укладывали дорожные припасы в мешки.

Декалов давно проснулся. Он сидел в одной рубашке под иконами и непрерывно вздыхал.

На другой день, утром, на проводы собрались в дом дьячка крестьянские ребяташки. Декалов с ними прощался, дарил им своих чижей и синиц.

Декалова закутали в толстую отцовскую свиту и обвязали полотенцами.

Помолившись богу, все вышли на улицу к повозке. Крестьянские ребяташки, каждый, держа по птице в руке, смотрели на Декалова с неизъяснимым сожалением. Проходившие на барщину мужики с цепями останавливались и с удивлением спрашивали дьячка:

– Ай везешь, Савелий Григорьич?

– Везу, Что делать!..

– Ах, братец ты мой!..

– Ах, Ваня!.. – с размышлением восклицали мужики и покачивали головами.

Декалов чувствовал, как слезы текли по его щекам. Мать и бабушка долго смотрели на отъезжавших. ...

Успенский Н.В. Издалека и вблизи: Избр. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1986. – С. 177 – 178.

... Был воскресный день. Большая улица наполнена пародом: разряженные купеческие жены с толстыми большими серьгами, чиновники с тросточками, мещане, подвыпившие сапожники разгуливали по бульварам. Вдоль улицы к собору и от собора ездили пролетки с молодыми купчиками, частным приставом, полицеймейстером, и катили шестернями запыленные дорожные кареты. На все это с любопытством глядели дьячок с сыном. Наконец, они повернули в Подьяческую улицу и стали разыскивать дом мещанина Овсова, которого им рекомендовал один знакомый.

Дом Овсова стоял недалеко от Воздвиженской церкви, окруженной кладбищем. Он имел две черные трубы, треснувшие пополам, и крошечное крылечко с низенькою дверью, забитою наглухо. На его крыше росла трава; черномазые окна походили на искривленные и потускневшие глаза умирающего человека. Глушь и запустение царствовали в Подьяческой улице несмотря на праздник.

У растворенных ворот Овсова дома стояла запряженная лошадь. Священник прощался с своим малолетним сыном, который отчаянно плакал, припав к его полукафтаныю. Священник вынимал ему из кармана деньги, едва удерживаясь от слез; говорил, что по первому зимнему пути приедет к нему с матерью и братом Васей; не забудет также захватить с собою сестру Парашу.

Дьячок снял шапку перед хозяином, ссыпавшим в амбар муку, смиренно поклонился хозяйке, запиравшей калитку сада с ворчаньями па неугомонных жильцов, и повел свою лошадь к стороне. Какой-то мальчик, в синей жилетке, с книжкою на коленях, зажав уши, сидел на

бревне лицом к забору. Декалов, стоя у телеги, глаз не спускал с мальчика, зубрившего урок. Дьячок отстегивал супонь у лошади. ...

Успенский Н.В. Издалека и вблизи: Избр. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1986. – С. 178 – 179.

... Запыленный мукою хозяин переговорил с кочергинским дьячком касательно третнего содержания, платы за квартиру и указал ему семинарскую комнату, предварив, что комната – игрушка! господам жить, а не семинаристам,

В комнате семинаристов, у оборванных стен, за широким складным столом сидел с примасленной головой ученик словесности Пречистенский; он старательно списывал лекции профессора под заглавием «Речи ораторские». На просторных подмостках с навороченными войлоками и сундуками сидело человек семь раздетых мальчиков. Одни из них делали из бумаги хлопушки; другие раздували на окне уголья в банке, чтоб расплавить свинец; третьи сверлили гвоздем бабки; четвертые только глядели на эти запятня и ели лепешки. На лежанке без подстилки спал в одном сапоге ученик философии Детищев, с улыбкой на лице; его будто озаряла необыкновенная идея, сейчас же готовая осуществиться; поэтому философ не обращал никакого внимания на валявшийся по полу другой свой сапог с разорванным голенищем и тряпицей внутри.

Кочергинский дьячок начал представлять ритору Пречистенскому своего сына. Повернувшись к ним обоим спиной и держа в руке огромный картуз, почти достигавший полу, Декалов смотрел на спящего философа и на ребятишек. Пречистенский отдал приказание работнице – собирать гостям обед; па спрос дьячка о *старшем*, то есть о богослове, он отвечал, что богослов куда-то отлучился, – должно быть, за харчем пошел. После нескольких слов о дороговизне содержания в городе, о неудобствах семинарской жизни дьячок стороною намекнул ритору: не хочет ли он выпить? Тот, закладывая за ухо перо, проговорил, что он и знать не знает этого дела, потому что еще в низшем отделении находится... Но не таковым оказался пробужденный криками мальчиков философ. Накидывая на плечи сюртук и хватаясь за трубку, он изъявил полное согласие на предложение дьячка. Волосы его стояли дыбом; нанковый сюртук, выбеленный известкой, смялся, съезжился и не прикрывал груди; вообще все говорило о философском направлении Детищева. Он объяснил дьячку, что сам дьячковского происхождения, знает быт дьячков как свои пять пальцев, следовательно, тут церемониться нечего.

Кривоглазая работница, напудренная сажей под глазами и преимущественно около носа, несла к столу щи; она останавливалась на дороге, чтоб уцелевшим глазом высмотреть чистоту своего приготовления. За нею суетился хозяин, принесший пол штоф из кабака.

Детищев весело говорил дьячку про свое воспитание, когда он, будучи маленьким, бегал по полночам в класс и выносил наказание розгами. Он уверял, что при самых жестоких наказаниях он не только не просил учителей о помиловании, то есть не кричал «помилуйте» или «пощадите», но лежал словно деревянный. Еще Детищев рассказывал про своего родного отца, который исконибе получает шесть с половиною целковых годового дохода, ходит в лаптях и содержит многочисленнейшее семейство. В заключение всего Детищев, уже выпивши водки, принялся наставлять дьячка, куда ему должно явиться с сыном: во-первых, надобно сходить к ректору училища – он проэкзаменует Декалова; да не забыть ... (здесь философ пошептал на ухо дьячку); во-вторых, надобно сходить к учителям, хотя и не ко всем: это называется «явиться к ним...» Как только Детищев упомянул слово «явиться», тотчас ученик четвертого класса крикнул с подмосток, что к учителю Мордасову непременно «явиться» должно; а то смерть будет!»

Успенский Н.В. Издалека и вблизи: Избр. Повести и рассказы. – М.: Сов. Россия, 1986. – С. 179 – 181.

Внешкольное воспитание

Отчет о деятельности

Особого Совещания по внешкольному воспитанию и образованию при Армавирском Обществе попечительства о детях

1916 г.

... Достаточно напомнить о детских играх-войнах, иногда даже со смертельными случаями. И если взрослые думают, в лучшем случае, что они ведут войну против войны, последнюю войну, то дети ведут войну ради самой войны, т.е. ради чистого искусства, и война, следовательно, охватывает их сознание самой отрицательной стороной. Это состояние детской души имеет проявление и у нас, в Армавире: участились коллективные драки, улица шла на улицу. И в такое время предоставить детей самим себе, это значило предоставить их этой самой улице, где теперь особенно много темного и случайного, а с другой

стороны, сколько тяжелого испытало детство в период первой мобилизации и потом. Вот почему в Особом Совещании чувствовалась особенная надобность в успокоении детей, необходимость вернуть их к более трезвому нормальному детскому состоянию, быть с ними, внести мир, что-то светлое в их сознание, в их общество...

ГАСК. Ф.96. Оп.2. Д.2873. Л.13.

В парке (фрагмент). Около 1881 г. К.Е. Маковский

Детская площадка

Устроилась площадка... в обширном поросшем дворе Армавирского женского училища. В тени около здания поставлены длинные столы деревянные, платформы и скамьи; здесь поместился – так называемый «деловой угол»; в нем сосредоточились – читальня, рисовальный стол, тихие игры, стереоскоп и различные отделы ручного труда. Вблизи «делового угла» находились две площадки для крокета и трамплин для прыганья. У забора, примыкавшего к улице, было отведено место для выставки картин. Вся остальная площадь двора служила местом для подвижных игр.

... Жизнь площадки началась 6 мая; в этот день пришло 150 детей, в среднем на площадке бывало – 239 детей, самая большая цифра посещения – 330. Площадка функционировала три раза в неделю, за все лето – 42 дня, всего посещений было 9 930.

... Часы открытия и закрытия площадки менялись по месяцам, но всегда назначались на послеобеденное время – от 4 S до 8, или от 4 до 7 S.

ГАСК. Ф.96. Он.2. Д.2873. Л.16.

... Переходя к описанию времяпрепровождения детей на площадке необходимо отметить, что внешкольное совещание в деле организации площадки выработывало свой собственный план, согласно местным условиям, а также всей предыдущей шестилетней работе по устройству разумных занятий и развлечений...

... Приходя на площадку, большинство детей занимали места в «деловом углу». Любители лапты, крокета и серсо обыкновенно начинали играть с момента открытия площадки, но подвижные игры, участие в которых принимали участие все дети, устраивались приблизительно за час до закрытия площадки.

Ручной труд особенно привлекал детей. В отделе вышивания по картону всегда бывало не менее 45 человек, попадавших сюда чуть ли не по жребию; вышиванием занимались как девочки, так и мальчики, но последних было значительно немного...

... Большое оживление замечалось за столом, где дети плели коврики и занимались аппликацией; преобладали здесь главным образом малыши. Отдел изготовления игрушек привлекал очень много детей, ... изготовлялись более всего движущиеся игрушки: источником, откуда дети заимствовали идеи своих произведений являлись лучшие альбомы сказок, а также коллекция игрушек, исполненных московскими кустарями по рисункам художника Н. Бартрама.

... игрушечным отделом с большим умением и тактом руководил мальчик-подросток, окончивший народную школу. Таким же вполне самостоятельным работником была одно время девочка, руководившая вышиванием...

... За лето детьми было исполнено около 2 000 работ, из которых некоторые выставлены в музее, а большая часть запакована и предназначена для продажи на благотворительном базаре в пользу «Детского дома».

ГАСК. Ф.96. Он.2. Д.2873. Л.17.

О социальном и национальном составе детей, посещавших площадку

... Подавляющим большинством на площадке являлись – дети рабочего класса – 27,51%; дети из обеспеченного класса и из семей занимающихся интеллигентными профессиями составляли – 27,49%. По национальностям дети распределялись следующим образом: армяне – 50,24% (в г. Армавире традиционно армяне составляли значительную часть населения – Т. Овчаренко), русские – 47,26%, другие национальности – 2,5%. Большой процент армян объясняется расположением площадки в районе, где преобладающим элементом является армянское население. Национальной розни на площадке не замечалось. В смысле поведения, развитости чувства ответственности и интереса к делу русские и армяне не отличались между собою. Среди армян преобладали девочки, да и вообще процент посещаемости площадки девочками был высок – 56%.

ГАСК. Ф.96. Оп.2. Д.2873. Л.18.

Детские правонарушения

Материалы периодической печати

Общество, воспитывающее малолетних преступников

«В субботу 21 апреля, было годовое общее собрание членов общества земледельческих колоний и приютов для малолетних преступников... Число членов общества постоянно возрастает, и достигло в настоящее время до 620 человек, количества весьма большого по сравнению с другими благотворительными обществами. Средства общества тоже увеличиваются: на нынешний год комитет располагает 45.000 р. ...» (с. 644.)

Неделя. 1873. – №17.

Общество для малолетних преступников

В течение своей трех летней деятельности, общество не только сумело привлечь к себе сочувствие, выражаемое в пожертвованиях и деньгами и вещами, но и успело убедить различные ведомства в возможности исправления непорочных детей. Это доказывается следующими фактами: в 1871 г. в колонию и приют переданы министерством внутренних дел трое детей, – за обливание в Вильне русских дам серной кислотой; четвертого мальчика из комитета для разбора и призрения нищих...»

«Цель: исправление малолетних преступников...» Примеры: «Имя Ф., сын солдата. Мало из вновь поступивших знал своих родителей», с 9 лет – бродяжничания, воровство, попрошайничество...»

«Ученики VI класса Виленской классической гимназии, Б. И., 19 лет, приговорен к исправлению за нанесение удара учителю по лицу во время урока...» (2 года тюремного заключения)

Неделя. 1874. – №16.

Нам пишут...

Из Сум (Харьковской губернии). Здесь произошла кровавая битва между воспитанниками реальной и классической гимназии старших классов, при чем употреблялось холодное и огнестрельное оружие...

Неделя. 1878. – №14.

14 июля на Житомирской улице нашли 4 убитых и около десятка раненых, среди убитых есть 10-летний мальчик. В субботу 16-го должны были состояться похороны убитых, но утром их уже не нашли в больнице.

Право. 1905. – №30.

Судебные процессы

Окончательный приговор по делу о беспорядках в школе.

Осужденным по делу об антиеврейских беспорядках в школе, по всеподданнейшему докладу министра юстиции, наказания заменены: 3 новобранцам – дисциплинарным высказыванием по усмотрению их военного начальника, двум несовершеннолетним – арестом при полиции – 2 недели; остальным заключенным в тюрьме без ограничения прав; 2 – на 6 месяцев, 4 – на 4 месяца, 7 – на 2 месяца и 26 – на 1 месяц.

Неделя. 1912. – №20.

Разные известия

Кража детей

Несколько месяцев назад во всех газетах было отчаянное письмо родителей о пропаже их маленького сына, Саши Макридина. Мальчика нашли в трупке цирка австрийского подданного Зонь-Энберга, на-

стигнув его в Острогожске. Энберг упорствует и настаивает, что мальчик его сын. Делом занялся прокурор пензенского суда.

Неделя. 1912. – №20.

Судебные процессы

К одному из ростовских мировых судей недавно доставлен был полицией в качестве обвиняемого 3-х летний ребенок и несколько свидетелей почти такого же возраста. Ребенок произвел пожар в родительском доме. Дети только подняли в камере дружный плач, и судья отослал их, прекратив оригинальное «производство» дела.

Неделя. 1912. – №43.

Провинциальная хроника

Кровавое школьное побоище

В Ташкенте в воскресенье 21 октября воспитанники Алексеевского коммерческого училища, в числе около 150 человек собрались вблизи Сергеевской церкви для сведения личных счетов. После пререканий обе стороны с остервенением набросились друг на друга. Пущены в ход резиновые палки, проволоки, даже ножи. Дрались с ожесточением. Результат: увеченные юноши с пробитыми черепами, разодранными челюстями и распоротыми животами в больнице. Причина побоища – прекрасный, женский пол. С ужасом смотришь на это печальное явление в школе.

Неделя. 1912. – №46.

РАЗДЕЛ III

ДЕТСКИЙ ТРУД, ОБРАЗЫ СТРАДАНИЯ И СТРАХИ

Данный раздел представлен отрывками воспоминаний рабочего-социалиста о годах своего безрадостного детства. (Иванов Борис. Записки прошлого. Повесть из воспоминаний детства и юношества рабочего-социалиста. – М., 1919).

Стихотворение «Плач детей» Н.А. Некрасова посвящено одной из сторон их жизни – изнурительному и губительному для здоровья детскому труду на фабрике.

Хрестоматийные образы детских страданий и страхов представлены в рассказах А.П. Чехова «Ванька» и «Спать хочется».

Воспоминания детства и юношества рабочего-социалиста Бориса Иванова

...Но вот и Петербург. Это было в 1900 г. Матери было уже не до меня: я являлся лишним балластом, лишним ртом, которому требовалась пища и возможность жить, но этого она не могла мне дать; да и что смогла сделать женщина, которая сама прожила всю свою жизнь при помощи родных, не испытав тяжелой борьбы за кусок хлеба?

Для меня начали приискивать ремесло, куда бы отдать учиться, и таким ремеслом было избрано – отдать меня в парикмахеры. В течение полутора лет я прожил на трех местах, т.е. у трех хозяев...

Ученье было в том, что я мыл посуду, убирал комнаты, бегал за водкой, за пивом, ходил с письмами к хозяйкиным любовникам и поклонникам, рискуя за это получить побои от хозяина; не исполняя ее поручения, я рисковал еще больше быть избитым хозяйкою. Вот в этом всем заключалось мое ученье. Наконец, меня взял к себе брат матери (Бобров). Тут ученье пошло лучше, но Бобров меня почему-то ненавидел от всей души, и не мудрено, что, чем больше я получал побоев и подзатыльников, тем больше стал ненавидеть это ремесло.

На трех местах я видел почти одно и то же обращение, ибо заповедь хозяев и мастеров была одинакова: «меня били когда-то, как сидорову козу, и я вышел человеком; ты подрастешь, и сам скажешь нам спасибо». Таковы были аргументы моих ремесленных учителей, и на этом основана мудрость пословицы, что «за одного битого двух небитых дают».

Но эти жестокие пережитки цехового ученичества встречали у меня злобный протест, и я уже нарочито ленился и не хотел изучать это проклятое ремесло...

Иванов Борис. Записки прошлого. Повесть из воспоминаний детства и юношества рабочего-социалиста. – М., 1919. С. 37 – 38.

Николай Алексеевич Некрасов (1821 – 1878)

Русский поэт-демократ. В его творчестве нашли отражение темы повседневного быта городских низов, многоплановой жизни русского крестьянства, мечты о народном счастье, мир детства. Проблеме детей России поэт уделял особое место в своих стихах и поэмах. Одно из них «Плач детей» посвящено одной из сторон их жизни – изнурительный и губительный для здоровья труд на фабрике.

Плач детей

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?
«В золотую пору малолетства
Все живое – счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим – вертим – вертим!
Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, все кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, –
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:

– Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! –
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не шадит:
Хоть умри – проклятое вертится,
Хоть умри – гудит – гудит – гудит!
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы – спать.
Нам домой скорей бы воротиться, –
Но зачем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы. – М., 1971. – С. 135 – 136.

Антон Павлович Чехов

Ванька

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкафа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ, по обе стороны которого тянулись полка с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! – писал он, – И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикаш-

ка, лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колодушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьон, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьон необыкновенно почителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу, Ему уж не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревянной церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплескивает руками, пожимается от холода и, старчески хихикая, щиплет то горничную, то кухарку.

– Табачку нешто нам понюхать? – говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливается веселым смехом и кричит:

– Отдирай, примерзло!

Дают понюхать табак и собакам. Каштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьон же из почительности не чихает и вертит хвостом. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потерли снегом...

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой л велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет, чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или шей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей воз-

возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть, – продолжал он, – богу молиться, а если что, то секи меня как Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, го за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой, Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пуцают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченый орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатъевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Веселое было время! И дед кричал, и мороз кричал, а, глядя на них, и Ванька кричал. Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озявшим Ванюшкой... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать? Откуда ни возьмись по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтоб не крикнуть:

– Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол! Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатъевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатъевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка, – продолжал Ванька, – Христом-богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и

сказать нельзя, все плачу, А наемни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай, Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка, приезжай» Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку.. Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Довольный тем, что ему не помешали писать он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал па улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцам. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Чехов А.П. Драма на охоте: Повести и рассказы. / Предисл. Н. Берковского. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 1984. – С. 305 – 308.

Спать хочется

Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребенок, и чуть слышно мурлычит:

Баю-баюшки-баю,
А я песенку спою...

Перед образом горит зеленая лампадка; через всю комнату от угла до угла тянется веревка, на которой висят пеленки и большие черные панталоны. От лампы ложится на потолок большое зеленое пятно, а пеленки и панталоны бросают длинные тени на печку, колыбель и Варьку... Когда лампадка начинает мигать, пятно и тени оживают и приходят в движение, как от ветра. Душно. Пахнет щами и сапожным товаром.

Ребенок плачет. Он давно уже осип и изнемог от плача, но все еще кричит, и неизвестно, когда он уймется. А Варьке хочется спать. Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одревенело, что голова стала маленькой, как булавочная головка ...

Чехов А.П. Рассказы. М., Изд-во «Художественная литература», 1970. – С. 212.

...– Поддай сюда ребенка! – отвечает ей чей-то знакомый голос. – Поддай сюда ребенка! – повторяет тот же голос, но уже сердито и резко. – Спишь подлая?...

... – Возьми! – говорит хозяйка, застегивая на груди сорочку. – Плачет. Должно сглазили.

Варька берет ребенка, кладет его в колыбель и опять начинает качать... А спать хочется по-прежнему, ужасно хочется! Варька кладет голову на край колыбели и качается всем туловищем, чтобы пересилить сон, но глаза все-таки слипаются, и голова тяжела.

– Варька, затопи печку! – раздается за дверью голос хозяина.

Значит, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька оставляет колыбель и бежит в сарай за дровами. Она рада. Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении. Она приносит дрова, топит печь и чувствует, как расправляется ее одеревеневшее лицо и как проясняются мысли.

– Варька, поставь самовар! – кричит хозяйка.

Варька колет лучину, но едва успевает зажечь их и сунуть в самовар, как слышится новый приказ:

– Варька! Почисть хозяину калоши!

Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко...

– Варька! Помой снаружи лестницу, а то от заказчиков совестно!

Варька моет лестницу, убирает комнаты, потом топит другую печь и бежит в лавочку. Работы много нет ни одной минуты свободной.

Но ничто так не тяжело, как стоять на одном месте перед кухонным столом и чистить картошку. Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук, а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными рукавами и говорит громко, что звенит в ушах. Мучительно также прислуживать за обедом, стирать, шить. Бывают минуты, когда хочется, ни на что, не глядя, повалиться на пол и спать...

Чехов А.П. Рассказы. М., Изд-во «Художественная литература», 1970. – С. 215 – 216.

РАЗДЕЛ IV

БЕДНОСТЬ И СИРОТСТВО

Проблема детской бедности и сиротства раскрывается целым рядом источников. В первую очередь, это законодательные акты Российской Империи: «Именной, объявленный в циркуляр Главного Штаба Военного Министерства – О приеме солдатских детей в грудное отделение Московского воспитательного дома». (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XLI. 1866 г. – № 42867. – Января 8); «Высочайше повеление, объявленное Министром Юстиции. – О принятии под Августейшее покровительство Государыни Императрицы Александры Федоровны подведомственного Императорскому Человеколюбивому Обществу Попечительства для сбора пожертвованных на воспитание и устройство бедных детей в мастерство в С-Петербурге». (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVI. 1896 г. – № 14166. – Май 27); «Высочайше утвержденное Положение: 1. Об отделении для призрения детей женского пола при Доме призрения бедных в городе Царском Селе в память Синехруковых и 2. О пенсионном капитале Высочайшего Имени Его Императорского Величества, Государя Императора, в Царском Селе, в память Синехруковых Дома призрения бедных по отделению для девочек.» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVI. 1896 г. – № 12817. – Апреля 22); «Высочайше утвержденное Положение о С-Петербургском Ольгинском детском приюте трудолюбия». (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVI. 1896 г. – № 12496. – Января 31); «Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу Главноуправляющему Собственною Е.И.В. Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии. – О принятии капитала, пожертвованного Графинями Апраксиными на устройство и содержание сиротского отделения при Охтенском детском приюте в С-Петербурге». (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVII. 1896 г. – № 12496. – № 13869. – Марта 16); «О сиротских домах и о домах воспитательных». (Свод Законов Российской Империи. Том XIII. Устав о общественном призрении. Книга I. Общее учреждение установлений общественного призрения и уставы заведений, им подведомственных. Раздел II. Уставы о управлении заведений общественного призрения. Глава 1. Общий устав о управ-

лении заведений общественного призрения. Отделение второе.); «О злоупотреблении власти опекунов и попечителей». (Свод Законов Российской Империи. Том XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885. Раздел IX. О преступлениях и проступках против законов о состояниях. Глава 4. О злоупотреблении власти опекунов и попечителей.); «О производстве дел брачных и о законности рождения у раскольников». (Свод Законов Российской Империи. Том XVI. Судебные Уставы. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 г. Книга третья. Изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства. Раздел третий. О судопроизводстве по делам брачным и о законности рождения. Глава 3. О производстве дел брачных и о законности рождения у раскольников); «Об узаконении детей». (Свод Законов Российской Империи. Том XVI. Судебные Уставы. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 г. Книга четвертая. Судопроизводство охранительное. Раздел VI. Об узаконении детей); «Об усыновлении». (Свод Законов Российской Империи. Том XVI. Судебные Уставы. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 г. Книга четвертая. Судопроизводство охранительное. Раздел VII. Об усыновлении).

Российские и региональные материалы воссоздают попытки различных ведомств и обществ, попечительских комитетов и кружков решить проблемы бедных и бесприютных и детей. Интерес представляют: «Отчет по ведомству детских приютов состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством и принадлежащих к ведомству учреждений императрицы Марии за 1890 – 1894 гг.», «Отчет Андреево-Владимирского православного братства», «Отчет о деятельности Комитета Попечения о бесприютных детях школьного возраста в г. Екатеринодаре за 1910 год», «Устав Пятигорского, Терской области, дамского Кружка попечения о бедных детях». Материалы фонда 47 – «Ставропольского приказа общественного призрения» и фонда 240 – «Ставропольского городского сиротского суда» ГАСК посвящены самой беззащитной категории детей – подкидышам, а также опеке над сиротами, полусиротами и внебрачными детьми. Данная проблема освещается на страницах российской и региональной периодической печати (газеты «Неделя», «Право», «Ставропольская почта»).

История жизни ребенка, у которого «в детстве не было детства», представлена в повести «Гуттаперчевый мальчик» Д.В. Григоровича, отрывки из которой вошли в раздел хрестоматии. Пронзительно остра тема детей так называемого «дурного общества» в рассказе писателя В.Г. Короленко «Дети подземелья», представленного фрагментами и иллюстрацией.

**Именной, объявленный в циркуляр Главного Штаба Военного
Министерства - О приеме солдатских детей в грудное отделение
Московского воспитательного дома.**

Государь Император высочайше повелеть соизволил: для вспомоществования женам нижних воинских чинов, состоящих на службе и потому неимеющих возможности доставлять необходимые средства к содержанию своих семейств, дозволил прием в грудные отделения Московского Воспитательного Дома на вскормление таких только солдатских детей, матери которых находятся в болезненном положении, препятствующим самим кормить ребенка грудью и, сверх того, не получают ни откуда пособия, с тем, чтобы они предоставляли о том удостоверения от Штаба местных войск Московского военного округа и чтобы определение: способна ли солдатка кормить грудью или нет своего ребенка, отдаваемого ею в грудное отделение, лежало на прямой обязанности врачей Воспитательного Дома.

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание II. Том XXI.
1866 г. – № 42867. – Января 8.*

**Высочайше повеление, объявленное Министром Юстиции. -
О принятии под Августейшее покровительство Государыни
Императрицы Александры Федоровны подведомственного
Императорскому Человеколюбивому Обществу
Попечительства для сбора пожертвований на воспитание
и устройство бедных детей в мастерство в С-Петербурге.**

Государыня Императрица Александра Федоровна, вследствие засвидетельствования об успешной и полезной благотворительной деятельности подведомственного Императорскому Человеколюбивому Обществу Попечительства для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных детей в мастерство в С-Петербурге, Всемилостивейше соизволила, в 21-й день Май 1897 года, удостоить учреждение это принятием под Августейшее свое покровительство, и на осуществление сего воспоследовало, в 27-й день того же Мая, высочайшее Его Императорского Величества соизволение.

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVI.
1896 г. № 14166. – Май 27.*

Высочайше утвержденное Положение: 1. Об отделении для призрения детей женского пола при доме призрения бедных в городе Царском Селе в память Синебрюховых и 2. О пенсионном капитале Высочайшего Имени Его Императорского Величества, Государя Императора, в Царском Селе, в память Синебрюховых дома призрения бедных по отделению для девочек.

1. Положение об отделении для призрения детей женского пола при доме призрения бедных в городе Царском Селе, в память Синебрюховых

П. 6. Для помещения детей в отделение соблюдаются следующие правила:

а) преимущество при приеме отдается круглым сиротам обывателей города Царского Села;

б) затем принимаются полусироты названного города;

в) за ними круглые сироты обывателей других городов;

г) за ними полусироты обывателей других городов;

д) для призрения принимаются дети простого звания законно или незаконнорожденные, имеющие необходимые документы;

е) девочки принимаются для призрения в возрасте от 4 до 6 лет; исключение может быть допущено Попечительством дома призрения только в виду особо уважительных и неотложных обстоятельств;

ж) девочки должны быть без телесных и умственных недостатков и не повреждены злокачественным и заразным болезням.

П. 7. Призреваемые в отделение девочки остаются в оном до 16-ти летнего возраста; ранее этого времени и без согласия Попечительства дома призрения не могут быть взяты обратно родителями, родственниками или опекунами в противном же случае берущие детей должны возместить расходы по содержанию за все время нахождения их в отделении. Выполнение этого условия обеспечивается подпискою со стороны родителей, родственников и опекунов, при помещении детей в призрение.

П. 8. Призреваемые пользуются полным содержанием при готовой квартире в доме призрения бедных в память Синебрюховых и лечатся в названом доме только от незаразных болезней.

П. 9. Девочки обучаются закону Божию, русской грамоте, счислению и рукоделиям.

П. 10. Надзор за девочками поручается: надзирательнице, ее помощнице и няне (до времени, когда няня может быть заменена взрослыми призреваемыми девочками), под надзором попечительниц и прочих членов Попечительства дома призрения.

*Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVI.
1896 г. – № 12817. – Апрель 22.*

Высочайше утвержденное Положение о С-Петербургском Ольгинском детском приюте трудолюбия.

I. Общие положения

П. 2. Приют имеет целью призывать и приучать к труду остающихся в столице без присмотра или пристанища детей обоюго пола, впредь до передачи их на надежное попечение родственников, подлежащих обществ, благотворительных учреждений или частных лиц или же до надлежащего приготовления их к трудовой жизни.

П. 3. В приют принимаются дети обоюго пола без различия вероисповедания, сословия или звания, способный, по своим силам и состоянию здоровья, к работе, в возрасте не моложе 6 лет, причем они могут оставаться в приюте не позднее достижения: мальчиками – 15 лет и девочками – 16 лет.

П. 4. Приют учреждается на 200 призываемых и помещается в ближайших окрестностях города С-Петербурга на особо отведенном участке земли.

II. Управление приютом

П. 13. В приюте состоят: Заведующий приютом, священник, врач, письмоводитель (он же бухгалтер) и необходимое число сестер милосердия, фельдшеров, фельдшериц, учителей, учительниц, старших и младших надзирателей и надзирательниц, огородников, мастеров ремесел, и проч.

П. 16. Священник приглашается Советом по сношению с епархиальным начальством для преподавания детям Православного вероисповедания, закона Божия и ведения с детьми религиозно-нравственных бесед.

Примечание. Дети неправославного вероисповедания пользуются, по возможности, наставлениями в вере своих духовных пастырей.

III. Пребывание призываемых в приюте

П. 26. Девочки и мальчики содержатся отдельно, и помещения их должны быть, по возможности, удалены друг от друга.

П. 27. Призываемые в приют дети делятся на семьи сообразно возрасту и другим условиям; каждая семья в составе не более 20 детей помещается вместе со своим надзирателем или надзирательницей в отдельной избе.

П. 28. Дети содержатся в приюте скромно и просто с тем, чтобы оказаться приготовленными к трудовой жизни рабочих классов.

С этой целью их приучают, соразмерно возрасту и силам, к крестьянским работам, преимущественно по огородничеству и садоводству; кроме того, их обучают несложным мастерствам и рукоделиям, а также на них, по возможности, возлагают все домашние работы в приюте.

На физическое развитие призреваемых обращается особое внимание.

П. 29. Усмотрению Совета представляется установить в пользу призреваемых особое вознаграждение, в зависимости от производительности работ, нравственных качеств и усердия каждого призреваемого. Означенное вознаграждение выдается при выпуске детей из приюта и относится на счет сумм, вырученных или сбереженных вследствие работы питомцев.

П. 30. В часы, свободные от работы, детей обучают закону Божию, грамоте и начальным правилам счисления. Независимо от сего для них устраивают религиозно-нравственные чтения и беседы, под руководством преимущественно священника или кого-либо из учителей или учительниц, по назначению Совета.

В воскресные и праздничные дни производятся только неотложные работы, на которые призреваемые назначаются по очереди; все же свободные от работы питомцы посещают в эти дни церковное богослужение в сопровождении надзирателей и надзирательниц.

П. 31. Дети ежегодно приводятся к исповеди.

Примечание. Дети неправославного исповедания исполняют религиозные обязанности по обрядам их веры.

VI. Выпуск призреваемых и заботы об устройстве дальнейшей их судьбы

П. 35. Детям выдается при выпуске свидетельство о пребывании их в приюте, а равно они снабжаются, в случае надобности, комплектом белья и платья.

П. 36. Совет приюта, по возможности, помогает выпускаемым детям в приискании заработка и следит за дальнейшей судьбой бывших своих питомцев до достижения ими 25-ти летнего возраста или до замужества и, получив достоверные сведения о том, что они при хорошем поведении способны к самостоятельному труду, входит об оказании им материальной помощи с представлениями в Комитет Попечительства о домах трудолюбия и работных домах.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVI. 1896 г. – № 12496. – Января 31.

**Высочайшее повеление по всеподданнейшему докладу
Главноуправляющему Собственною Е.И.В. Канцелярию
по учреждениям Императрицы Марии. – О принятии капитала,
пожертвованного Графинями Апраксиными на устройство
и содержание сиротского отделения при Охтенском детском
приюте в С-Петербурге.**

Главноуправляющий Собственною Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям Императрицы Марии уведомил, что Государь Император, по всеподданнейшему его, Главноуправляющего, докладу, в 16-й день Марта 1897 года, Высочайше соизволил: 1) на принятие капитала, представленного в С-Петербургский Совет детских приютов, Попечительницею Охтенского детского приюта Графинею Еленою Степановною Апраксиною и Помощницею ея Графинею Елисаветою Степановною Апраксиною, в размере шестидесяти пяти тысяч рублей; 2) на употребление сего капитала, согласно желанию жертвовательниц, на учреждение при Охтенском детском приюте сиротского отделения для призрения 15-ти живущих в заведении девочек в возрасте от 6 до 11 лет, надстройку соответственного помещения и на содержание сиротского отделения из процентов с остающегося капитала; 3) на присвоение сиротскому отделению наименования «Сиротское отделение Графинь Елены и Елисаветы Апраксиных при Охтенском детском приюте в С-Петербурге», и 4) на предоставление жертвовательницам пожизненно права замещать означенныя 15 вакансий, с тем, чтобы после их смерти право это принадлежало Совету.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание III. Том XVII. 1896 г. – № 12496. – № 13869. – Марта 16.

О сиротских домах и о домах воспитательных.

I. О сиротских домах

184. Сиротские дома, принадлежащие к разряду благотворительных заведений, состоящих в заведывании установлений общественного призрения и на счетах их содержимых, имеют целью своего учреждения: 1) призреть сирот в том возрасте, в котором они не могут еще быть никуда пристроены для обучения, долженствующего положить основание будущему их состоянию, и 2) призренных таким образом сирот впоследствии, когда они достигнут известного возраста, пристроить одних в учебные заведения, других на службу, фабрики, заводы и к частным людям для научения ремеслам, торговым и иным

полезным занятиям, кои могут быть приличны полу, происхождению или состоянию сирот и содействовать к устройению их участи.

Примечание 1. В 1836 году Министерству Внутренних Дел предоставлено: 1) в случае надобности, дополнять и изменять изданные для сиротских домов правила, соответственно местным каждой губернии обстоятельствам, 2) разрешать непосредственно, представляя, в свое время, отчет установленным порядком, устройство для сиротских домов помещений; определение числа призреваемых сообразно способам каждого приказа общественного призрения, назначения штатов сиротским домам и вообще все до хозяйственной части сих заведений относящиеся распоряжения.

Примечание 2. В 1861 году, с упразднением училищ для детей канцелярских служителей, предоставлено было приказам общественного призрения употреблять соразмерную со средствами их сумму на помещение детей канцелярских служителей и бедных чиновников стипендиатами в другие учебные заведения как общие, так и специальные с необходимым пособием на одежду и учебные принадлежности, с оставлением впрочем сих детей на попечение родителей, родственников, опекунов и даже посторонних, но вполне благонадежных семейств, с тем, чтобы лишь при совершенной к сему невозможности приказы содержали таких детей в сиротских домах или других воспитательных заведениях, либо своими пенсионерами в учебных заведениях, а в случае каких-либо к тому затруднений представляли о том на разрешение Министерства Внутренних Дел, от которого должны были быть даны ближайшие по сему предмету указания приказам, по соглашению, в чем следует, с начальством подлежащих воспитательных и учебных заведений.

185. В сиротские дома принимаются: 1) сироты обоего пола из детей местных купцов, мещан, цеховых и вообще людей других состояний, оставшиеся после родителей в положении, требующем призрения, и 2) сироты чиновников и канцелярских служителей, кои, находясь в бедности, не имели способов поместить детей своих для воспитания и обучения в другие заведения.

Примечание. Призрение сирот духовного звания определяется особыми о них правилами, изданными по духовному ведомству.

186. В сиротских домах могут быть содержимы и пансионеры обоего пола всех состояний, принимаемые, смотря по удобству помещения, на счет обществ, к которым принадлежали их родители, или на счет родственников, благотворителей и др. лиц.

187. Число сирот, назначаемых в оные для призрения, а равно все издержки содержания их соразмеряются со средствами общественного призрения и определяются штатами, издаваемыми особо для каж-

дого из сих заведений, с утверждения Начальника Главного Управления по делам местного хозяйства.

188. Независимо от должностных лиц, определяемых по штатам сиротских домов, сие заведения могут иметь почетных попечителей.

189. Благотворителям, сделавшим в пользу сиротских домов значительные приношения, присваивается право быть почетными попечителями и участвовать в совещаниях об устройении участи сирот.

190. Городской голова и почетный попечитель могут представлять о всем том, что признают полезным по управлению сиротским домом и для улучшения содержания оного.

II. О воспитательных домах

191. Для призрения незаконнорожденных младенцев состоят в некоторых местах, под ведением установлений общественного призрения, воспитательные дома, но по дознанным крайним неудобствам существование сих домов в губерниях, учреждение оных вновь не дозволяется.

Примечание. Воспрещение учреждать воспитательные дома в губерниях отменено. – Сие примечание относится также к статьям 192 и 193.

192. В тех местах, где сие дома уже существуют, свободный прием в оные младенцев прекращается, а допускается только в уважительных и неизбежных случаях как например, в случае поднятию полициею младенца, не имеющего родственников, могущих и обязанных воспитать его.

193. Когда окажется младенец, подкинутый неизвестным или оставшийся без родственников, то изыскиваются благотворители для принятия его на воспитание без платы или же с платою, сколь можно умеренною.

194. Воспитанники, по пришествии в возраст, распределяются соответственно происхождению их, полу, возрасту, способностям и способам, какие имеются к устройению их участи.

195. Устройство участи сирот женского пола предоставляется совершенно на попечение установлений общественного призрения с непременною обязанностью наблюдать, чтобы они распределяемы были с обоюдною для них и для общества пользою и соображаясь в том с общими правилами об устройении участи сирот и с положениями об Императорских воспитательных домах, по мере того, сколько сие положения к ним применены могут быть.

Свод Законов Российской Империи. Том XIII. Устав о общественном призрении. Книга I. Общее учреждение установлений общественного призрения и уставы заведений, им подведомственных. Раздел II. Уставы о управлении заведений общественного призрения. Глава I. Общій устав о управлении заведений общественного призрения. Отделение второе.

О злоупотреблении власти опекунов и попечителей

1598. Опекуны и попечители, за подлоги и обманы ко вреду лиц, вверенных опеке их или попечительству, а равно и за присвоение и растрату имущества сих лиц, подвергаются:

лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к отдаче в тюрьму на временное заключение.

1599. Опекун, избалованный в принуждении каким бы то ни было образом лица, вверенного опеке его, к вступлению в брак или в монашество, подвергается за сие:

заключению в тюрьме на время от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев.

1600. Опекун, который, путем злоупотребления своей власти, или посредством преступных внушений и обольщений, вовлечет умышленно в преступление лицо, вверенное его опеке, подвергается за это:

высшей мере наказаний или взысканий, за то преступление в законе определенных.

Свод Законов Российской Империи Том XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885. Раздел IX. О преступлениях и проступках против законов о состояниях. Глава 4. О злоупотреблении власти опекунов и попечителей.

О производстве дел брачных и о законности рождения у раскольников

1356. Доказательством рождения от брака, записанного в метрической книге, служат сие книги или засвидетельствованные надлежащим порядком записи из них. Когда же рождение не записано в метрической книге, или когда правильность сделанной в сей книги записи оспорена, то доказательствами признаются родословные, городовые обывательские книги, ревизские сказки, именные списки старообрядцев и сектантов, формулярные списки родителей и показания свидетелей.

Свод Законов Российской Империи. Том XVI. Судебные Уставы. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 г. Книга третья. Изъятия из общего порядка гражданского судопроизводства. Раздел третий. О судопроизводстве по делам брачным и о законности рождения. Глава 3. О производстве дел брачных и о законности рождения у раскольников.

Об узаконении детей

1460(1). Просьбы об узаконении детей, рожденных до брака, подаются Окружному Суду по месту постоянного жительства родителей ребенка или сего последнего. Подача сих просьб чрез поверенных не допускается.

1460(2). При просьбе должны быть представлены: письменное заявление отца и матери о том, что ребенок происходит от них, и метрические свидетельства о рождении ребенка и о браке родителей.

1460(3). В просьбе, поданной Окружному Суду по истечении более одного года со дня совершения брака, служащего основанием к узаконению, должны быть объяснены причины, оправдывающие такое промедление.

1460(4). Суд извещает просителей о дне, назначенном для слушания дела, и, удостоверясь: 1) в возможности происхождения ребенка от признающих себя его родителями и в тождестве признающей себя матерью ребенка с тою, которая означена в метрическом свидетельстве о его рождении; 2) в существовании законного брака между родителями; 3) в отсутствии законных препятствий к узаконению ребенка, и 4) в уважительности представленных на основании статьи 1460¹ объяснений просителей, а также выслушав словесные объяснения их, если они явились в заседание, – постановляет определение об узаконении ребенка.

Примечание. Когда при узаконении отчество или фамилия узаконяемого переменяются, в определении должно быть указано, под каким именем, отчеством и фамилией или прозвищем узаконяемый был записан в метрической книге о рождениях.

1460(5). Дела об узаконении рассматриваются судом при закрытых дверях и разрешаются по выслушании заключения Прокурора.

1460(6). Жалобы на определение Окружного суда по делам об узаконении допускаются со стороны как участвующих в деле лиц, так и Прокурора.

1460(7). По вступлении определения об узаконении в законную силу, Суд делает надпись о состоявшемся определении на метрическом свидетельстве о рождении узаконяемого и сообщает об этом подлежащей духовной консистории для соответственной отметки в метрической книге о рождениях. Вместе с этим, Окружной Суд, по соблюдении в тех случаях, когда один из родителей принадлежит к православному исповеданию, взамен метрического свидетельства о рождении узаконяемого, новое о его рождении свидетельство.

Свод Законов Российской Империи. Том XVI. Судебные Уставы. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 г. Книга четвертая. Судопроизводство охранительное. Раздел VI. Об узаконении детей.

Об усыновлении

1460(8). Просьбы об усыновлении подаются в Окружной Суд по месту постоянного жительства усыновителей или усыновляемых.

1460(9). Суд извещает участвующих в деле лиц повестками о дне, назначенном для слушания дела, и, удостоверяясь в соблюдении предписанных для вызова условий, а также, выслушав словесные объяснения вызванных лиц, если они явились в заседание, - постановляет определение об удовлетворении ходатайства просителя или об отказе в таком ходатайстве.

1460(10). Дела об усыновлении разрешаются по выслушании заключения Прокурора.

1460(11). Жалобы на определения Окружного Суда по делам об усыновлении допускаются со стороны как участвующих в деле лиц, так и Прокурора.

1460(12). Лица, права которых нарушаются неправильным усыновлением, могут заявить свои возражения во время производства дел об усыновлении или начать впоследствии, в двухгодичный срок со дня вступления определения суда в законную силу, спор общим исковым порядком. Спор этот, во всяком случае, может быть заявлен только при жизни усыновителя.

Свод Законов Российской Империи. Том XVI. Судебные Уставы. Устав гражданского судопроизводства. Издание 1892 г. Книга четвертая. Судопроизводство охранительное. Раздел VII. Об усыновлении.

Ведомство детских приютов состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством и принадлежащих к ведомству учреждений императрицы Марии за 1890 – 1894 гг.

В конце 1889 г. исполнилось 50 лет со времени издания «Положения о детских приютах», Высочайше утвержденного Императором Николаем I 27 декабря 1839 г. и положившего начало правильному развитию в России, под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством, учреждений для призрения детей бедных родителей....

Возникшие в России всего только 55 лет назад скромные приюты для призрения бедных детей, постепенно развиваясь и расширяясь, со временем составили обширное благотворительное ведомство, распространившее свои действия по всей Империи. Приюты открывались во всех губерниях, от Архангельска до Кавказа и от западных и прибалтийских окраин до самых отдаленных местностей Сибири, при том не только почти во всех губернских, но и во многих уездных городах и даже в селах.....

Кубанское войсковое попечительство заведует Екатеринодарским приютом. Кубанский войсковой приют для девиц в г. Екатеринодаре преобразован и переименован в 1887 г. из Екатеринодарского начального женского училища, содержавшегося на средства Екатеринодарского женского благотворительного общества, во время бытности председательницею правления оною супруги наказного атамана Кубанского казачьего войска Е.Б. Шереметевой..... В приюте воспитывались 54 девочки.....

В Кубанском войсковом приюте в г. Екатеринодаре воспитанницы обучаются ремеслам: швейному, чулочному, ткацкому, изготовлению казачьего обмундирования и всем хозяйственным работам. Весной и летом они, под наблюдением огородника, занимаются посадкой огородных овощей, выпалыванием и поливкой огорода. Они дежурят на кухне, учатся готовить кушанья, обучаются стирке белья.

В 1890 г. приют, удостоившись получить заказ Государыни Императрицы Марии Федоровны, изготовил для платья Ее Величества 22 аршина серого пухового сукна.....

19 мая 1891 г. Кубанский приют был причислен к Ведомству учреждений Императрицы Марии.....

Отчет по ведомству детских приютов состоящих под непосредственным их императорских величеств покровительством и принадлежащих к ведомству учреждений императрицы Марии за 1890 – 1894 гг. СПб., 1896. – С. 1 – 156.

Дети одного из приютов г. Ставрополя
(из фондов СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве)

Убежище для бесприютных детей (Открыто 15 июля 1888 года при Андреево-Владимирском православном братстве)*.

Братство помогало епархии в миссионерской деятельности, по его инициативе при семинарии в 1874 г. была открыта кафедра калмыцкого языка, упразднённая в 1881г. Братство основало школу для калмыков в с. Дербетовка и взяло на попечение школу в с. Большая Джалга.

В конце 1880-х гг., при епископе Ставропольском и Екатеринодарском Владимире (Петрове), было учреждено братство во имя Св. Владимира, развернувшее широкую благотворительную деятельность.

В 1892 г., при епископе Евгении (Шерешилове), эти два братства были объединены в единое Андреево-Владимирское братство, которое вело и миссионерскую и гуманитарно-благотворительную деятельность.

По инициативе братства были организованы воскресные народные чтения и устроена первая народная читальня. Епископ, входя в нужды братства, на свои средства устроил при братстве центральный книжный склад, который торговал по издательской цене (не извлекая прибыли) литературой духовного содержания и школьными принадлежностями. Во многих пунктах епархии братство учредило свои отделения и книжные лавки.

При архиепископе Агафодоре (Преображенском) - (1895-1919) – братство содержало бесплатную столовую для бедных, убежище для бесприютных детей и дом престарелых. Просветительскую деятельность, братство вело через содержащиеся им школы, читальню, книжный склад и лавки и регулярно проводимые религиозно-нравственные чтения.

Из книги: «Христианство на Северном Кавказе до и после его присоединения к России» // Митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеопа. Москва – Пятигорск, 1992. – С. 138 – 158.

13 июня 1907 г. прошение к начальнику Кубанской области. Общество

(Из отчёта о деятельности братства в 1899 году)**

Убежище для бесприютных детей помещается по-прежнему в каменном двухэтажном корпусе и двух флигелях, при чем в восточном

* В 1873г. в Ставрополе по инициативе епископа Ставропольского и Екатеринодарского Германа (Осецкого) было образовано Свято-Андреевское братство, в задачи которого входило: содействовать распространению православия на территории Кавказской епархии, предохранять православное население от перехода в иные исповедания, способствовать религиозно-нравственному просвещению православного населения Северного Кавказа.

** Издан в Ставрополе в 1901 г. С. 42 – 53. // Библиотека СГМЗ им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

размещены детские мастерские (сапожная, переплетная и столярная) и прачечная с домашней датской баней; в западном – помещение для учительницы и больница (всего под убежищем 26 комнат).

В западном же флигеле одно просторное помещение, разделенное перегородкою на две комнаты, занято книжным складом Братства, а другое, вместе с одним из подвалов под главным корпусом, отдавалось в наймы епархиальному свечному складу сначала за 300 рублей в год для склада восковых свечей и деревянного масла, а затем в последние четыре года для одного свечного склада по 180 рублей в год.

В конце 1896 г. это помещение освобождено, и Братство уже не получает никакого дохода. Большой и просторный подвал под главным корпусом служил помещением для братской бесплатной столовой. В подвалах под флигелями находились дровянки и помещения для склада материалов.

За отчетный год не производилось никаких капитальных ремонтных работ в помещениях, занимаемых Убежищем и существующих при нем учреждений, произведена лишь поправка внутренней штукатурки, а также побелка всех помещений и исправление печей.

В начале 1890 г. Совет Братства, сообразясь со своими средствами и вместимостью помещений Убежища, признал необходимым ограничить прием детей нормою 50 человек. Нормы этой Братство и придерживалось в последующее время, при чем, однако, при виде крайней нужды, не стеснялось приемом детей и свыше установленной нормы.

К 1-му января 1899 года в Убежище призревалося детей: мальчиков 46, девочек 15, итого 61.

В течение года выбыло из Убежища; 10 мальчиков: Ревнивцев Иван, Левандовский Иван, Коновалов Александр, Кванин, Набродов Антон определены на епархиальный свечной завод, Красновские Иван и Евгений – взяты матерью, Сухонос Иван – к отцу, Широков Василий – к матери и Репухов Максим – к брату; 2 девочки: Зайцева Анна взята отцом и Цуканова Мария – к отцу.

На место выбывших вновь принято 6 мальчиков: Пономаренко Николай 10 лет, круглый сирота, Московской Георгий, сирота, Стародубцев Марк 8 лет, сирота, Немыкин Эраст 9 лет, имеющий в живых мать, Гордеев Георгий 8 лет, сирота и Скляревский Семен 14 лет, круглый сирота.

К 1-му января 1900 года состояло призреваемых всего 55, из них: 42 мальчика и 13 девочек.

Прием детей в Убежище и выбытие происходили на прежних основаниях.

Прошений о помещении детей в Убежище в 1899 г. поступило очень много, в особенности перед началом учебного года. Наравне с

крайне бедными людьми просили о приёме детей и люди более или менее состоятельные, при этом последние выражали свою готовность даже платить Братству за содержание и воспитание.

Обыкновенно приём предшествовало собрание членом Братства, по поручению Его Пресвященства или же Совета Братства, сведений о семейном и материальном положении просителей, заслушивание и обсуждение сих сведений Советом. Принимались преимущественно круглые сироты или дети крайне бедных многосемейных родителей. Мотивами к отклонению ходатайств о помещении детей в Убежище главным образом служили: достаточное имущественное обеспечение родителей и опекунов детей, слишком малый или же большой возраст последних (бывали случаи просьб о принятии и призреии даже грудных детей и детей 15-ти летних).

Дети выбывают преимущественно к родным или к опекунам. Бывают, впрочем, случаи, что и посторонние люди, семейные, но бездетные и материально обеспеченные, входили в Совет с прошениями об отдаче того или иного из призываемых на воспитание, для усыновления. При отдаче детей посторонним лицам, у родителей или у опекунов призываемых получали заявления о согласии.

Прежде отдачи, о лицах, желающих взять детей, собирались сведения у надлежащего начальства или у местного священника. Добытые сведения докладывались Пресвященнейшему Председателю Братства или вносились для обсуждения на ближайшее заседание Совета, от коих и исходило окончательное решение по вопросу о выбытии призываемых из учреждений Братства вообще.

Выбытием детей из Убежища, не прекращается связь их с этим учреждением. Убежище не теряет из виду ни детей, ни их воспитателей и, по мере возможности, о них наводятся справки. Дети и сами не забывают Убежища и при всякой возможности заходят туда.

Главный надзор за Убежищем с учреждениями при нём возложен Советом Братства, на заседании от 15 января 1895 г., на особое „Совещание”. Совещание состоялось, под председательством секретаря Братства П. К. Ширинского, из законоучителя, заведующей Убежищем и учительницы при Убежище.

Заведовала Убежищем и учреждениями при нём вдова коллежского асессора Мария Максимовна Борисенко. Госпожа Борисенко на службе у Братства – с 1 мая 1895 года. В ведении заведующей находились как хозяйственная, так воспитательная, а отчасти и учебная часть при Убежище. За свои труды, заведующая получала от Братства жалованья 30 рублей в месяц, квартиру, отопление, освещение и некоторые продукты для стола. Труды заведующей по воспитательной части, разделяла учительница при Убежище.

В помощь заведующей по воспитанию и надзору за детьми приглашены: дядька для надзора за мальчиками, и надзирательница для надзора за девочками.

На первой должности состоял мещанин Алексей Меркулов. Дядька получал от Братства 10 рублей в месяц, стол, чай и помещение. В должности надзирательницы за девочками состояла девица Александра Меркулова. Надзирательница получала 7 рублей в месяц жалованья, стол, чай и помещение, и, кроме своих прямых обязанностей, помогала учительнице рукоделия.

Как дядька, так и надзирательница неотлучно бывают при детях. Они живут в одной с детьми комнате; с ними вместе бывают на молитве, в церкви, в столовой, сопровождают на прогулки, в баню и так далее.

Главное внимание было обращено на воспитание детей Убежища в правилах Святой православной веры. День начинался и оканчивался обыкновенно молитвой; перед завтраком, обедом, ужином, равно и после них дети поют молитву; присутствуют в бесплатной столовой при совершении панихид; в предпраздничные и праздничные дни все без исключения бывают в церкви; по средам, пятницам и во все установленные Церковью посты – пища постная; два раза в течении года дети говели и приобщались Св. Таин.

Следующие правила, установленные при основании Убежища, строго соблюдались и в отчетном году. Все дети всё для себя должны делать сами, но по силам и под надзором воспитательниц: они сами убирают постели, подметают, приносят воду, накрывают и убирают стол, моют посуду, полы, стирают мелкое бельё, очищают двор, носят дрова. На каждый день есть расписание кому что делать.

Детский день обыкновенно распределялся таким образом. Дети вставали в 5 часов утра; время до 7 часов утра назначено было на одевание, уборку постелей, спален, и т.д., – молитву, завтрак; с 7 до 12 часов – учение в школе; в 12 часов – обед; после обеда отдых и прогулка до 2-х часов пополудни; с 2-х часов до 5 – занятия в мастерских; 5-й и 6-й часы – на чай и отдых; 7-й, 8-й – занятия в мастерских и чтение книг; после 8 часов – молитва и в 9 часов – сон. В праздничные дни время после богослужения дети проводят в играх, прогулках и чтении книг.

Призреваемые в Убежище дети пользуются от Братства помещением, пищею, одеждою, обувью, бельем и всем прочим необходимым. Им также даётся первоначальное обучение грамоте в состоящей при Убежище одноклассной церковно-приходской школе, затем – обучение ремёслам: сапожному, столярному, переплётному и рукоделию, из искусств – пение.

В существующей при Убежище школе обучалось мальчиков 28, девочек 11, итого 39 призреваемых; окончило курс 5 детей. Не обучалось 16 из числа призреваемых детей; из них: по малолетству 6 де-

тей, за окончанием курса 5, и обучалось в городском шестиклассном училище 6 мальчиков.

Окончившие школьный курс, и малолетние дети обыкновенно занимались в мастерских или исполняли посильные работы по Убежищу. Школа находилась под наблюдением и руководством Епархиального Училищного Совета. Ближайшее заведование ею поручено законоучителю, священнику Кафедрального собора о. Константину Надеждину. В должности учительницы состояла П.А. Михайличенко, а с сентября 1899г. Анна Михайловна Василевская, с жалованьем 420 рублей от Епархиального Училищного Совета и 80 рублей в год столовых от Братства. На обязанности учительницы лежит, кроме классных занятий и воспитательной помощи во внеурочные часы, заведование детскою библиотекой, выдача и чтение по вечерам и праздникам с детьми книг.

Сапожная мастерская открыта при Убежище 1889г. для обучения призреваемых детей сапожному и башмачному ремеслу. Необходимыми инструментами мастерская снабжена в достаточной мере, имеются для заготовок и строчек две швейных машины. С 1 июля 1895 года мастером – учителем состоит сапожник Савелий Нелезин. Получает 15 рублей жалованья в месяц и пользуется от Братства помещением и столом.

Обучается мастерству 15 мальчиков, в возрасте, от 7 до 17 лет. Мастерская братская поставлена в настоящее время на желательной высоте. Мастер вполне сведущ в своём деле, и обладает достаточными способностями передать свое умение детям. Кроме того, он человек совершенно трезвый и имеет доброе воспитывающее влияние на детей. Благодаря этому, дело по мастерской шло очень успешно.

Мастерская своими только силами, без помощи сторонних мастеров и рабочих, изготовляла обувь на всех призреваемых в благотворительных учреждениях Братства (более 60 детей Убежища и до 40 призреваемых в Доме беспомощных, всего более чем на 100 человек), а также выполняла и частные заказы.

Что касается до качества работ братской мастерской, то необходимо заметить, что работы её отличаются прочностью и по изяществу могут смело конкурировать с работою так называемую «варшавскую». Нижеследующая таблица может быть наглядным показателем работ мастерской за 1899 год.

Название исполненных работ	На сторону	Для учащихся	Итого
	Вновь Починено пошито	Вновь Починено пошито	Вновь Починено пошито
Сапоги	43 56	8 170	51 226
Штиблеты	10 41	- 2	10 43

Столярная мастерская существует, при Убежище с 1891 года. Помещается она в одной довольно просторной комнате (в 22 аршина длины, 7 аршинов и 6 вершков ширины и 3 аршина 6 вершков высоты). Инструментов в мастерской достаточно, при чём вновь выписано в 1897 году на 195 рублей 6 копеек. Между прочим, мастерская располагает 7 верстаками и одним токарным станком. Мастером-учителем состоял столяр Василий Амвросиев с жалованьем 20 рублей в месяц, при готовом столе. Обучалось мастерству 14 мальчиков, от 8 до 15 лет. Успехи детей очень удовлетворительны. Мастерская выполняла все столярные работы, нужные для учреждений Братства, и принимала частные заказы.

Переплетная мастерская. Правильные занятия ведутся в мастерской с 1893 г. Мастерская снабжена необходимейшими машинами, шрифтами и инструментами. Кроме того, для лучшего ознакомления детей с мастерством при мастерской имеются книжные руководства по ремеслу. С 10 мая 1895 г. мастером-учителем состоит помещанец Семён Малахов, с жалованьем 12 рублей в месяц. Обучалось 16 детей, в возрасте от 9 до 16 лет. Мастер имеет доброе воспитывающее влияние на детей и под его руководством дети работали очень усердно и со значительным успехом. Переплетная удовлетворила всем требованиям на переплеты братской библиотеки, Убежища и братских школ: для этих учреждений за отчетный год исполнено работ на 39 р. 75 коп. Кроме того, мастерская исполнила заказов: а) на сторону на 438 р. 45 коп.) книжному складу Братства на 121 р. 42 коп.

Рукодельная мастерская открыта при Убежище в год возникновения последнего. Назначение её – производить все работы по изготовлению для призываемых в благотворительных учреждениях Братства одежды, белья и обучить девочек шитью, вышиванию, простой кройке, вязанью.

В мастерской имеется две швейных машины и нужные приспособления для производства работ. Мастерица-учительница нанималась по-дённо. Помогала в работах и надзирательница за девочками. Обучалось 13 девочек. Мастерская своими только силами удовлетворяла всем требованиям на одежду и бельё для призываемых Братством и изредка исполняла частные заказы.

По примеру прежних лет, велись с детьми занятия и по огородничеству. На уступленной Братству части соборной горы насажен был картофель и разные овощи. Сбор оказался хорошим: собрано 90 мер картофеля, 300 бураков и прочее.

Как в обработке огорода, посадке, и уходе за посаженным, так и в сборе посаженного, принимали посильное участие дети, мальчики и девочки, под руководством и при личном участии в работах заведующей, надзирателя, надзирательницы и экономки.

В отчетном году все дети обучались пению, и преимущественно церковному. Обучение вёл регент архиерейского хора Семён Александрович Троицкий. За выбытием последнего в апреле из Ставрополя, обучение по пению вела учительница. По примеру прежних лет, мальчики поют в архиерейском хоре. Как участники в хоре, они обыкновенно пели при архиерейских богослужениях и, кроме того, в воскресные и праздничные дни: всенощные бдения в Андреевской церкви и в Кафедральном соборе, а в этом последнем – раннюю и позднюю обедни. За участие детей в хоре, архиерейское домоправление в прежние годы оказывало помощь по изготовлению одежды для детей. Теперь же участвующим в хоре мальчикам выдаются деньги, кои и зачисляются в пользу детей-участников. За тем, благодаря участию детей в архиерейском хоре, архиерейским домоправлением, по разрешению Его Преосвященства, отпускается 15 – 20 сажень дров первого сорта для отопления Убежища и Дома беспомощных. Кроме, участия в хоре, три мальчика прислуживают при архиерейских богослужениях.

В детскую библиотеку вновь приобретено книг и брошюр более 6 названий в 25 томах. В отчетном году, как и в прежние годы, дети пользовались книгами и из библиотеки епархиальной, находящейся также при Убежище. Руководила чтением книг и заведовала библиотекой учительница.

Состояние здоровья детей было удовлетворительно. Главные болезни: кожные, бронхит, лихорадка и т.п. За десятилетний период существования Убежища был один случай, и именно в отчетном году, смерти мальчика от наследственной чахотки. При больнице состояли: врач Василий Яковлевич Соколов с жалованьем 10 рублей в месяц и больничная дама, вдова священника, А. И. Зимовнова. При больнице, имеется и небольшая аптечка.

Детская касса, учреждённая одновременно с основанием Убежища, продолжала существовать при последнем и в 1899 г. Так же, как и прежде, в ней сберегались те гроши, какие давались детям разными посетителями Убежища и родственниками детей. Туда же, поступали и получаемые участвующими в архиерейском хоре детьми части заработков хора.

Деньги по-прежнему хранились по именным, детским, книжкам в Сберегательной кассе Государственного Банка.

Дети, выбывшие в отчетном году из Убежища, получили свои сбережения в таких размерах: Надбродов Антон 51 р. 50 коп., Широков Василий 81 р. 65 коп., Репухов Максим 61 р. 10 коп., Красновский Иван 93 р. 74 коп., Ревнивцев Иван 111 р. 20 коп., Красновский Евгений 5р. 13 коп., Коновалов 68 к. Итого 505 руб. 55 коп. К 1 января 1900 г. в кассе, остается 466 руб. 31 коп.

Нравственно-воспитательное состояние детей за истекший год следует признать вообще весьма удовлетворительным.

Боле или менее крупных проступков детей в отчетном году не было замечено. Большая часть их – проявляется в детской живости и шаловливости, а не в грубости, упрямстве и испорченности. Из проступков более часты: невниманье, леность и развязность во время уроков и в особенности вечерних чтений книг; самовольные временные отлучки из Убежища тех детей, которые имеют матерей, и других близких родственников, что происходит благодаря поощрению к этому детей матерями и их родственниками; утайка мелких вещей товарищей, порча книг, иногда и вещей и т. п.

Главнейшими мерами исправления были: уговаривание виновного, выговор наедине и пред всеми детьми, заключение в карцер, лишение лакомств, которые нередко приносятся детям благотворителями, наконец, оставление без чая или без одного блюда за обедом.

Последняя мера, как вредная для здоровья детей, применялась весьма редко и к применению её Совет Братства относился с неодобрением, напоминая, кому следует, что наилучшая мера против проступков заключается в умелом предупреждении их.

Пищу получали дети из бесплатной столовой. В 6 часов утра давался детям чай с хлебом; в 9 часов утра – лёгкий завтрак, после 12 часов – обед, а в 5 часов вечера чай с хлебом, перед чаем или после чая – ужин, правильнее, закуска остатками кушаний от обеда. По постным дням готовился детям горячий ужин. Пища обыкновенно бывала проста, всегда свежа и здорова.

Содержание детей одеждою и обувью было достаточно как в количественном, так и в качественном отношении.

Детям шилась одежда из разных материй, пожертвованных частными благотворителями, а также переделывалась из различных поношенных вещей из одежды и белья, каковые пожертвованы в значительном числе женским епархиальным училищем, мужским же духовным училищем проданы поношенные вещи по очень малой цене.

Карп Михайлович Дьячков, по примеру прошлых лет, пожертвовал детям: весною 45 фуражек мальчикам и 15 платков головных девочкам: осенью – 45 шапок и 15 теплых головных платков; а также старикам 13 шапок и старухам 27 головных платков. Бельё дети меняли еженедельно, иногда даже по два раза в неделю, в бане бывали тоже еженедельно. Т. В. Лукинов изъявил согласие, чтобы за мытье в его бане детей Убежища, платилось по 3 коп. за каждого.

Помещения Убежища, со всей их материальной обстановкой, содержались весьма опрятно; одежда, бельё и прочее в должном порядке. Воздух в помещениях заботливо вентилировался, и вообще отличался чистотою.

Об утверждении устава общества «Ясли» в городе Екатеринодаре.

1907 г. – 23 февраля 1909 г.

13 июня 1907 г. прошение к начальнику Кубанской области. Общество «Ясли» до сих пор составляло фракцию Екатеринодарского городского благотворительного общества. В настоящее время правление и попечительный комитет «Ясли» желает выделиться и представляет устав утвердить.

Учредителями общества являются: баронесса Екатерина Павловна Штейнгель, жена купца Зинаида Мироновна Дон-Дудина, жена купца Бронислава Васильевна Яновская, жена коллежского асессора Анна Илларионовна Садило, жена статского советника Александра Николаевна Яцюк, екатеринодарский купец Давид Михайлович Дон-Дудин, вдова есаула Елена Алексеевна Аверина, жена действительного студента София Петровна Скворикова, жена доктора медицины Берга Абрамовна Меерович, живущие все в городе Екатеринодаре. Председательница общества баронесса Екатерина Павловна Штейнгель.

Устав общества «Ясли» утвержден 18 июня 1907 г. и внесен в реестр обществ и союзов по Кубанской области.

Устав общества «Ясли».

§1. Цель общества – доставление присмотра и ухода за малолетними детьми обоего пола бедных жителей города Екатеринодара, преимущественно рабочего класса, в то время, когда родители их заняты поденными работами вне дома. Средствами для этого должны служить учреждение в разных частях города приютов «Ясли».

§2. Число детей, призываемых в приютах, не ограничено и зависит от средств общества.

§3. Дети принимаются в Ясли от 6-ти месяцев до 7 лет.

§4. Дети принимаются в Ясли утром и остаются в заведении целый день до 8 часов вечера.

§5. Во время пребывания в Яслях дети получают все необходимое для них содержание, а также пользуются врачебной помощью и лекарствами в случае болезни.

§9. Почетными членами общества становятся те, кто делают пожертвования не менее 500 рублей или оказывают особые услуги.

§10. Действительные члены вносят в кассу общества ежегодно по 3 рубля или единовременный взнос 100 рублей.

§11. Средств общества составляются из: 1) членских взносов; 2) пожертвований; 3) сборов по подписным книжкам; 4) из сборов в круж-

ки, выставляемые с надлежащего разрешения; 5) из доходов от публичных лекций, гуляний, спектаклей и т.д. ...

ГАКК. Ф. 454. Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска. Оп. 2. Д. 3943. – Л. 1 об. – 19 об.

Отчет о деятельности Комитета Попечения о бесприютных детях школьного возраста в г. Екатеринодаре за 1910 год.

Убежище для бесприютных детей начато постройкой 8 сентября 1906 г., окончено 4 ноября 1907 г. Всех детей обоего пола в 1910 г. было 117 человек. Постановка воспитательного дела в Убежище для детей нашла себе справедливую общественную оценку

Летом 40 детей Убежища были отправлены на Тонкий Геленджикский мыс в начатый строиться детский Санаторий «Во Имя Христа Спасителя».....

На содержание Убежища в 1910 г. было истрчено 17444 руб. 40 коп. Из этой суммы пособие от города составило 7105 руб. 42 коп. и от дирекции народных училищ 680 руб. 70 коп. Более же 9500 руб. было собрано путем частных пожертвований, а также благодаря 2 потеряям-аллегри и другим благотворительным развлечениям.....

Сравнительно незначительная затрата на одежду объясняется тем, что теплых пальто почти никогда не приходится покупать благодаря пожертвованиям поношенных пальто из женского Епархиального училища и из Александровского реального училища, чем Убежище обязана начальнице Епархиального училища Н.М. Максимовой.....

Постоянное и неизменное покровительство господина начальника Кубанской области и супруги его почетной попечительницы Убежища, Городской Думы и той массы гуманных добрых сердцем людей, которые с самого возникновения Убежища постоянно поддерживают его своим сочувствием и посильными пожертвованиями, и без поддержки которых бы давно разрушилось и бесследно бы исчезло это дело помощи беспризорным детям, которым справедливо может гордиться наш город.....

При Убежище для бесприютных детей существует начальная одноклассная школа, курс которой проходится в 4 года. В 1910 г. школу убежища окончили 21 ученик. При школе Убежища существует корзиночная мастерская. Так как в октябре 1910 г. была открыта в г. Екатеринодаре Сельскохозяйственная Выставка Кубанского казачьего войска, то убежище выставило свои экспонаты, за что и получило диплом на большую золотую медаль...

ГАКК. № 7581. Отчет о деятельности Комитета Попечения о бесприютных детях школьного возраста в г. Екатеринодаре за 1910 год. Екатеринодар, 1911. Л. 1 – 21.

Бродячие музыканты. Конец 1900-х – 1910-е гг. К.Е. Маковский

Устав

Пятигорского, Терской области, дамского Кружка попечения о бедных детях

Утвержден
25 января 1913 г.

Пятигорский дамский Кружок попечения о бедных детях находится в ведении Попечительства о трудовой помощи, состоящего под **Августейшим** Покровительством **Ее императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны**

1. Кружок имеет целью попечение о бедных детях – круглых сиротах и полусиротах, проживающих в г. Пятигорске.

2. Для достижения этой цели Кружок содержит в г. Пятигорске детский сиротский приют при нем дневное убежище «Ясли» для детей бедных рабочих.

3. В приют принимаются дети обоего пола без различия вероисповедания, сословия или звания, в возрасте от 2 до 8 лет. В приюте дети могут оставаться не позднее достижения мальчиками 14 лет и девочками 16 лет, а затем они помещаются в специальные школы, профессиональные и ремесленные училища, школы садоводства и разного рода мастерские, причем до окончания обучения в них находятся все время под попечительством Кружка.

4. Дети содержатся в приюте скромно и просто с тем, чтобы оказаться подготовленными к трудовой жизни рабочих классов. С этой целью детей приучают в приюте исполнять все домашние работы, сообразно их возрасту.

5. В часы, свободные от работы, детей обучают Закону Божьему, грамоте, церковному пению. Независимо от сего, для них устраивают религиозно-нравственные чтения и беседы, под руководством священника или кого либо из учителей или учительницы по назначению Попечителя (ницы).

6. В воскресные и праздничные дни производятся только неолжжные работы, на которых призреваемые назначаются по очереди; все же свободные от работы питомцы посещают в эти дни церковное богослужение.

Дети ежегодно приводятся к исповеди.

Примечание: Дети неправославного вероисповедания исполняют религиозные обязанности по обрядам их веры.

7. Детей с порочными наклонностями, которые оказались бы неисправимыми путем воспитательных средств приюта, управление оног помещает, по мере возможности в заведения, специально для сего учрежденные.

10. Священник приглашается Правлением Кружка, по сношению с епархиальным начальством, для преподавания детям православного вероисповедания Закона Божия и ведения с детьми религиозно-нравственных бесед.

Примечание: Дети неправославного исповедания пользуются, по возможности, наставлениями в вере своих духовных пастырей.

11. Врач приглашается Правлением Кружка для постоянного надзора за санитарным состоянием приюта и для оказания врачебной помощи детям.

12. Дети выпускаются из приюта по достижении предельного (п.3) возраста или ранее, если представится возможность поместить их на надежное попечение родственников, надлежащих обществ, благотвори-

тельных учреждений или частных лиц, или же если призреваемые окажутся нравственно окрепшими и достаточно привыкшими к работе. При выпуске им выдается Свидетельство о пребывании их в приюте; в случае надобности они снабжаются необходимыми инструментами, сообразно изученному ими ремеслу, а также комплектом белья и платья.

ГАСК. Ф. 3126. Л. 8,9.

Материалы периодической печати

Колония для подкидышей (из судебных наблюдений)

«Прочитывая рубрику . . . , вы постоянно наталкиваетесь на сообщение, что кто-то выгашен из воды, то найден в выгребной яме, на чердаке, на кладбище труп новорожденного младенца. При миллионном населении города трудно всегда найти виновных, но они часто обнаруживаются.

Труп находится тогда, когда подвергся разложению. Внешних резко выраженных признаков насилия в большинстве случаев не бывает. Если есть кровоподтеки, трудно обнаружить – умышленно или при родах. Гнилость легких лишает возможности понять, родился ли он мертвым или живым. Виновная без присяжных приговаривалась к кратковременному аресту. Виновная девица – не живущая с мужем или замужняя из податного сословия и она срочно беременностью роды и ребенка, не зная, что с ним делать.

Неделя . 1889. – №22.

Узаконение детей

Узаконение незаконнорожденных детей выходит из области исключительных случаев и становится на почву определенного закона. Ход дела теперь упрощается и ускоряется. Дети узакониваются путем брака их родителей. Дети же, прижитые женатым отцом или замужней матерью, остаются в прежнем положении.

Неделя. 1891. – №14.

О судьбе сироты-ребенка

После смерти от холеры фельдшерицы А. С. Олонкиной остался малолетний мальчик, появилась проблема с его попечительством. Его отдали акушерке Е.П. Гладковой и содержали на деньги частной бла-

готовительности. В дальнейшем земство будет выделять 8 руб. в месяц на содержание мальчика.

Неделя. 1892. – №41.

О внебрачных детях

- Выдается ли внебрачному ребенку после его усыновления новое метрическое свидетельство или документ его заменяющий, и если выдается, то каким установлением?

- О выдаче усыновленным внебрачным детям новых метрических свидетельств в законе не указывается. Узаконенным внебрачным детям (ст. 144, Т. X., Ч. 1) выдается новое свидетельство о рождении.

- Остается ли в документах внебрачного ребенка после его усыновления указание на то, что он внебрачный?

- В документах усыновленных детей указание остается. В свидетельстве о рождении узаконенных детей такого указания нет.

Право. 1905. – № 25.

Об узаконении внебрачных детей

- Требуется ли при узаконении внебрачных детей согласие всех законных детей или же достаточно согласие одного из них?

- По смыслу 2п. 150 ст. Т. X. Ч. 1. и по мотивам к этой статье требуется согласие всех законных детей. В кассационной практике вопрос этот еще не разрешен.

Право. 1905. – №31.

Об усыновлении детей

- Может ли потомственный дворянин усыновить законнорожденного крестьянина и в утвержденном случае – на основании, каких законов, куда и с какими документами следует обратиться и какими правами воспользуется усыновленный?

- Может (ст. 145, Т. X., Ч. 1). Просьба об усыновлении должна быть подана в окружной суд по месту жительства. Необходимо предоставить: метрики усыновляемого и усыновителя, подписку о согласии на усыновление родителей усыновляемого, супруга усыновителя, его самого (если он достиг 14 лет – предоставить его суду). Усыновленный пользуется правами личного почетного гражданина (ст. 153, Т. X. Ч. 1).

Право. 1905. – №37.

Об опекунстве

- Вправе ли опекун малолетнего, являющегося одним из собственников, принадлежащего нескольким лицам на правах общей собственности наследуемого имущества, отдавать его в аренду без согласия сонаследников?

- Не вправе (ст. 546, Т. X., Ч. 1): распоряжение общим неразделимым имуществом должно быть по общему согласию.

Право. 1905. – №43.

Об иске к внебрачному отцу

- Возможен ли иск к внебрачному отцу о содержании ребенка, записанного законнорожденным сыном мужа матери (ст. 19, Т. X., Ч.1)

- Иск был удовлетворен. Но из-за разгульного образа жизни матери решение было отменено по нарушению ст. 119, Т. X., Ч. 1 и ст. 1348 уст. гражд. суд.

Право. 1905. – №51.

Происшествия

17 января, часов в 5 вечера из комитета приюта для детей лиц, при использовании служебных обязанностей бежал 11-летний мальчик Габриэль Фращевский.

Ставропольская почта. 1908. – №215.

Происшествия

Участковой полицией предложено принять меры к розыску 13-ти-летнего воспитанника приюта при церкви св. Анны Аданфе Эйзера. Мальчик бежал около 3 дней назад.

Ставропольская почта. 1908. – №233.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822 – 1899)

Известный русский писатель-гуманист, чье творчество занимает ведущее место в литературе середины – второй половины XIX века. Ряд произведений, созданных им, вошел в золотой фонд классики. Его творче-

ство восьмидесятых годов посвящено злободневному вопросу – проблеме обездоленного детства. Именно в этот период усиленного роста капитализма в России по мере увеличения числа крупных промышленных предприятий разорялась масса кустарей и ремесленников, появились целые армии безработных, чьи дети оставались беспризорными. История жизни ребенка, у которого «в детстве не было детства» представлена в повести «Гуттаперчевый мальчик».

Гуттаперчевый мальчик

... Воспитанник акробата Беккера назывался «гуттаперчевым мальчиком» только в афишках; настоящее имя его было Петя; всего вернее, впрочем, было бы назвать его несчастным мальчиком.

История его очень коротка; да и где ж ей быть длинной и сложной, когда ему минул всего восьмой год!

Лишившись матери на пятом году возраста, он хорошо, однако ж, ее помнил. Как теперь видел он перед собою тощую женщину со светлыми, жиденькими я всегда растрепанными волосами, которая то ласкала его, наполняя ему рот всем, что подвертывалось под руку: луком, куском пирога, селедкой, хлебом, – то вдруг, ни с того ни с сего, накидывалась, начинала кричать и в то же время принималась шлепать его чем ни попало и куда ни попало. Петя, тем не менее, часто вспоминал мать.

Он, конечно, не знал подробностей домашней обстановки. Не знал он, что мама его была ни больше, ни меньше как крайне взбалмошная, хотя и добрая чухонка, переходившая из дома в дом в качестве кухарки и отовсюду гонимая, отчасти за излишнюю слабость сердца и постоянные романтические приключения, отчасти за неряшливое обращение с посудой, бившейся у нее в руках как бы по собственному капризу. ...

Григорович Д.В. Избранное. – М., 1976. – С. 156 – 157.

... В числе воспоминаний Пети остался также день похорон матери. В последнее время он мало с ней виделся и потому отвык несколько; он жалел ее, однако ж, и плакал, – хотя, надо сказать, больше плакал от холода. Было суровое январское утро; с низменного пасмурного неба сыпался мелкий сухой снег; подгоняемый порывами ветра, он колот лицо как иголками и волнами убежал по мерзлой дороге.

Петя, следуя за гробом между бабушкой и прачкой Варварой, чувствовал, как нестерпимо щемят пальцы на руках и па ногах; ему, между прочим, и без того было трудно поспевать за спутницами; одежда на нем случайно была подобрана: случайны были сапоги, в которых

ноги его болтались свободно, как в лодках; случайным был кафтанишко, которого нельзя было бы надеть, если б не подняли ему фалды и не приткнули их на пояс; случайной была шапка, выпрошенная у дворника; она поминутно сползала на глаза и мешала Пете видеть дорогу. Ознакомясь потом близко с усталостью ног и спины, он все-таки помнил, как уходился тогда, провожая покойницу.

На обратном пути с кладбища бабушка и Варвара долго толковали о том, куда теперь деть мальчика. Он, конечно, солдатский сын, и надо сделать ему определенье по закону, куда следует; но как это сделать? К кому надо обратиться? Кто, наконец, станет бегать и хлопотать? На это могла утвердительно ответить только досужие и притом практические люди. Мальчик продолжал жить, треплясь по разным углам и старухам. ...

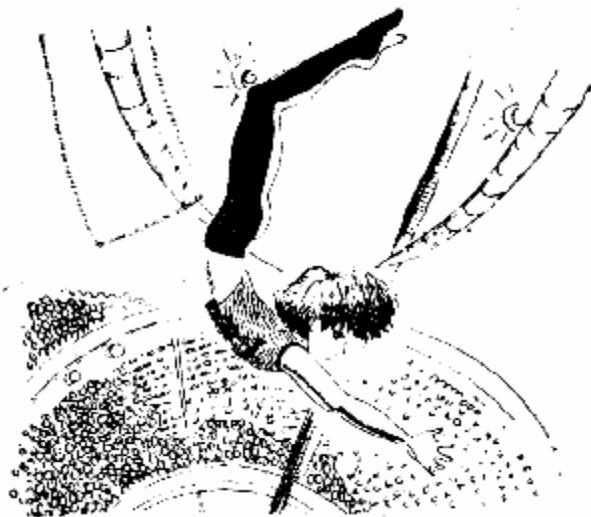
Григорович Д.В. Избранное. – М., 1976. – С. 160 – 161.

... Особенно тяжело стало ему, когда началось ученье. После первых опытов Беккер убедился, что не ошибся в мальчике; Петя был легок, как пух, и гибок в суставах; недоставало, конечно, силы в мускулах, чтобы управлять этими природными качествами; но беды в этом еще не было. Беккер не сомневался, что сила приобретется от упражнений. Он мог отчасти даже теперь убедиться в этом на питомце. Месяц спустя после того, как он каждое утро и вечер, посадив мальчика па пол, заставлял его пригибаться головою к ногам, Петя мог исполнять такой маневр уже сам по себе, бея помощи наставника. Несравненно труднее было ему перегибаться назад и касаться пятками затылка; мало-помалу он, однако ж, и к этому стал привыкать. Он ловко также начинал прыгать с разбегу через стул; но только, когда после прыжка Беккер требовал, чтобы воспитанник, перескочив на другую сторону стула, падал не на ноги, а на руки, оставляя ноги в воздухе, – последнее редко удавалось; Петя летел кувырком, падал на лицо или на голову, рискуя свихнуть себе шею.

Неудача или ушиб составляли, впрочем, половину горя; другая половина, более веская, заключалась в тузах, которыми всякий раз наделял его Беккер, забывавший, что упражнениями такого рода он скорее мог содействовать к развитию собственных мускулов, которые и без того били у него в надежном порядке.

Мускулы мальчика оставались по – прежнему тощими. Они, очевидно, требовали усиленного подкрепления. ... Несмотря на легкость и гибкость, Петя был ... не столько гуттаперчивым, сколько несчастным мальчиком. ...

Григорович Д.В. Избранное. – М., 1976. – С. 165 – 166, 168.

... Во внутреннем коридоре только слабым светом горит ночник, прицепленный к стене под обручами, обтянутыми бумажными цветами. Он освещает на полу тюфяк, который расстилается для акробатов, когда они прыгают с высоты; на тюфяке лежит ребенок с переломленными ребрами и разбитой грудью...

Ночник освещает его с головы до ног; он весь обвязан и забинтован; на голове его также повязка; из-под нее смотрят белки полузакрытых, потухающих глаз. Вокруг, направо, налево, под потолком – все окутано непроницаемой темнотою. И все тихо. ...

Григорович Д.В. Избранное. – М., 1976. – С. 189.

Владимир Галактионович Короленко (1853 – 1921)

Русский писатель и публицист. Рассказы и повести, во многом автобиографичные, проникнуты гуманистическими идеями. Особенно пронзительно остра тема детей так называемого «дурного общества». Таким является рассказ писателя «Дети подземелья».

...Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Темные курчавые волосы лохматились над черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но, все же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился еще более, когда из-под того же престола или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось еще грязное личико, обрамленное белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски любопытными голубыми глазами...

Короленко В.Г. Дети подземелья / Ил. В.В. Костицына. – М.: Сов. Россия. 1984. – С. 18.

Иллюстрация к «Дети подземелья»

...С тех пор я весь был поглощен моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительно целью – высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество». И, если Тыбурций разглагольствовал перед своими слушателями, а темные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые я мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, и глаза ее загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в ее пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминающее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка, покачиваясь на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил ее белокурые волосы, что мне становилось самому грустно, и слезы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал ее с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в темные косы ее каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко, когда же смеялась, то смех ее звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье ее было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у нее были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валек, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро...

Короленко В.Г. Дети подземелья / Ил. В.В. Костицына. – М.: Сов. Россия. 1984. – С. 22,24.

Дети-подкидыши

Ставропольский приказ общественного призрения
17 марта 1871 г.
Частного пристава
2-й части
города Ставрополя
№1233

В Ставропольский приказ общественного призрения

Подкинутого сего дня в 4 часа утра к квартире жены губернского секретаря Елизаветы Успенской дитя мужского пола, без записки и крестика, в белой скатерти и красном небольшом одеяльце... имею честь представить в приказ общественного призрения на зависящее распоряжение.

ГАСК. Ф.240. Оп.2. Д.1023. Л.1.

17 марта
1871 г.
№348

Ставропольский приказ на основании постановления своего... подкидыша младенца мужского пола предлагает зачислить этого младенца в число призреваемых и немедленно приискать мамку и отдать на прокормление грудью с платою по 5 руб. в месяц...

ГАСК. Ф.240. Оп.2. Д.1023. Л.3.

О внезапном осмотре младенцев-подкидышей в 1906 г.

От губернатора
по приказу общественного призрения
3 июня 1906 г. №898
Чиновнику особых поручений (при губернаторе)

Признавая необходимым произвести осмотр призреваемых приходом общественного призрения младенцев-подкидышей... с целью убедиться имеют ли эти дети надлежащий уход у кормилиц, получающих на их содержание по 5 руб. в месяц, предлагаю Вам произвести означенный осмотр и о результатах оного представить мне обстоятельный доклад.

ГАСК. Ф.240. Оп.2. Д.1846. Л.1.

В списке – 14 младенцев-подкидышей: 2 мальчика, 12 девочек.
14 кормилиц: 3 крестьянки, 2 солдатки, 9 мещанок.
(Подсчитано Овчаренко Т.С. на основании архивных данных)

ГАСК. Ф.240. Оп.2. Д.1846. Л.1.

Ставропольский приказ общественного призрения
22 января 1875 г.

О зачислении в число призываемых младенца, названного при крещении
Св. Крещения Стефаном.

...Доставленного частным приставом 2 части г. Ставрополя подкинутого к квартире члена окружного суда младенца, названного при Св. Крещении Стефаном, зачислить в число призываемых приказом младенцев, отдаваемых кормилицам для прокормления грудью с платою по 5 руб. в месяц...

ГАСК. Ф.240. Оп.2. Д.3403. Л.3,4.

В Ставропольский приказ общественного призрения
7 июля 1876 г.

Отставного старшего фейерверкера
Романа Данилова и жены
Евдокии Петровой Цымбаловых

Объявление

Желаем взять на свое попечение без всякой со стороны приказа за это платы, находящегося у нас на прокормлении призываемого приказом мальчика Стефана, а потому просим Ставропольский приказ сделать распоряжение об отдаче нам на попечение наше сказанного мальчика Стефана июля 2 дня 1876 года... Жительство имеем в г. Ставрополе в 1-й части на 2-й подгорненской улице в собственном доме.

Пристав 1-й части, проведя дознание и орговедение о состоянии семьи Цымбаловых 12 июля 1876 г. доложил

«...отставной старший фейерверкер Роман Цымбалов и жена его ... поведения хорошего, имеют собственный дом... и в состоянии воспитать просимого ими мальчика Стефана...»

ГАСК. Ф.240. Оп.2. Д.3403. Л.6, 7.

Об опеке над сиротами, полу сиротами и внебрачными детьми

Журнал Ставропольского Сиротского Суда
на 31 января 1887 год.

Слушали: Заявление опекуна, мещанина Антипа Белова, полученное 22 сего января, коим доводит до сведения Сиротского Суда, что находящаяся в его опекунском заведывании малолетняя Александра Никитенко проживает не у бывшего опекуна Сократова, а на квартире, что Сократов ее к нему Белову не доставляет, что документов у него находящихся до сего времени ему, Белову, не присылает и что Сократов продал вещи, принадлежащие Никитенко, отдал в арендное содержание дом, получил денег более 200 руб. и взял себе лошадь с упряжью и тарантас на железном ходу. Посему он Белов просит распоряжения Сиротского Суда об истребовании от Сократова отчета о деньгах и имуществе Никитенко в бытность его опекуном над нею.

Определено: Согласно вышеизложенному в четвертый раз предложить бывшему опекуну Коллежскому Секретарю Василию Сократову: находящиеся у него как денежные так и другие документы с получения сего немедленно представить в Сиротский Суд, куда также представить отчет о деньгах и прочем имуществе взятом им в бытность его опекуном над именем и малолетнею сиротою Александрою Никитенко; при чем предупредить его, Сократова, что если в недельный срок им не будет доставлено документов и отчета, то Сиротский Суд вынужденным будет обратиться к подлежащей судебной власти о привлечении его к ответственности.

ГАСК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1830. Л. 22.

В Ставропольский Сиротский Суд
Поверенного крестьянки Стефаниды
Степановны Поповой – стацкого
советника Ивана Петровича Селарави,
живущего во 2-й части Ставрополя губ.,
по Вельяминовской ул. в доме Праве.

Прошение

Из прилагаемой копии метрической выписки из книг здешней Варваринской церкви, что 18 сентября 1909 г. у моей доверительницы Стефаниды Поповой родился внебрачный сын Леонид; сама Попова по-

стоянно живет в Ставрополе, никакого имущества не имеет; она же содержит и новорожденного Леонида, по крестьянскому отцу Стефановича, по фамилии матери – Попова.

В числе прочих своих судебных и административных дел, Стефанида Попова поручила мне отыскивать для ее ребенка содержание с имущества ее внебрачного мужа, отца ее ребенка, - умершего ныне Леонида Карловича Кржановского, - над имуществом которого Сиротский Суд учредил опеку...

февраля 19 дня 1910 г.

ГАСК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1367. Л. 1.

Копия
ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
О РОДИВШИХСЯ ЗА 1909 ГОД,
ВЫДАННАЯ ПРИЧТОМ ВАРВАРИНСКОЙ ЦЕРКВИ Г. СТАВРОПОЛЯ...
МЕСЯЦ И ДЕНЬ КРЕЩЕНИЯ
СЕНТЯБРЯ 18. 22.

ИМЕНА РОДИВШИХСЯ
Леонид (внебрачный)
ЗВАНИЕ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ РОДИТЕЛЕЙ И КАКОГО
ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Крестьянка Ставропольской губернии, Села Круглолесского – девица Стефанида Стефановна Попова, православная.

ЗВАНИЕ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО И ФАМИЛИЯ ВОСПРИЕМНИКОВ.

Крестьянин Воронежской губ., Павловского уезда, Лосевской волости и села Стефан Федорович Гасюков и крестьянка той же губернии, и уезда, вол. и села Ксения Васильевна Василенко.

КТО СОВЕРШИЛ ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ

Священник И. Архангельский с псаломщиком М. Долговым.

РУКОПРИКЛАДСТВО СВИДЕТЕЛЕЙ ЗАПИСИ ПО ЖЕЛАНИЮ

Верность сей метрической выписи причт Варваринской церкви Г.г. Ставрополя подписом своим и приложением церковной печати удостоверяет

сентября 24 дня 1909 года

№ 492-й Священник Иоанн Архангельский

Диакон К. Михайловский (М.П.)

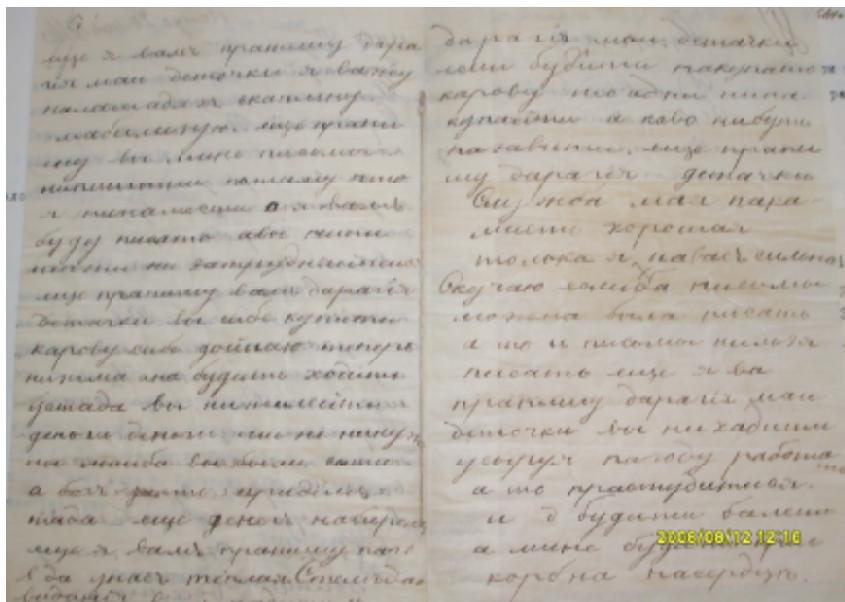
ГАСК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1367. Л. 3.

В Ставропольский городской Сиротский Суд
Ставропольской мещанки
Евгении Дмитриевны Зубковой,
живущей на Плевенской ул. дом № 156

После умершей матери моей Варвары Спиридоновны Шуваевой, осталось недвижимое и движимое имущество, на Плевенской улице под № 156 и малолетние дети, в виду чего прошу Сиротский Суд учредить опеку над имуществом и малолетними, назначив меня, как родную сестру сирот опекуншей, так как отец сирот Дмитрий Шуваев находится на войне.

1915 года сентября 25-го дня
За неграмотную Зубкову расписалась по ея просьбе
(подпись)

ГАСК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1508. Л. 1.

**Фрагмент письма солдата Дмитрия Шуваева своим детям
(Текст письма полностью соответствует оригиналу)**

« 1916-го Года 10-го мая

Здрастуйти дарагия маи Деточки жалкаи маи Сиротачки. Вапервыхъ стракахъ маего письма спашу я васъ уведамить что я данастаящего время живъ и здоровъ таго и вамъ жилаю отъ Госпада Бога всего хорошего кланиюся я дочки Евгений и внучатамъ яши и ленички еще паклонъ дочки Нюси еще дочки Нюрочки еще малюточки дочки тонички жилаю вамъ добраго здоровья и всего хорошего на беломъ Свете Жить ниту жить веселится еще я вамъ прапишу дарагия маи деточки я вaju налошадяхъ скатину мабилизую. Еще прапишу вы мне письма напишати патаму что я нинамести а я вамъ буду писать авы напишати ни затрудняйтиса еще прапишу вамъ дарагия детачки вы сибѣ купити карову сибѣ дойнаю теперъ низима ана будить ходитъ устада вы нижилейти деньги деньги мне не нужны лишба вы были сыта а богъ дастъ придемъ тада еще денегъ набиремъ еще я вамъ прапишу пагода унасъ теплая. Стемъ дасвидяния вашъ радитель Д.А.Ш.

Дарагия маи детачки если будити пакупать карову то адни нипакупайти а каво нибуть пазавити. еще прапишу дарагия детачки Служба мая пакамести хорошая толька я павасъ сильна Скучаю еслиба письма можна была писать а то и письма нильзя писать еще я вамъ прапишу дарагия маи деточки вы нихадати усыруа пагоду работатъ а то прастудитиса и будити балеть а мне будить прискорбна на сердце.

Стемъ

Дасвидяния

Извиняйти деточки что мало написалъ патаму что не кагда была»

ГАСК. Ф.47.Он.1. Д.1508. Л.11-18.

РАЗДЕЛ V

РОЖДАЕМОСТЬ И ЗДОРОВЬЕ

В раздел вошли материалы статистики, аналитических текстов из опубликованных и архивных источников, а также периодики. Это: Энциклопедический словарь РОССИЯ. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С-Петербург). С-Петербург. 1898. (Россия: Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991.); Обзоры Ставропольской губернии за 1872 – 1879, 1893 – 1907, 1890 – 1909, 1905, 1909 гг. по данным Ставропольского губернского статистического комитета; Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года (LXVII. Ставропольская губерния.); Бахутов К. Медико-топографическое и санитарное состояние губернского города Ставрополя.; данные Ставропольского губернского статистического комитета ГАСК (фонд 80); газета «Неделя».

Рождаемость в российских городах в конце XIX века

Рождения законные и незаконные. Последние сведения о числе законных и незаконных рождений опубликованы центральным статистическим комитетом за 1894 г. За десятилетие, оканчивающееся этим годом, в 50 губерниях Европейской России родилось, средним числом в год по 4 181 783 младенца, из которых вне законного брака – 111 958, или 2,68% (в городах 10,89%, в уездах 1,84%). Наибольший % незаконных рождений оказывается в больших городах, например в Москве – 30%, в Петербурге – 26%, Киеве – 20,8%. Из менее значительных городов Европейской России значительно выше среднего % незаконнорождаемых в Вологде – 29,3%, Орле – 18,9%, Екатеринбурге – 17,5%, Воронеже – 17%, Вятке – 16,9%, в Тамбове, Рыбинске, Ярославле, Костроме, Архангельске, Кронштадте – 14%, Владимире, Перми, Смоленске, Харькове, Туле – 13%. Как абсолютные, так и относительные числа незаконнорожденных по годам отличаются замечательно правильностью, лишь слегка понижаясь, и то только в городах, в годы неурожая и дороговизны (напр. 1891 и 1892) и в непосредственно за ними следующие. Мальчиков в числе как незаконнорожденных, так и родившихся от законного брака, больше чем девочек...

Энциклопедический словарь РОССИЯ. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С-Петербург). С-Петербург. 1898. См. Россия: Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 97.

Таблица № 1

Рост численности городского населения в Ставропольской губернии

	1893	1897	1904	1905	1906	1907	1908	1909
Ставрополь	38156	41590	50443	51379	52499	53398	54156	54834
г. Св. Креста	4312	6583	13614	13881	14184	14508	14856	14853

Источник: Подсчет по материалам Обзоров Ставропольской губернии за 1893 – 1907 гг. по данным Ставропольского губернского статистического комитета.

Таблица № 2

Рождаемость в Ставропольской губернии

1890	1891	1893	1894	1897	1905	1906	1907	1908	1909
45449	43549	49519	50383	38606	63098	27847	31972	24295	19125

Источник: Подсчет по материалам Обзоров Ставропольской губернии за 1890 – 1909 гг. по данным Ставропольского губернского статистического комитета.

Таблица № 3

Показатели рождаемости в городах (1890 г.)

	мальчиков	девочек	всего
г. Ставрополь	1156	1090	2246
г. Св. Креста	120	112	232

Источник: Подсчет по материалам Обзора Ставропольской губернии за 1890 г. по данным Ставропольского губернского статистического комитета. С. 10 – 11

Таблица № 4

Население губернии: численность и показатели рождаемости в городах (1905 г.)

	мужчин	женщин	всего	новорожденных
г. Ставрополь	25701	24742	50443	2180
г. Св. Креста	6687	6927	13614	575

Источник: Подсчет по материалам Обзора Ставропольской губернии за 1905 г. по данным Ставропольского губернского статистического комитета. С. 2 .

Таблица № 5

**Население губернии: численность и показатели рождаемости в городах
(1909 г.)**

	мужчин	женщин	всего	новорожденных
г. Ставрополь	27466	26634	54228	549
г. Св. Креста	7336	7516	14861	80

Источник: Подсчет по материалам Обзора Ставропольской губернии за 1909 г. по данным Ставропольского губернского статистического комитета. С. 2 .

Таблица № 6

**Гендерная дифференциация детей первого года жизни
в Ставропольской губернии в 1897 году**

	менее м-ца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
мальчики	2596	1997	1856	1950	1286	1009	4992	805	834	799	934	316
девочки	2527	2051	1837	1848	1311	844	5267	685	833	682	916	388

Источник: Подсчет по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // LXVII. Ставропольская губерния. – Издание Центрального статистического комитета МВД, 1905.

Таблица № 7

**Помесячная дифференциация детей первого года жизни
в городах и уездах в 1897 году**

	менее м-ца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В городах	397	251	283	294	236	179	615	197	195	156	155	101
В уездах	4726	3797	3410	3504	2361	1674	9644	1293	1472	1325	1695	603

Источник: Подсчет по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года // LXVII. Ставропольская губерния. – Издание Центрального статистического комитета МВД, 1905.

Таблица № 8

Показатели детской смертности в городе Ставрополе в 1870-х годах

Год	Родившихся обоего пола	Общее число умерших обоего пола	Умерших на 1 году жизни	На 100 родивших ся умерло на 1 году	Умерших на 1 году к общему числу умерших %
1872	1062	684	282	26,5	41,2
1873	1043	716	289	27,7	40,3
1874	1089	769	287	26,3	37,1
1875	1114	749	239	21,3	32,0
1876	1149	957	352	30,6	36,7
1877	1177	846	278	24,4	32,8
1878	1091	1257	394	36,1	31,3
1879	1234	1296	386	31,2	29,7
Среднее	–	–	–	28,0	35,1

Источник: Подсчет по материалам Обзоров Ставропольской губернии за 1872 – 1879 годы по данным Ставропольского губернского статистического комитета.

Детская смертность в городах Европейской России
с 1890 по 1894 год

(среднегодовой показатель)

	мужского пола	женского пола
До 1 мес.	9 832	7 859
от 1 до 3 мес.	7 714	6 599
«3 до 6 ».	7 403	6 356
«6 мес. до 1 года	9 724	8 708
«1 до 2 лет	8 150	7 582
«2 до 3 »	3 765	3 490
«3 до 4 »	2 241	2 087
«4 до 5 »	1 523	1 489
«5 до 10 »	3 491	3 285
«10 до 15 »	1 516	1 335

Энциклопедический словарь РОССИЯ. Издатели: Ф.А. Брокгауз
(Лейпциг), И.А. Ефрон (С-Петербург). С-Петербург. 1898. См. Россия:
Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 100.

Положение детей в городе Ставрополе

В XIX веке власть в семье, как и в обществе, имела патриархальный характер: предпочтение отдавалось мужчинам и старшим по возрасту. Гуманизация внутрисемейных отношений в российской провинции в среде купцов, мещан и ремесленников делала скромные успехи. На тяжелое положение детей в г. Ставрополе указывают ряд исследователей конца XIX – начала XX вв. (Бахутов К. Медико-топографическое и санитарное состояние губернского города Ставрополя).

«...Все авторы почти единогласно утверждают о влиянии материального благосостояния на среднюю продолжительность жизни...

По отношению к Ставрополю мы видим то же несомненное влияние этого могущественного агента – бедности и неразрывных с ней плохих гигиенических и санитарных условий... Ухудшение экономического благосостояния жителей и связанное с ним ухудшение гигиенической и санитарной обстановки, при ограниченности умственного кругозора мещан, отставных солдат и крестьян, – все это вместе повлияло на увеличение смертности вообще и детей на первом году жизни, как возраста, который чувствительнее других реагирует на всякие жизненные невзгоды.

В связи же с бедностью и отчасти с умственным убожеством родителей находятся и непосредственные причины детской заболеваемости и смертности: оставление детей без присмотра и соответствующей пищи в ярмарочное и рабочее время, дымная, сырая и удушливая атмосфера, с резкими колебаниями температуры в жилищах (зимой), грязь, нечистоплотность, раннее отнимание от груди и прикармливание посторонней грубой пищей, – все это, вместе и порознь, способно вызвать в организме такие страдания, которые рано сводят в могилу слабый организм новорожденного.

Смертность вообще в возрасте от 0 до 5 лет составляет 57,6% от общего числа умерших. В этом возрасте дети умирают, главным образом, от эпидемий: оспы, кори, scarлатины и дифтерита; из неэпидемических же болезней – от страданий органов пищеварения и дыхания.

Следующий детский возраст, от 5 до 10 лет, дает 54% общей смертности; смертность в этом возрасте особенно усилилась в последние годы, в зависимости от вышеназванных эпидемий, вербующих жертвы часто в этих возрастах...

Воспитание детей в мещанской среде – самое плачевное, вырабатывающее, кроме нравственных и умственных калек, хилое и чахлое поколение. С первых дней ребенка встречает самая неприветливая обстановка, целый ряд недостатков в пище, одежде, обуви и жилищах, и я сказал уже, что более 24% родившихся детей погибают в раннем

детстве благодаря плохой аккомодации организма дитяти к этим жизненным неблагоприятным условиям.

С 10-ти лет ребенка отдают для обучения в какую-либо мастерскую (редко в школу), и в этих мастерских протекают детские и юношеские годы ребенка – точно в каком-то заточении: теснота, сырость и нечистота от скученности мальчиков в мастерских, малопитательная пища при непосильной работе, связанной с побоями и пытками, составляющими чуть ли не ежедневную принадлежность обучения какому-либо мастерству, – все это составляет тяжелую школу и, в то же время, как бы пробу здоровья мещанского дитяти. Многие дети, конечно, не выносят этого систематического нарушения всех правил гигиены и диететики и рано становятся жертвами изнурительных или простудных болезней, а иногда и тяжелых хирургических заболеваний, вследствие нанесенных побоев хозяевами. Выдержавшие, однако, эту 6–8-летнюю пытку ученики переходят в разряд подмастерья и через несколько лет, за малыми исключениями, сами становятся хозяевами-инквизиторами, т.е. нисколько не стараются об улучшении быта своих учеников, что казалось бы необходимым, лично испытав все тяжести ученической жизни в мастерских; стереотипность проглядывает всюду, и не хотят нисколько изменять порядка, веками установленного. Много лет существуют всевозможные мастерские в русских городах, много писали и говорили в литературе о злоупотреблениях во всех отношениях хозяевами этих мастерских, но до сих пор зло не раскрыто в разнообразных его проявлениях и для улучшения быта учеников очень мало сделано; только изредка случай явного нарушения здоровья, разрешаемый хирургическим путем, как выдающееся зло, выплывает наружу и преследуется законом; а постепенное подтачивание здоровья учащихся плохими помещениями мастерских, непитательной пищей и т.д. редко когда доходит до правосудия, администрации, общества. Это тем парадоксальнее, что другие всякого рода филантропические общества, напр., покровительства животных, приобретают все более широкие размеры...

В XIX веке власть в семье, как и в обществе, имела патриархальный характер: предпочтение отдавалось мужчинам и старшим по возрасту. Гуманизация внутрисемейных отношений в российской провинции в среде купцов, мещан и ремесленников делала скромные успехи. На тяжелое положение детей в г. Ставрополе указывают ряд исследователей конца XIX – начала XX вв.

...Все авторы почти единогласно утверждают о влиянии материального благосостояния на среднюю продолжительность жизни...

По отношению к Ставрополю мы видим то же несомненное влияние этого могущественного агента – бедности и неразрывных с ней

плохих гигиенических и санитарных условий... Ухудшение экономического благосостояния жителей и связанное с ним ухудшение гигиенической и санитарной обстановки, при ограниченности умственного кругозора мещан, отставных солдат и крестьян, – все это вместе повлияло на увеличение смертности вообще и детей на первом году жизни, как возраста, который чувствительнее других реагирует на всякие жизненные невзгоды.

В связи же с бедностью и отчасти с умственным убожеством родителей находятся и непосредственные причины детской заболеваемости и смертности: оставление детей без присмотра и соответствующей пищи в ярмарочное и рабочее время, дымная, сырая и удушливая атмосфера, с резкими колебаниями температуры в жилищах (зимой), грязь, нечистоплотность, раннее отнимание от груди и прикармливание посторонней грубой пищей, – все это, вместе и порознь, способно вызвать в организме такие страдания, которые рано сводят в могилу слабый организм новорожденного.

Смертность вообще в возрасте от 0 до 5 лет составляет 57,6% от общего числа умерших. В этом возрасте дети умирают, главным образом, от эпидемий: оспы, кори, скарлатины и дифтерита; из неэпидемических же болезней – от страданий органов пищеварения и дыхания.

Следующий детский возраст, от 5 до 10 лет, дает 54% общей смертности; смертность в этом возрасте особенно усилилась в последние годы, в зависимости от вышеназванных эпидемий, вербующих жертвы часто в этих возрастах...»

Бахутов К. Медико-топографическое и санитарное состояние губернского города Ставрополя. // Ставропольский текст. – Ставрополь, 2006.

Детская смертность по г. Ставрополю в 1912 г.

(православного вероисповедания)

до 1 мес. – нет
от 1 до 3 мес. – 91
от 3 до 6 мес. – 92
от 6 мес. до 1 года – 100
от 1 до 2 года – 85
от 2 до 3 – 50
от 3 до 4 – 47
от 4 до 5 – 35
от 5 до 6 – 11
от 6 до 7 – 11
от 7 до 8 – 12

от 8 до 9 – 14
от 9 до 10 – 10
от 10 до 11 – 7
от 11 до 12 – 5
от 12 до 13 – 5
от 13 до 14 – 8
от 14 до 15 – 3
от 15 до 16 – нет

*ГАСК Ф.80. Оп. 1. Д.115. Л. 76. Ставропольский губернский
статистический комитет.*

О детской смертности

Материалы периодической печати

Внутренняя хроника

«Неутешительные известия получаются о смертности в наших воспитательных домах. Из напечатанного недавно отчета С-Петербургского воспитательного дома, за 1872 г., извлекаются следующие данные: к началу этого года налицо было 23,643 питомцев, из числа которых 21,471 находились в деревнях; в течении года прибыло 7,582, а умерло 6,280; в течении того же года роздано в деревни 5,821... Братья из воспитательного дома детей на прокорм за вознаграждение составило особый вид промысла...»

Неделя. 1873. – №35.

Смертность детей и падеж скота (письмо из Переяславля, Полтавской губернии)

Более трех недель существует повальная смертность детей, наводящая уныние на все население. Медицинский персонал не принимает никаких мер.

«Во многих семьях заболевают по 5-6 человек, и не приходит недели как все 6 человек умирают... Сколько можно судить по внешним признакам, свирепствующие болезни – круп и скарлатина. Умирают довольно быстро со страшными страданиями от 2 до 4 детей ежедневно».

Неделя. 1874. – №27.

РАЗДЕЛ VI

ДЕТСКИЙ ВОПРОС В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПАРТИЙ РОССИИ

Данный раздел посвящен политическим организациям и партиям России, отразившим детский вопрос в своих программах. Приведенные в хрестоматии фрагменты о несовершеннолетних подтверждают общий характер программных требований разных политических партий. Радикальные организации и партии предлагали решение детского вопроса в контексте политической борьбы за установление демократического строя в России. Либералы и консерваторы детский вопрос рассматривали лишь как часть реформ по преобразованию российского государства и общества.

Программа «Северного союза русских рабочих» «К русским рабочим»

«...непосредственными требованиями Союза должно быть:

4) Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях...

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда...»

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 29 – 30.*

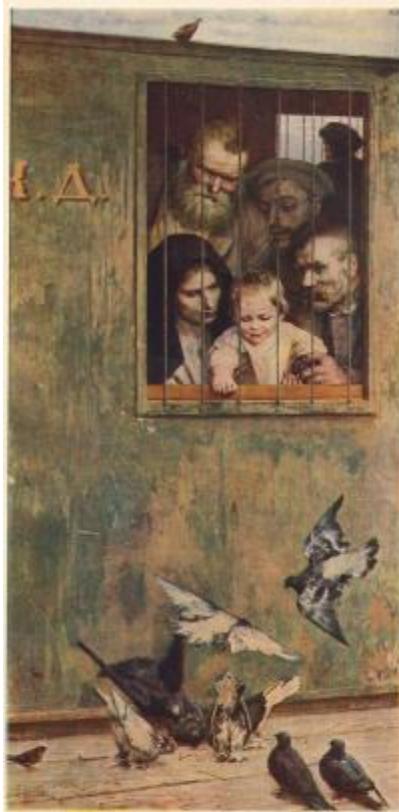
Группа «Освобождение труда»

Второй проект программы русских социал-демократов (1887 г.)

«...Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

...3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, причем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями...»

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 39.*

Всюду жизнь. 1888 г. Н.А. Ярошенко

Программа

Российской социал-демократической рабочей партии (1903 г.)

«...РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

...14. Даровое и обязательное общее и прогрессивное образование для всех детей обоюго пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства...»

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 56.*

«...В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

...5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничение рабочего времени подростков (16-18 лет) шестью часами».

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 56.*

«...7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождение женщин, кормящих ребенка, от работы не реже. Чем через три часа, на время не менее, на полчаса».

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 56 – 57.*

Программа Партии социалистов-революционеров

«...Б. В народно-хозяйственной области:

2) В вопросах рабочего законодательства П.С.Р. ставит своей целью... запрещение... работ малолетних до 16-ти лет, ограничение работ несовершеннолетних, запрещение... детского труда в известных отраслях производства и в известные периоды...»

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 64 – 65.*

Программа Конституционно-демократической партии (народной свободы)

« VII. Рабочее законодательство»

«...49. Развитие охраны труда... детей...»

Программа Конституционно-демократической партии (народной свободы). – М., 1917. - С. 21 – 22.

Программа

Демократического союза конституционалистов

Основные задачи социального и экономического характера.

Защита интересов рабочего класса.

«...48. Устройство при всех заводах, фабриках и других предприятиях. Где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей.

49. Охрана труда детей и ограничение рабочего времени подростков».

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 90.*

Программа

«Союза 17 октября»

«б) ...Рабочий вопрос.

... меры к ограничению рабочего времени для... детей...»

*Полный сборник платформ всех русских политических партий. –
С-Петербург, 1906. - С. 102.*

Программа

Русской монархической партии

«... VIII. Неустанное попечение о материальном и духовном благе крестьянского и рабочего сословия и добром воспитании его в правилах религиозной нравственности, любви к царю и Отечеству и законного гражданского общежития.

«... Монархическая партия будет всячески содействовать распространению народных школ, заботящихся не только о том, чтобы обучить детей... рабочих грамоте и полезным ремеслам, но и дать им прочное религиозно-нравственное воспитание, возбудить у них любовь к Царю и Отечеству, приучить к исполнению своего долга и к соблюдению законного порядка...»

*Программы политических партий и организаций конца XIX – XX вв.
Ростов-н-Д: Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 111 – 112.*

Учебное издание

Корректор Е.В. Лисицына
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

Подписано в печать 10.10.08

*Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная*

Усл.печ.л. 13,25

Тираж 100 экз.

Уч.-изд.л. 11,64

Заказ 25

Типография ООО «Борцов»,
г. Ставрополь, ул. Семашко 16.
Тел./факс: (8652) 35-85-58.